

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей МАЛИЦКИЙ

СКВЕРНА

Камни Митуту

Сергей Малицкий

Скверна

«Автор»

2014

Малицкий С.

Скверна / С. Малицкий — «Автор», 2014 — (Камни Митуту)

ISBN 978-5-699-72307-2

Игнис и Кама – принц и принцесса маленького королевства Лапис – вынуждены скитаться в поисках спасения. Древняя земля, названная в честь губителя мира Анкиду Лучезарного, постепенно погружается в хаос. С севера покатали обезумевшие орды разбойников. На юге забурлили кочевники. На востоке храмовники в белом возвещают об искуплении зла. Оживают мертвые. В подземельях, оставшихся от низвергнутого губителя, зреет оставленная им скверна. Изгнанные и оболганные Игнис и Кама не подозревают, что судьба мира зависит от их выбора...

ISBN 978-5-699-72307-2

© Малицкий С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Малицкий

Скверна

Пролог Уманни

Барка ткнулась в глинистый берег под утро. Как раз кончился дождь, который длился весь месяц, заполнил водой все, и не выгнал из берегов реку только потому, что поганая земля по берегам всасывала в себя влагу без остатка. Последний день первого летнего месяца еще только пробивался сквозь сумрак, а без малого две сотни паломников бросили весла, поднялись и, пошатываясь на отсиженных ногах, отжимая на ходу мокрые балахоны, поспешили перейти по деревянным мосткам на берег. Занять их места на лавках рассчитывало почти столько же счастливиц, ничем не выдававших своего счастья.

– Боль вместо радости, – объяснил мрачные лица один из вновь прибывших, высокий и худой старик, своему недавнему соседу по веслу – низкорослому крепышу с раскосыми глазами. – Все правильно. Разве Энки радовался, когда обнимал себя, охваченный пламенем?

– Не знаю, – ответил коротышка, окидывая взглядом поросший блеклой травой берег, увешанный амулетами, уходящий на косогор канат, заброшенные строения наверху, пару десятков хмурых храмовников в разноцветных балахонах с тяжелыми баграми, едва различимый в утреннем тумане город, в полутора лигах выше по течению. – Никто не знает.

– Уманни, – закашлялся старик, который большую часть пути не греб, а лежал на весле. – Всегда хотел его увидеть. Ничто не могло его сломить. То Тирена захватывала эти земли, то Аккад, то Лигурра, кого здесь только не было. И где они все? А он стоит.

– Ты считаешь, на него стоит взглянуть? – поднял брови тот.

– Зачем? – не понял старик.

– Чтобы убедиться, – пожал плечами коротышка.

– Если во всем приглядом убеждаться, глаза сломаешь, – пробурчал старик, согнулся в поклоне, обхватил плечи руками и поочередно сложил пальцы в щепоти, сжал в кулаки, спрятал большие пальцы под остальными, растопырил их, стискивая коричневый балахон. – На слово надо верить.

– Зачем тогда ты здесь? – не понял коротышка.

– Я, как и все, – буркнул старик. – От тоски и от страха. Кто еще утешит нас, кроме Энки?

– Его там нет, – проговорил коротышка, вновь повернувшись к косогору.

– А где же он? – нахмурился старик.

– Везде, наверное, – развел руки коротышка. – Внутри каждого. Не нужно далеко ходить. Смотри, – коротышка втянул ноздрями воздух, – я дышу им.

– Дышу... – снова закашлялся старик. – Нет уж. Внутри каждого второго живет Лучезарный. И дышат они Лучезарным. Поверь, меня не раз обжигало этим дыханием. А уж здесь... Ты посмотри, – старик топнул ногой, – посмотри, какая земля пропадает! А выше, за косогором? Тысячи лет ее поливали поЕтом крестьяне, и что теперь? Светлая Пустошь? Поганое место? Понятно. Зачем полторы тысячи лет назад Лучезарный привел сюда свое воинство? Говорят, за горами Митуту восточные земли обширнее наших? Жизнь можно прожить, пока доберешься до восточного океана! Что ему здесь?

– Он был голоден, – негромко ответил коротышка. – Очень голоден.

– Что? – не понял старик и приложил ладонь к уху. – Голоден? Откуда ты знаешь?

– Я видел, – прикрыл глаза коротышка.

– Видел? – переспросил старик.
– А ну-ка, становись по десятку к канату! – начали сгонять паломников храмовники.
– Ты ведь умирать сюда пришел, верно? – спросил коротышка старика, подтягивая балахон и подвязывая его на поясе бечевой.
– И что? – напрягся старик.
– Я желаю тебе легкой смерти, – сказал коротышка.
– Так не бывает, – горестно покачал головой старик и тут же удивленно поднял брови. – Ты куда?
– Прогуляюсь, – выдохнул коротышка, нырнул под канат и зашагал в сторону мертвого города.
– Что значит «видел»?! – крикнул ему вслед старик. – Как зовут тебя?
Коротышка не ответил. Шел, не оборачиваясь, прочь от каната, паломников, раздраженных храмовников, барки, что покачивалась из-за торопящейся занять места новой смены гребцов.
– Давай, старый, – один из храмовников подтолкнул старика. – Мало ли что в голову взбрело несчастному? Многие уходили в Уманни, да только никто не возвращался. Или с вашей барки никто не прыгал по дороге сюда?
– Я хотел, но не смог, – прошептал старик, не в силах отвести взгляд от уменьшающейся фигуры. – Ну и ладно. Тот, кому назначено, не отвертится. Куда бы он ни пошел, смерть будет ждать его на пути.
– Двинулись! – разнеслось над живой змеей, и паломники, цепляясь за канат и за жидкую траву, полезли вверх по кособокому...

...Коротышка подошел к городу через час. Близость серых домов оказалась обманчивой. Поросший желтоватой травой берег на изгибе реки лежал складками как ворсистая ткань, словно не ведал о недавнем дожде, сухой овраг следовал за сухим оврагом, и ни тропы, ни стежки не было найдено по их склонам. Взобравшись на последний кособокий, коротышка скинул капюшон, подставил коротко остриженный затылок солнечным лучам, пробивающимся через мутную взвесь странного дневного сумрака, скрестив ноги, опустился на землю, положил ладони на колени и закрыл глаза.

До города оставались две сотни шагов. За стеной бурьяна торчали обвалившиеся остовы бревенчатых хибар, за ними стояли каменные дома, окна на которых имелись только на вторых этажах. Между домами вскидывались каменными изгибами арки соединяющей их стены, но ворот ни в одном из проходов не сохранилось, однако и теперь не вызвало сомнений – древний город когда-то был готов к отражению любых бедствий. Словно в подтверждение этому за первыми рядами домов высилась крепостная стена, которая уходила к востоку, отсекая ремесленные кварталы. За нею кое-где виднелись кровли домов и поднимались стены городской цитадели, окаймляя главную твердыню – уманьскую замковую башню, которая тонула оголовком в низких облаках.

Коротышка просидел на окраине города не менее двух часов. Затем, едва солнце пересилило мутную взвесь и начало нагревать камни и землю, шевельнулся и, не открывая глаз, стал выуживать из-под балахона и соединять между собой стальные стержни. Последний из них сел в назначенный ему паз с сухим щелчком. Коротышка поднялся, заставив загудеть воздух, взмахнул получившимся посохом и зашагал к ближайшей арке.

Когда он миновал ее, солнце уже палило. Под сапогами смельчака скрипел битый камень, рядом шуршали крохотные вихри, взметая пыль на пустых улицах. В некоторых окнах сохранились стекла, которые отражали солнечные лучи, но коротышка не жмурился. Он выглядел останки бедолаг, нашедших успокоение на пустынных улицах. Их попадалось немало. Ино-

гда это были просто кости, иногда над высохшими трупами подрагивали под ветром лохмотья паломнических, а то и храмовых балахонов. У всяких останков коротышка замирал на мгновение, затем едва заметно качал головой и шел дальше.

На третьей улице он повернул на восток. От крепостной стены к ней спускались короткие переулки, справа тянулись трехэтажные дома. Хорошо сохранившимися они казались лишь издали. Вблизи было видно, что их крыши и перекрытия обрушились, и только стены оставались стоять, напоминая скорлупу, из которой вытекла жизнь. В оконных проемах время от времени мелькали тени, словно стая гончих следовала развалинами за коротышкой, но он даже не поворачивал в их сторону головы.

У последнего дома под ветром подрагивал почти целый коричневый балахон. Коротышка приблизился, сдвинул посохом ткань, пригляделся к изуродованному, погрызенному неведомыми тварями и уже начинающему подсыхать телу, удовлетворенно кивнул, попятился, соединил ладони на уровне лица, закрыл глаза и шевельнул губами. Несколько мгновений ничего не происходило, затем словно вихрь набежал на мертвеца, изогнулся смерчем, выпрямился и задрожал пыльным столбом.

– Давно? – спросил коротышка.

Столб подернулся волной.

– Два месяца, – понял коротышка, поднял руку и быстро вычертил в воздухе квадрат, разделив его через стороны крестом на четыре части. Линии сначала вспыхнули пламенем, затем потемнели и, теряя форму, стали медленно расплываться дымом.

– Помоги мне, – сказал коротышка. – Найди вот это в городе, и я отпущу тебя. Поднимешься над поганью, освободишься и обретешь покой.

Столб снова задрожал, являя в облачных переливах изможденное, немолодое лицо.

– Я буду ждать тебя на площади, – сказал коротышка. – Поспеши.

Столб растаял. Остатки вычерченного креста клочьями дыма поплыли в сторону реки. Коротышка поправил посохом ткань на трупе и двинулся от перекрестка на север.

Ворота городской крепости были рядом. Венчали широкую улицу, ступенями поднимающуюся к крепостной стене. Тяжелые воротины на них сохранились, хотя ржа и отметилась оспинами на лучшей каламской стали. Створки были чуть приоткрыты, как раз, чтобы пройти путнику или протиснуться всаднику. Коротышка окинул взглядом надвратные башни, черные росчерки бойниц, прищурился, вглядываясь в щель между створками. Ветер чуть слышно гудел в крепостных ходах. Из переулков за спиной смельчака доносилось цоканье когтей, невидимый зверь словно дразнил его. Коротышка переложил посох из руки в руку и начал подниматься по ступеням.

Увиденное из створа ворот заставило его поднять брови и улыбнуться. Дома внутри крепостной стены явно отличались от тех, что стояли снаружи. Время словно обошло их стороной; не коснулось безжалостной рукой, не засыпало тленом, не припорошило пылью. Их перекрытия и кровли были не просто целы – стекла сияли во всех окнах и занавески светились чистой. Мостовая блестела так, словно не далее как нынешним утром была вымыта. Вот только ни единого человека не было видно ни возле домов, ни в дверях, ни в окнах, ни на причудливых балконах и террасах. Казалось, что люди попрятались, чтобы не попадаться коротышке на глаза.

– Неплохо, – пробормотал он, хотя глаза его полнились тревогой. – Мне нравится.

Улица была будто нарисована яркими красками мастеровитым художником, из тех, что умеют передавать блеск воды и глянец камня, но если она и была нарисована, то никак не на холсте. Та же мостовая отзывалась твердостью на каждый шаг. Эхо и то металось между домами, а не между развалинами. Коротышка двинулся в сторону цитадели, и стук его каблуков казался чистым и звонким. Вымощенная камнем огромная площадь сделала этот звук

едва ли не оглушительным. Коротышка вышел на ее середину, обернулся, оглядывая красивые, словно выпеченные с сахарной патокой, украшенные глазурью дома, пустынные улицы, удовлетворенно ударил о камень посохом, заставив звон разнестись во все стороны, и зашагал к устроенному на противоположном краю площади трактиру, перед которым на каменной скамье сидели четверо горожан. Только они не прятались и как будто даже ждали коротышку. Над их головами и над богатыми, украшенными резным стеклом дверями из стены торчали днища дубовых бочек. Серый камень мостовой перед входом в трактир был заменен красным гранитом. Квадратные колонны у дверей выполнены из розового мрамора.

Коротышка кивнул четверым, которые на первый взгляд ничем не отличались от подобных стариков перед любым трактиром Анкиды, толкнул тяжелую дверь и вошел в узкий и длинный зал с высоким потолком. Справа тянулась стойка из красного дерева, слева стояли дубовые столы, за которыми сидели еще десятка два горожан. Кто-то потягивал из кубков вино, кто-то отдавал должное тушеному мясу. За стойкой натирал тряпицей глиняные чашки верзила-калам в сером фартуке. Коротышка поклонился повернувшимся к нему завсегдатаям, прошел в глубину трактира, оперся локтями о стойку, которая была ему по грудь. Хозяин вопросительно посмотрел на гостя, потом перевел взгляд на стоявшие за его спиной бочки.

– Нет, – мотнул головой коротышка. – Чуть позже. Я жду приятеля.

Хозяин кивнул и продолжил наводить блеск. Но всякий раз, когда он брал в руки очередную чашку и проводил тряпицей по ее краю, раздавался едва различимый скрежет.

– Давно не бывал здесь, – словно между прочим, проговорил коротышка через минуту. – Но вот, забрел ненароком. Ищу тут одно заведение. Что-то вроде обители. Кров она дает в основном женщинам, но кто его знает, может быть, и мужчине найдется место? На воротах у них знак – квадрат, вроде инквизиторского, но крест не из углов вычерчен, а из середины сторон. Не попадалось?

Хозяин пожал плечами.

– Ты не помнишь меня? – спросил коротышка.

Хозяин сдвинул брови, несколько секунд всматривался в лицо гостя, затем мотнул головой.

– А я тебя помню, – проговорил коротышка. – И имя твое помню. И даже знаю, где ты похоронен. Ты успел выбраться из Уманни. Пару лет прожил в Эбаббаре, потом переехал в Самсум. Держал маленький трактир у Храмовой площади. Я заходил к тебе время от времени. Лет тридцать ты там прожил. Потом помер. Думаю, урна с твоим прахом до сих пор стоит в одном из склепов. Почти полторы тысячи лет. Тебя это не удивляет? Хотя чему уж тут удивляться, в Самсуме берегут старые кладбища, любое из них моложе самого древнего города. К тому же я и сам немолод, если помню... такое.

Хозяин заведения продолжал натирать чашки, словно не слышал слов коротышки. Только скрежет стал чуть громче.

– Запаха нет, – проговорил коротышка, повернувшись спиной к стойке. – Все хорошо, все похоже. Даже лучше, чем было. Но запаха нет. А когда-то в этом трактире пахло так, что слюна текла еще на соседних улицах.

Все завсегдатаи смотрели на коротышку. Но лица горожан были безжизненны. Ни любопытство, ни раздражение, ни радушие не отражалось на них. Открылись двери, и в них медленно вошли старики, встали у стены.

– И звука тоже нет, – добавил коротышка. – Только от моих каблуков. Дверь и та не заскрипела. Разве только сталь скрипит в твоих пальцах, хозяин.

Молчание, царившее в трактире, копилось и словно собиралось перехлестнуть через край.

– Ты намекни своему владыке об упущениях, – бросил коротышка через плечо. – На тот случай, если он не захочет переговорить со мной лично. В этом деле мелочей нет. А то ведь ну как без запаха и звука? Конечно, если это представление не ради меня одного!

Молчание не прервалось. Коротышка кивнул, обернулся к двери. Она не открылась, но перед ней вдруг оказался худой человек с изможденным лицом. Он поежился, окинув взглядом молчаливых едоков, вздохнул, глядя на коротышку. Прошептал:

– Такой же знак вычерчен под куполом главной замковой башни. В верхнем зале. Там страшно, очень страшно. Но никого нет. Я бы поостерегся туда ходить, если бы... Все, кто есть в городе, здесь. Но они не те, кого ты видишь.

– Я приглядываюсь, – ответил коротышка. – О том, чего не вижу, догадываюсь.

– Еще есть псы и прочая мерзость, но они снаружи стены, – добавил человек, глядя на коротышку с надеждой.

– Что нам псы? – улыбнулся тот, перехватывая посох посередине. – Однако тебе пора. Жаль, что я обещал отпустить тебя, приятель. Ты пропустишь незабываемое зрелище. Но слово есть слово. Я отпускаю тебя. На это моей силы хватит.

Коротышка набрал в грудь воздуха, дунул, и незнакомец стал таять, исчезать. И одновременно с ним стала таять и роскошная обстановка трактира. Столы и стойка обратились горой гнили, двери трактира вовсе исчезли, площадь за ними покрылась пылью и грязью, а дома на противоположной стороне улицы стали руинами. Только посетители трактира и трактирщик не стали руинами. Морок спал, и они обратились в поджарых воинов в чешуйчатых доспехах тонкой работы. Но скрежет, который послышался коротышке, издавали не доспехи. В руках того, кто только что напоминал трактирщика, был изогнутый нож и точильный камень. На коротышку уставились десятки пылающих огнем глаз. Он попятился, уперся спиной в стену, переломил посох пополам, в мгновение превратив его в два прямых клинка.

– Ночью советую жмуриться, – пробормотал смельчак. – Иначе глазками выдадите себя.

Создания, которые ничем не отличались от людей, кроме пепельной кожи и огня в глазах, стали надвигаться на коротышку.

– Паломничество следует признать неудавшимся, – заставил себя улыбнуться он.

Коротышка вновь вышел на площадь через недолгое время. В руках у него опять матово поблескивал посох, но балахон, который коротышка сбросил у выхода, был залит кровью, хотя сам путник как будто обошелся без серьезных ран, разве только прихрамывал немного, хотя его куртка и порты были посечены в некоторых местах довольно глубоко. Он выбрался из западни, однако радости на лице смельчака не наблюдалось. Коротышка посмотрел на солнце, которое уже прожаривало развалины из зенита, оглянулся. На площадь вышли черные поджарые псы, но их скорее привлекал запах крови, доносящийся из развалин трактира, чем невысокий путник, от которого явно исходила угроза. Псы остановились в ста шагах, вздыбив шерсть и ожидая, когда воин покинет побоище. Коротышка раздраженно покачал головой, налил глаза тем же самым пламенем, который светился во взглядах воинов в трактире, дождался, когда псы развернутся и бросятся прочь, и двинулся к цитадели, стены которой вздымались над городом уже через три улицы. Спустя десять минут он был у главных ворот, еще через полчаса, миновав узкие проходы между стенами цитадели, оказался у подножия большой уманьской башни. Ее верхушка все еще таяла в мутном месиве, не развеянном даже солнцем. Древность прикрывала пеплом времени каждый камень в кладке, но тяжелые колонны, подпирающие сооружение со всех сторон, все еще не потеряли прочность.

Коротышка медленно поднялся по ступеням к главному входу, упер посох в тяжелую стальную дверь и надавил на нее. Та медленно пошла внутрь. Из темного прохода пахло пылью. Все говорило о том, что ни цитадель, ни башня не использовались немногочисленными

обитателями Уманни ни в качестве жилья, ни в качестве укрытия, но дверные петли были смазаны на совесть.

Коротышка вошел внутрь, прислушался, пробормотал какое-то заклинание и медленно двинулся вверх по лестнице. Едва освещенная через узкие бойницы лестница казалась бесконечной. Почти полчаса потребовалось ему, чтобы оказался в верхнем зале. Там над его головой светились давно уже лишившиеся стекол узкие окна, которые обрамляли фонарь башни. Туда же, к фонарю, спиралью по внутренней стене бежала узкая, в полтора локтя лестница. Нужный коротышке знак был вычерчен в центре купола. Вычерчен грубо, безжалостно рассекая старинные фрески, на которых каламы поклонялись древним богам. Коротышка шагнул было от стены, чтобы разглядеть рисунок получше, сделал еще шаг, еще, едва не споткнулся и наклонился к широкой линии, охватывающей середину зала кольцом. Провел пальцами по составу, что послужил краской, пригляделся к пеплу, вздымающемуся горой в центре зала, взмахнул посохом и медленно подал его вперед. Та часть, что пересекала линию, тут же стала покрываться изморозью.

– Даже так? – мрачно выговорил коротышка и шагнул через линию.

Посох тут же захрустел охватывающим его льдом, но самого коротышки лед не коснулся. Смелчак успел пройти половину расстояния до пепла в центре зала, когда вычерченное вокруг него кольцо начало наливаться пламенем.

– Да, – раздался тусклый, как будто даже скользкий голос. – Это ловушка.

Коротышка развернулся, вздохнул, спросил коротко:

– Сколько времени?

– Минут пять, – был ответ. – Может быть, десять. Башня прочная. Построена на совесть.

– Но ведь это меня не убьет? – напомнил коротышка.

– Не убьет, – с сожалением согласился голос. – Но задержит. На несколько лет. Если хорошо привалит, то на несколько столетий. Чтобы ты не путался под ногами. Согласись, это не самый жестокий способ избавиться от тебя. Пусть даже на время. К тому же у тебя появится время подумать. Будем считать, что тебя сгубило любопытство.

– Да, – прикусил губу коротышка. – Всегда корил себя за это. Но других недостатков у меня вроде бы нет?

– Болтливость тебе тоже присуща, – парировал голос.

Пламя начинало уходить в камень.

– Не без этого, – согласился коротышка. – Если хочешь, чтобы тебе отвечали, говори сам. Да и куда же девать любопытство? Оно и теперь не дает мне покоя, неужели эта обманка с Орденом Слуг Святого Пламени ради меня?

– Это не обманка, – раскатился смешком голос. – Орден я и в самом деле восстановил. Он не слишком силен, но с моей помощью...

– И не только орден, – с уважением чмокнул губами коротышка. – Твои тени вновь при тебе... Прости, что мне пришлось их проредить...

– Ничего, – прозвучал ответ. – Теням полезно. Налеплю еще. Они ведь делаются из людешек, а этого добра пока еще вдосталь.

– Покажись, – попросил коротышка.

– Показать? – удивился голос. – Зачем?

– Мне так хочется, – пожал плечами коротышка. – Чтобы было не только время для раздумий, но и краски для фантазий. Да и что мне голос? Голос я плохо помню. Хочу знать, кто из нас поднялся выше других.

– Это лишнее, – заметил голос.

– Позволь уж мне самому это решить, – ударил посохом о камень коротышка. Несколько секунд ничего не происходило, затем послышалось сдавленное ругательство, и у стены из воздуха и сумрака соткалась высокая фигура. Пепельная кожа и сверкающие пламенем глаза

незнакомца напоминали воинов, напавших на коротышку в трактире, но за ними не было и тысячной доли силы, что стояла за ним.

– Ты все тот же умелый мерзавец, – восхищенно заметил серый.

– Pop! – обреченно покачал головой коротышка.

– Да, – кивнул высокий. – Но ты можешь оставаться в привычном облике, тебя трудно не узнать.

– Рост, – развел руками коротышка. – Мой рост меня выдает. Кстати, ты запомнил, наверное. Вот этот мой облик – он и есть я. Мне нечего скрывать. И прибавлять я себе ничего не хочу.

– Не умаляй себя, – качнулся серый. – Ты все еще хорош. Срубил три десятка моих лучших воинов и почти не ранен.

– А кто бы не срубил? – удивился коротышка. – Ведь ты хотел сжечь меня на этом костре!

– Да, – с сожалением произнес серый. – Так я был бы избавлен от тебя на больший срок. Но и обычное погребение меня тоже устроит.

– Не скажу, что я готов с тобой согласиться, – сделал шаг к серому коротышка.

– Бесполезно, – рассмеялся серый. – Ты, конечно, ловок, но в этом круге сила едва ли не четверти Светлой Пустоши. Ведь ты не хочешь поиграть в пламенеющего Энки? Так ведь можно развоплотиться, подобно глупому мурсу.

– Да, – огорчился коротышка. – Не хотелось бы. Тем более что мои страдания останутся бесполезными. Вряд ли исход возможен.

– Как ты думаешь, почему? – спросил серый.

– Камни? – предположил коротышка.

– Да, – кивнул серый. – Камни держат нас.

– Так ты... – прищурился коротышка.

– Нет, – покачал головой серый. – Я не собирал их. И не я устроил эту глупость у Змеиной башни, где ты проявлял чудеса храбрости. И не я отбрасывал эти камни на тысячу лет. И не я вычерчивал заклинание на стене все той же Змеиной башни. Было время, я предполагал, что все это возня колдунов, которые думают, что это они наследуют Лучезарному. Потом я понял, что это не важно. Я наблюдал и ждал своего часа. И он наступает.

– Ты хочешь собрать камни? – не понял коротышка.

– Никому не дано собрать камни, – качнулся серый. – Я хочу напоить их кровью. И если они попадают к тому, кто не может напоить их кровью, Слуги Святого Пепла исправляют эту неудачу. Что бы они сами ни думали по этому поводу. Но если не справятся и они, отправятся мои тени. Ведь таких умельцев, как ты, больше нет?

– Так это ты придумал эти перстни, которые находят камни? – понял коротышка.

– Я, – согласился серый. – Пришлось вспомнить старые умения.

– Зачем? – спросил коротышка. – Чтобы вернуть Лучезарного? Он не вернется!

– Ты смешной, – ответил серый и добавил шепотом: – Он никуда и не уходил.

– Конечно, – рассмеялся коротышка. – А Светлая Пустошь мне пригрезилась? Или мы не стояли с тобой рядом, когда Лучезарный тонул в дерьме?

– Любопытство не исключает глупости, – с сожалением произнес серый. – Лучезарный никуда не уходил. Он всегда был с нами. Да, неуловимой тенью, которая пока еще падает через запертую дверь, но он близко. Он дышит за этой дверью. А его тень накрывает нас. И клочком собственной тени он уже ходит по земле. Присматривается. И ждет.

– Понятно, – скривился коротышка. – Подбирает черенок для лопаты, которой закопает нас всех.

– Всех ли? – рассмеялся серый.

– Тебе нужен хозяин? – спросил коротышка.

– Мне нужна свобода, – отчеканил серый. – Для этого нужно открыть дверь. Дверь закрыл и накрепко запер Энки. Значит, нужно сломать стену. А уж тут рассчитывать можно только на Лучезарного. Он сломает стену, чтобы вернуться всей мощью, надо только чуть-чуть помочь ему, смочить его сухое горло свежей кровью, но когда он сломает стену, я успею выскользнуть. Хочешь на мою сторону?

– Ты же никогда неверишь мне, Рор, – вдруг стал спокойным коротышка.

– Не поверю, – согласился серый. – Но ведь я прав?

– Не сходится, – сказал коротышка. – Камней семь, а нас шесть. Я уж не говорю, что под Бараггалом нас было пять, это не имеет значения.

– Нас семь, – растянул губы в улыбке серый. – Где бы мы ни были. Седьмой – не акс. Но он такой же, как мы.

– Кто он? – спросил коротышка.

– Ты и сам знаешь, – ответил серый. – Сборщик камней. Только он мог устроить Сухоту. Даже с учетом того, что сила исходила из глубин Донасдогама.

– Нет, – не согласился коротышка. – Я все еще не знаю, кто он. У него не было седьмого камня. Я был у Змеиной башни и почувствовал бы его. К тому же он не может быть аксом. Нас точно шесть. Пять и одна. А все прочие...

– Что ты знаешь о прочих? – прошипел серый. – Чем ты был занят последние полторы тысячи лет? Копался в грязи и ел грязь? Ты бы лучше задумался, почему Лучезарный оставил камни, а не взял их с собой?

– Я задумывался, – ответил коротышка. – Он не мог их взять. Там, куда его отправил Энки, эти камни не лучшее украшение.

– Дурак, – с сожалением произнес серый. – Лучезарный оставил в этих камнях частицу себя. Чтобы вернуться. И его тень, которая и теперь бродит по этому миру, питается этими камнями. Для того чтобы вернуться тебе, коротышка, пусть и через тысячу лет, будет достаточно крупницы твоего пепла. А Лучезарный слишком велик, чтобы возродиться из пепла.

– Да, – кивнул, оглянувшись на кострище, коротышка. – Пепла ему будет маловато. Зато трясины, что ждет его в центре Светлой Пустоши, в самый раз.

– Глупец, – прошелестел серый и растаял.

– Конечно же, глупец, – с сожалением прошептал коротышка, вглядываясь в пламенеющий круг, который ушел в камень уже на локоть. – А был бы не глупец, давно бы уже разобрался, что это за камни. Нет, тысяча лет меня не устроит. А ведь интересно, как бы поступил Энки, если бы знал, что сгореть-то он сгорит, но никуда не вознесется, а очнется там, где и сгорал? Однако...

Он сделал несколько быстрых шагов и перепрыгнул через огненное кольцо в тот самый миг, когда все очерченное им пространство обрушилось и полетело камнепадом вниз. Но коротышка этого уже не видел, потому как сам тоже оделся пламенем и живым факелом, визжа от боли, понесся по узкой лестнице вверх вдоль стены, чтобы в тот самый миг, когда башня, обрушившись изнутри, начнет складываться внутрь наружными стенами, вылететь из верхнего окна пылающим комом.

Часть первая ПРЕДВЕСТИЯ

Глава 1 Эсокса

Весь последний месяц весны палило солнце, истребляя затаившиеся в горных ущельях снежники и подсушивая молодую траву на склонах, но вместе с началом лета набежали тучи, занавесили блеклое небо и принялись лить воду на землю, которая уже перестала вспоминать о дождях. Прокаленная равнина сначала покрылась лужами и ручьями, затем набухла от влаги и вскоре превратилась в трясину, способную поглотить всякого, ступившего на нее. Месяц лил дождь, но ни единого ростка не появилось из жидкого месива. Трясина вздыхала, как живая, но оставалась мертвой. Одно радовало, казалось, что и сухотная нечисть утонула в жидкой грязи. Дозорные по-прежнему не спали и вглядывались ночами во тьму, прислушивались к шуму дождя, но опасность как будто смыло водой. А старики у костров вздыхали и говорили, что не один год нужно поливать дождями Сухоту, чтобы размочить ее, и во всяком прибытке таится и убыток. Такое дождливое лето случается раз в сто лет, а то и реже, и если тучи расползаются по всей Анкиде, то всякий раз откликаются бедой на юге. Непроходимые пески Эдина-зу обращаются цветущей равниной, дахские сухие степи мелкоколесем, и через них, словно саранча, выливаются в пределы благословенной земли южные кочевые народы. Было время, когда в долине Миту высились башни, и высокая стена пересекала ее, сдерживая дикарей, но что теперь осталось от тех укреплений и кто владеет развалинами? Да и стоит ли страшиться дальних кочевых гостей, если на юге и без пришлых хватает диких племен? Говорят, расплодились в последние годы кочевники донельзя и потеряли остатки чести, грабят южные селения ослабшей Тирены, уводят несчастных в рабство. Жаль, что еще никто из дикарей не забредал в долину Иккибу – нынешнюю Сухоту, вот бы все их орды да в эту бы грязь... Или вовсе в страшную бездну, что зияет в мертвом городе на краю серого озера...

Горели костры, звучали байки и страшные истории, чавкала земля и глина под ногами тех странников, которые и ночью не желали себе покоя, дул холодный ветер со снежных вершин. Однако разговоры разговорами, а караванная тропа из Бэдгалдингира в Даккиту хоть и шла не по самой Сухоте, а вдоль нее – по склонам великих гор Хурсану, тоже была разбита и давно обратилась в осклизлую пашню с камнями, то и дело пересекаемую не ручьями, а горными реками да грязными оплывами от недавних оползней. И не только дождь был причиной бездорожья. Тысячи, десятки тысяч несчастных шли и шли по северному краю Сухоты из Даккиты в Бэдгалдингир, из Эрсетлатари в Анкиду. Шли навстречу тому каравану, к которому после полутора недель ожидания у высоких стен Алки прибились Кама и Эсокса. Лошади и волы тянули повозки, люди несли мешки, сумы, детей на закорках, на плечах, волокли за собой тележки со скарбом, и Кама не могла отвести глаз от измученных, встревоженных лиц. Атеры, руфы, лаэты перемешались в живом потоке. Среди них попадались и дакиты, несколько раз мелькали как будто и даку, но кто мог сказать точно, если многие прятали лица под платками, словно стыдились собственного бегства? На странников Кама насмотрелась еще у Алки. Огромный лагерь раскинулся у ее стен. И хотя маги и стражники герцога Импиуса Хоспеса днем и ночью учитывали беженцев, выдавали ярлыки и отправляли кого в Ардуус, кого обходным путем в лаэтскую Раппу, кого в иные атерские королевства, чьи распорядители тоже появились, будто из-под земли, лагерь не убывал, а увеличивался. И Эсокса, которая тщетно пыталась отыскать в толпе знакомцев, мрачнела с каждым днем.

– Все так плохо в Дакките? – спрашивала ее Кама, которая с купленными у торговца оберегами, выбеленными волчьими клыками, и сама была неотличима от дакитки.

– Не в Дакките, – мрачно отвечала ей даккитская принцесса. – Даккита – лишь отросток огромной страны – Эрсетлатари. В Эрсет плохо. Что плохо – пока не слишком ясно, но плохо. Среди этих несчастных есть обиженные, хотя большинство уходит на запад лишь из-за дурных предчувствий, которые они, кажется, не могут объяснить. Но если вода бурлит в котле, а ты не видишь пламени, будь уверена – пламя под котлом есть. Но главное то, что ужас сочится из каждого взгляда. Понимаешь?

Кама не понимала, но чувствовала. Ужас и в самом деле стоял над лагерем. Дети не бегали, женщины не ссорились, мужчины не вели разговоров. Не считаясь с расходами, герцог Хоспес выделял пропитание для беженцев, но те словно и вовсе не думали о еде, а лишь спешили как можно быстрее и как можно дальше уйти от родных мест. Молчали, терпеливо ждали решения собственной судьбы, соглашаясь едва ли не на любые предложения, и только оборачиваясь на восток – в сторону Даккиты и лежавших за ее стенами бескрайних равнин Эрсетлатари, словно замирали от страха.

Караванов в сторону Даккиты не было долго. Как оказалось, ее правитель – отец Эсоксы – вместе с ее матерью и братом Фамесом в сопровождении отряда королевской стражи ушли на восток за неделю до того, как Кама со спутницей добрались до Алки, а других охотников двигаться навстречу бесконечному потоку беженцев не находилось. К счастью, уже в середине последнего месяца весны в Алке появился ардуусский торговец, который вез на мулах мешки с наконечниками стрел, подбирал стражу и после недолгих уговоров согласился взять двух вооруженных дакиток в караван, с условием что те будут нести дозор наравне с его охранниками. Две недели нехитрый обоз полз, следуя отрогам гор Хурсану на север, а с началом лета, когда Кама уже надеялась разглядеть одну из самых высоких вершин всей Ки – белоснежную Эдуку, небо заволочло тучами и начался дождь. Весь последующий месяц караван шел под дождем. И когда, наконец, на горизонте показались мутные силуэты гор Митуту, башни Абуллу и стена, уходящая к Кагалу, дождь все еще продолжался.

– Беженцы иссякли, наверное, самые отчаянные прошли, а прочие ждут, когда закончится дождь. Хотя и отчаянных было немало, Лапис можно было бы несколько раз заселить, – то ли пробормотала, то ли подумала Кама, вышагивая рядом с одним из мулов, и повернулась к Эсоксе, которая шла с другого бока животного. – Что, и у проездных ворот Абуллу тебя не будут встречать?

– Я уже говорила, – отозвалась молчаливая и тонкая, словно тростинка, принцесса. – Дакиты строги к своим детям, но их строгость равна их уверенности в них.

Кама поморщилась. Способность Эсоксы даже короткие фразы обращать в торжественные поучения или присказки вызывала порой досаду.

– Мои родители беспокоятся обо мне, – успокоила ее Эсокса. – Всегда. И всегда помогут мне, если помощь потребуется.

«Не потребуется, – подумала Кама. – А если потребуется, стойкая принцесса будет справляться с выпавшими ей невзгодами сама до тех пор, пока у нее из всего ее непомерного упрямства не останутся стиснутые зубы и сжатые кулаки. Интересно, а как бы поступила Эсокса на ее месте? Отправилась бы искать дальних родственников в Даккиту или положила бы жизнь на то, чтобы отомстить за смерть родных? Впрочем, разве я сама уже отказалась от мести?»

Она на ходу закрыла глаза и вспомнила искаженное яростью лицо своей неродной тетки – королевской невестки – Телы Нимис. Именно Нимис, а не Тотум. Ничего тебя, Тела, больше не связывает с королевским семейством Лаписа, которое ты вырезала почти полностью. Да, скорее всего, ты пока еще жива, но уже отхлебнула из назначенной тебе чаши. Твой муж, приведший тебя в дом, который тебе суждено было предать, твой муж – сам предатель собственного рода, невеликая потеря для твоего сердца, но огромная – для твоих замыслов, убит рукой Камы.

Рукой Камаены Тотум. Твой сын, твой единственный ребенок, мерзавец Палус, убит ею же. Чем ты ответишь принцессе Лаписа? И успеешь ли? Думала ли ты об этом, когда вздумала стать герцогиней? Тот, кто решился на подобные шаги, должен понимать, что рано или поздно его постигнет месть. Или месть уже свершилась? Что может быть страшнее, чем смерть сына? Даже собственная смерть способна обернуться облегчением. Нет, пока Тела жива, месть не завершена. Кто теперь властвует в Лаписе?

Кама потянула завязи, ослабляя шнуровку котто на груди. Еще в Бэдгалдингире она успела узнать, что герцогом Лаписа стал Дивинус Тотум, а регентом при нем брат правителя Великого Ардууса – Кастор. Значит, Кастор и правит, а жена Кастора – Кура Тотум – родная тетка Камы – вернулась в родное гнездо. А с нею и ее дочь Лава, вот с кем можно было бы поболтать, а при необходимости и поплакать. И там же должна оказаться мать Дивинуса Пустула. И ее дочь Процелла. И Дивинус не будет королем Лаписа, только герцогом. В той беде, что приключилась с маленьким королевством, не самый плохой исход. Конечно, если герцогство Лапис еще сможет вернуть себе корону и честь. Кто еще остался жив из рода Тотум, кроме нее, бежавшей в чужие края принцессы? Игнис? Что с наследником престола? Где он? Что с теткой Патиной? Все еще путается с тем сеем?

Кама остановилась. Ненависть захлестнула ее. Снова перед глазами встал двор крепости Ос и подручный Телы Нимис – великан Стор Стормур, который пронзил мать Камы – прекрасную Фискеллу – трезубцем. Куда она собралась? Прятаться? Какой стыд! Нужно разворачиваться и отправляться обратно в Лапис. Убивать мерзавцев.

– Ты что? – коснулась плеча принцессы Эсокса и переменялась в лице, когда Кама открыла глаза. – Успокойся. Остынь.

Караван удалялся. Двое стражников, что шли за последним мулом, обернулись, рассматривая остановившихся спутниц.

– Успокойся, – повторила Эсокса и добавила, видя, что Кама постепенно приходит в себя: – Твоя жизнь – важнее твоей смерти. Хотя бы потому, что твоя смерть нужна слишком многим.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Кама, доверительного разговора со спутницей у нее так и не случилось. – Тебе Йор обо мне рассказал?

– Йор просто попросил меня проводить тебя до Даккиты, – пожала плечами Эсокса. – Да, попросил принцессу Даккиты проводить до убежища принцессу Лаписа. В Дакките честь и доблесть значат не меньше, чем знатность и богатство. Йор, конечно, не вельможа, но уважаемый человек. И не болтун. Больше он не сказал ничего. Ты все рассказала о себе сама.

– Я рассказала? – вскинулась Кама.

– Говорила во сне, – усмехнулась Эсокса. – В Бэдгалдингире и в пути, пока не начался дождь. Не волнуйся, лишнего не сболтнула. Так вот, если твоя ненавистная тетушка скроется в отчем доме у своей нелюбимой снохи – всевластной правительницы Раппу – Римы Нимис – ты ее все равно не достанешь. Стены Раппу высоки и неприступны. Даже войска Лучезарного отступились от них полторы тысячи лет назад. Обожди. Никуда не денется твоя месть, тем более что теперь очередь Телы наносить удар.

– Какой же удар она сможет мне нанести? – прошептала с ненавистью Кама.

– Да уж нанесет какой-нибудь, – пожала плечами Эсокса. – Если она сумела так проредить твой род, то уж постарается довершить начатое. Хотя бы из соображений собственной безопасности. Выжди. В Дакките тебя искать не будут. Во всяком случае, не должны. Затаись. Жди новостей. И не забывай, ты ведь все еще дочь короля Лаписа. Может быть, последняя из королевского рода.

– Игнис жив, – упрямо мотнула головой, сбрасывая повисшие на волосах капли дождя, Кама.

– Тогда вы с ним оба – последние из королевского рода, – кивнула Эсокса. – Хотя и не последние из рода Тотум. Если твои враги идут по неверному пути, позволь им шествовать без помех. Подожди немного.

– Чего ждать? – не поняла Кама.

– Рассвета, – ответила Эсокса, подняв глаза к мутному небу. – После рассвета лучше видны краски.

– День ведь? – посмотрела на уходящий в дождевую мглу караван Кама.

– Тогда жди заката, – засмеялась Эсокса, от которой в обычное время трудно было дожидаться даже улыбки. – После заката лучше слышны звуки и запахи.

– Хорошо, – пробормотала Кама и качнулась, потому что непонятная усталость вдруг навалилась на нее. – Мне кажется, что за нами следят. Всю дорогу.

– Молодец, – кивнула Эсокса. – Не думала, что ты заметишь, я и сама не сразу поняла, но это и неудивительно: лазутчики Даккиты – одни из лучших. Тем более что в Дакките все еще большая часть подданных – люди, а не дакиты, хотя и дакиты – те же люди. И я надеюсь, что так будет и впредь. Видишь, как бы я ни была сумасбродна, отец не оставляет свою дочь заботой. Хотя это меня и немного беспокоит. Кажется, у него есть причины для того, чтобы тревожиться. Не подавай вида. Будем считать, что ты ничего не почувствовала.

– Но почему? – не поняла Кама.

– Потому что никто не должен знать о твоих чувствах, – твердо сказала Эсокса. – Это не та слежка, которая грозит бедой, а та, которая должна защитить от нее. К тому же это не та слежка, от которой нельзя было бы уйти. Запомни, олень спокойно пасется, когда видит хищника.

– Значит, опасность есть? – удивилась Кама.

– Всегда, – ответила Эсокса. – Если есть неизвестность, значит, есть и опасность.

То, что накатило на Каму уже близ стен Абуллу, когда задрожали колени и удушие ухватило за горло, не было усталостью. Она это поняла, едва сквозь дождь проявились древние башни и стена, тянущаяся серой полосой к югу. Когда утесы Хурсану, переходящие в бастионы Абуллу, города, которому исполнилось уже почти две с половиной тысячи лет, явственно вонзились в низкие облака. Ненависть, полнившая все существо беглой принцессы, чуть ослабла и обнаружила под собой пустоту. Но не ту, которая опалила нутро принцессы, когда Кама осознала, что никогда больше не посмотрит в глаза матери, не почувствует твердую руку отца на плече, не рассмеется, прислушиваясь к пустым спорам Нигеллы и Нукса или наблюдая за шалостями Лауса. Нет, это была пустота, которая наступила после другой смерти. Скольких она уже успела убить? Если забыть о преследовавших ее свеях, которых завалило лавиной в ущелье, то все равно многих. Более двух десятков, ни об одном из которых она не сожалеет. Но эта неосознанная до сего дня пустота наступила после того, как принцесса убила впервые. И убила того, кто жил в ее сердце. Убила принца Кирума. Убила Рубидуса Фортитера. Собственного избранника, пусть даже он сам и не подозревал о ее выборе. Пусть даже был ее недостоин. Пусть даже она все выдумала и о нем, и о себе. Все, включая его красоту и благородство. В тот страшный день его глаза горели безумием. Он ненавидел ее. Мстил ей за нанесенное ему оскорбление. За то, что она вышла в вельможном турнире на весенней ярмарке против него в мужском платье и победила. Победила, надеясь повторить счастливую судьбу матери. Напрасно. Ничего нельзя повторить. Зато там, где нельзя отыскать любовь, ненависть тут как тут. И то, что сразу после собственного проигрыша принц Кирума сорвался, ударил ее в спину, едва не сделал калек, только увеличило его ненависть. Почему все вышло именно так? Зачем судьба снова столкнула ее с мерзавцем? Пусть бы он сидел у себя в замке, пропитывался позором и сгорал от ненависти. Зачем он встал у нее на пути? Зачем она убила его?

– Спокойнее, – прошептала Кама. – Все не так.

Через двенадцать дней после его подлой выходки она убила принца, но убила, защищаясь. Защищаясь от его ненависти. От его безумия.

Дрожащие колени вынудили Каму остановиться. Замереть.

А она сама разумна? Разумна ли она, если при мыслях о Теле Нимис тьма застилает ее взгляд? Или ее ненависть иная? Ведь у ее ненависти есть причины? Или всякая ненависть неотличима от всякой? Почему Рубидус пытался ее убить? И почему он пытался ее убить, унизив и уничтожив еще до смерти? Зачем унижать того, кому мстишь? Зачем было раздевать ее на глазах у кирумских стражников? Или колдовство Светлой Пустоши лишило его разума?

Нет, все-таки что-то оставалось в ее пустоте. Запоздавший стыд охватил Каму, налился краской лицо, заставил согнуться.

– Да что с тобой? – взяла ее за руку Эсокса. – Устала? Не верю своим глазам, я сама порой готова была упасть, а ты как будто и не ведала усталости. Путь уже почти закончен. Вот стена, вот бастионы Абуллу. За ними и город, и королевский замок. Все. Страдания закончены. Мы почти дома. И ты почти дома. Переночуешь у меня, потом отправишься в Кагал к сестре Сора Сойга. Или в Баб к дяде. Чему ты удивляешься? Об этом ты не говорила во сне. Йор ведь должен был сказать мне, куда тебя следует доставить?

«Останусь у сестры наставника или отправлюсь к дяде? – подумала Кама. – Не знаю ни ее, ни его. Что буду делать, если мне откажут в крове? Попрошусь в служанки к Эсоксе? Вряд ли они у нее есть. Или же развернусь и отправлюсь обратно?»

– А если что-то не срастется с не ждавшими тебя родственниками, подскажу того, кто и поможет, и приютит, – продолжила Эсокса. – Одна не останешься, обещаю. С чего начнешь-то?

– Отдам сестре наставника его меч, – прикоснулась к рукояти оружия Кама, – а дальше будет видно.

– Вот мы и на месте! – подъехал на низкорослой лошадке караванщик. – Конечно, сыровато было в пути, но зато никаких неприятностей не случилось. Всегда бы так. Думаю, в вас все дело. Все напасти от моего каравана отпугнули. Спасибо, девицы. Если что, обратно я через недельку-две. Обращайтесь!

– А ведь доброе слово хотел сказать, – усмехнулась Кама, ощупывая ставшие уже привычными, но одновременно и донельзя надоевшие фальшивые клыки под губами. – Отпугнули...

– Может, и отпугнули, – прищурилась Эсокса. – Но не лицами, даже не думай. Ты, конечно, была погружена в свои мысли, но половина стражников все полтора месяца слюну глотали, глядя на нас. И за этой стеной будет то же самое. Тебе-то уж точно прохода не дадут. Ничего, ничего. Я найду тебе одежду, в которой ты не будешь казаться чужестранкой. В Дакките одеваются иначе. На что ты смотришь?

– Стена низкая, – ответила Кама, вглядываясь вперед. – Я думала, она выше.

– Стена низкая? – не поняла Эсокса.

– Стена, которая была построена в устье ущелья Истен-Баба для защиты от тогда еще неведомой угрозы со стороны Эрсетлатари две тысячи четыреста лет назад, имеет длину более пятидесяти лиг, а высоту более пятидесяти локтей, – вспомнила Кама наставления королевского мага Окулуса. – Она тянется от одной башни угодников до другой, которым на триста лет больше и возле каждой из которых возникли города – Абуллу на севере и Кагал на юге. А в этой стене не будет высоты пятидесяти локтей. В ней и двадцати не будет.

– Это точно, – рассмеялась Эсокса. – Хотя длиной она во все те же пятьдесят лиг. Но ей никак не две тысячи четыреста лет. Хотя она тоже относится к древним временам. Ее сложили после возникновения Сухоты, чтобы защититься от пустынной погани, потому что и Абуллу, и Кагал – они с этой стороны большой стены. А сама стена, которую воздвигли жители долины Иккибу – нынешней Сухоты, – дальше, в паре лиг. Хотя вон, на сером утесе, торчит та самая башня угодников. Бывшая башня угодников, – с непонятной грустью проговорила Эсокса, – она пустует уже много лет.

Кама подняла глаза. Действительно, на утесе, который выделялся среди мокрых и черных скал и склонов серым цветом, торчала ничем не приметная четырехгранная башня, которая если и обращала на себя внимание, так только тем, что ее фундамент начинался на такой высоте, на которой прочие сооружения Абуллу уже завершали купола и кровли. И всего в той башне было не более тех же двадцати локтей, как раз на четыре яруса, если считать оспины в ее гранях – за крохотные окна. Или на три.

– Не похожа на башни Бэдгалдингира, – заметила Кама и добавила, удивившись внезапно прояснившемуся небу – сквозь просвет в облаках на крохотную башню упал солнечный луч: – Маленькая!

– Маленькая, – согласилась Эсокса. – Дождь кончился. Хорошая примета!

Дождь и в самом деле закончился; осклизлая тропа обратилась мощенной камнем дорогой, Сухота, которая подходила к дороге и оборонной стене Даккиты вплотную, еще блестела жидкой грязью, но камень высыхал на глазах. Солнце парило. Не прошло и часа, как завершивший долгий путь обоз медленно вошел в открытые ворота Абуллу.

Сама крепость располагалась чуть дальше, примерно в четверти лиги, вздымая отвесные стены и громоздя массивные башни, лишь немногим уступающие твердыням Бэдгалдингира. За крепостью, уходя к югу, обнаружилась и древняя стена, которую прикрывало более низкое укрепление со стороны Сухоты. Выстроенная еще каламами защита от напасти с востока и за две лиги казалась величественной и неприступной, хотя, насколько могла разглядеть Кама, именно с этой стороны укрепления были устроены и лестницы, и галереи, и переходы. Да, почти вся Даккита лежала восточнее этой стены, долина или ущелье Истен-Баба тянулось на четыре сотни лиг до крепости Баб, до самых границ Эрсетлатари, но всегда, со времен падения Бледной Звезды, главная опасность грозила с востока. Оттуда ее и ждали. Хотя беды приходили и с других сторон. Наверное, их было столько, что горожане однажды махнули на них рукой. Сам город был невысоким, все пространство от одной стены до другой было застроено небольшими домишками, которые вытягивались вдоль прямых, словно выверенных по канату, улочек. Но кажущееся однообразие не отдавало скукой. Насколько можно было разглядеть с высоты насыпи у проездных ворот, у каждого дома имелся цветущий сад и, кажется, небольшой огорожок или дворик. Во всяком случае, каждый дом сиял отличной, как будто не успевшей просохнуть после долгого дождя крышей, и уходило это сверкание далеко на юг, как раз туда, откуда сияло наконец-то разогнавшее тучи солнце. А вот с севера, вплоть до самых скал и до стен крепости, располагался немалый пустырь, на котором виднелись следы недавнего торжища или становища.

– Не замирай, – коснулась плеча спутницы Эсокса. – Даже удивляясь, смотри так, как будто видишь то, что у тебя перед глазами, в тысячный раз. Даккита предпочитает сдержанность.

Словно в подтверждение ее слов, стражники склонились в поклоне перед принцессой, немало не удивившись, что дочь их короля путешествует без свиты и охраны, зато уж хозяин каравана вытаращил глаза от изумления. Однако ярлык Камы стражники проверили, так же как ярлык у каждого караванщика, что позволило принцессе Лаписа предположить не только сдержанность, но и строгость местных порядков. Во всяком случае, строгость даккитской стражи, которая большей частью состояла из обычных людей, не оборачивалась злобой, а лишь спокойствием, хотя и полнилась ощущением некоторой тревоги. Впрочем, тревога ведь могла иметь и причины?

Старшина стражи приложил к обратной стороне ярлыка раскаленную печатку и занялся проверкой товара, дав понять, что проход для Камаены Тотум, или, как назвалась она в соответствии с ярлыком своего наставника – Пасбы Сойги, – открыт.

– Ну вот, – кивнула Эсокса, – где бы дакит ни получил ярлык с такой отметкой, он может рассчитывать на покровительство короля Даккиты.

– Но ведь я не дакитка, – напомнила, озираясь, Кама. Особое ее внимание привлек небольшой зиккурат у южного бастiona крепости и три башни у северо-западного. Точно на том краю пустого торжища, что примыкал к начинающимся скалам. Башни были явно магическими, но почему-то стояли троичей.

– Ты принцесса Лаписы, – напомнила Кама Эсокса. – В тебе кровь древних королей Даккиты, или, если вспомнить прошлое, королей Фаонтса. То есть и кровь дакитов, и кровь этлу.

– Я бы не хотела кому-либо возвещать об этом, – понизила голос Кама, хотя ворота остались за спиной, а на всем пространстве от них до крепости не было ни души.

– Конечно, – согласилась Эсокса. – Здесь ты сможешь быть той, кем захочешь. Но пока я не советую тебе рядиться в дакитку. Прибереги клыки для особого случая.

– Для особого? – не поняла Кама.

– Для особого, – повторила Эсокса. – Переночуешь у меня, а завтра вместе отправимся в Кагал. Только блаженства в королевских палатах не обещаю. В Дакките нет королевских палат. У меня отдельный домик вне стен крепости, но там неплохо.

– Я уже и забыла о королевских палатах, – улыбнулась Кама. – К тому же теперь мне любые палаты покажутся королевскими. Особенно если в них найдется теплая вода. Кто бы сказал еще с утра, что я успею возжелать воды, не поверила бы. Одежда еще не просохла!

– Просохнет, – с тревогой обернулась Эсокса. – Высохнет, и не заметишь... Особенно, если придется пробежаться... Не нравится мне то, что я вижу, но все-таки я дома. Ничего, разберемся.

– А что ты видишь? – не поняла Кама. – И зачем куда-то бежать? Пустынно, да, но мне здешние порядки в диковинку. Храм, как я вижу, всего один, а не четыре, как в Ардуусе. И магических башен почему-то только три...

– Именно, что пустынно, – кивнула Эсокса. – А бежать – обычно самое верное средство, чтобы выжить. Да-да, и дакиты думают так же. Уверена, твой наставник тоже всякий раз напоминал тебе, что большого ума идти на врага лицом к лицу не нужно... На этом пустыре торжище проводится по осени, но так пустынно не было никогда. Всегда кто-то приторговывал. Да и последние месяцы лагерь беженцев тут был. До сотни тысяч человек собиралось. От замка до малой стены канат тянули, стражу выставляли, чтобы не шли беженцы в город. И никого...

– И никого, – согласилась Кама. – И навстречу нам... С неделю уж как путники иссякли.

– Знаю, – согласилась Эсокса. – Да и последние не через Даккиту шли, а горами, где единицы с трудом могут пройти. Я спрашивала. Неладное что-то творится. Остальное не стоит внимания. Храм везде, кроме Ардууса или Барагала один. Считай, что общий, хотя у нас-то служат храмовники Святого Пламени. Насколько я знаю, в Лаписе вообще ни одного храма нет. А вот башен и должно быть три.

– Три? – не поняла Кама. – В Эбаббаре шесть. И в Ардуусе шесть, седьмую строят.

– Седьмую, – подняла палец Эсокса. – О полноте, наверное, беспокоятся? Насчет полноты не знаю, но и в Дакките башен семь. Три здесь, четыре в Кагале. Древние в Кагале, те, что от башен Барагала счет ведут. Магические Ордена Воды, Земли, Огня и Воздуха. А эти три с востока. Ордена Солнца, Луны и Тьмы.

– Разве? – удивилась Кама. – Я думала, что с востока только Орден Тьмы.

– Орден Тьмы дальше Даккиты на восток пока не прошел, – объяснила Эсокса. – Да и здесь у него силы нет, сидит в башне так называемый хранитель покоя, мальчишка без особого соображения. А Ордена Солнца и Луны... Они безобидны вроде бы. Оттого и прижились в Ардуусе и даже в Самсуме.

– Вроде бы? – в недоумении остановилась Кама.

– Я уже тому радуюсь, что рядом с Храмом Святого Пламени нет Храма Лучезарного, который тут называют Храмом Света, – положила ей руку на плечо Эсокса. – Все меняется, Кама. Поспешим. Уже пополудни, а забот у меня сегодня будет еще немало.

Домик Эсоксы все-таки выделялся среди даккитских усадеб. Но только высотой каменной ограды и размерами скрытого за нею участка ухоженной земли. Сам домик, насколько поняла, пройдясь по одной из улиц Абуллу, Кама, был обычным. И раскидистые деревья, которые свешивались через высокую ограду, скрывали его почти полностью. За узкой стальной калиткой Кама разглядела двух даккитских воинов, которые вытянулись при виде принцессы Эсоксы. Удостоенная такого же приема, Кама вслед за принцессой ступила на выложенную булыжником дорожку, которая вилась между столетними кленами, и, не пройдя и двух десятков шагов, увидела белые ступени, забранные решетками высокие окна и край красноватой кровли.

– Глеба, – представила вышедшую на крыльцо дома седую женщину со впалыми щеками Эсокса. – Доверяю ей, как себе. Сначала она была моей няней, потом стала моей хозяйкой.

– Разве у даккитов бывают няни? – удивилась Кама.

– Бывают, – проговорила Глеба, обнаружив в голосе и силу, и скрип старости, и неожиданную нежность. – Но я надеюсь, что, когда истечет мой срок, боги учтут то, что я была няней маленькой разбойницы, и подберут мне участь полегче.

– Несомненно, – обнялась с Глебой Эсокса. – Хотя я слышала, что уже довольно давно в Карме проживала маленькая разбойница, на фоне подвигов которой свершения разбойницы Эсоксы навсегда останутся милыми шалостями.

– Только поэтому я так к тебе благосклонна, – улыбнулась Глеба.

– Ну вот, Пасба, – обернулась Эсокса. – Завтра твой путь продлится, а сегодня пришло время хорошей пищи и отдыха.

– Пасба? – с сомнением прищурилась Глеба.

– Не самое плохое имя, – ответила твердым взглядом Кама.

– Не плохое, – согласилась Глеба. – На древнем языке обозначает просто – «дочь».

– Ну, ведь не сын же, – нашла Кама.

– Это точно, – рассмеялась Эсокса. – Расслабься, сестра. И сними, наконец, клыки, пока смола на них не окаменела. Поешь нормально, омой вином потертости на губах. Не хмурься, если Глеба не заслуживает доверия, тогда и я его не заслуживаю.

День завершался наилучшим образом. Надоевшие клыки были отлеплены от зубов, и в самом деле едва не окаменевшая смола вычищена. Даккитская еда, которую приготовила Глеба, оказалась выше всяких похвал, вино случилось мягким и нежным, а дрова под котлом радостным треском обещали скорую теплую воду и если не конец злоключениям, то хотя бы приятный перерыв в них.

Эсокса перекусила наскоро, сослалась на срочные заботы и оставила Каму с Глебой, оседлав, как поняла по стуку копыт лаписская принцесса, неведомо откуда взявшуюся лошадь. Глеба же принялась подбирать Каме платье, раскрыла сундуки и, покачивая головой, все бормотала, что ничего подходящего у Эсоксы нет, слишком хрупка и мала ростом дакитка, так что придется подбирать гостье что-то из одеяний самой Глебы. Одновременно с этим шел какой-то разговор, но Глеба больше рассказывала о самой себе, хотя о превратностях пути от Алки до Абуллу выведала в подробностях. И Кама, глаза которой уже почти слипались то ли от усталости, то ли от накотившего блаженства, понимала одно: говоря о себе, Глеба умудряется ничего не рассказывать о том, что происходит за оградой домика Эсоксы. Впрочем, в откровенности бывшей няне Эсоксы тоже нельзя было отказать, Глеба даже приподняла губу и показала спиленные и зашлифованные клыки, была когда-то такая мода среди дакитов, многие хотели

походить на людей, даже клыки спиливали. Ну так ведь мода меняется, кое-кто и из людей теперь клыки на свои зубы лепит, непонятно только зачем. Уж не для красоты ли?

– Для красоты? – уже почти сквозь сон удивилась Кама. – А для чего и в самом деле дакитам клыки?

– Чтобы кусать, – ласково отвечала Глеба, раздевая Каму и наливая в деревянный чан горячую воду. – Даку были созданы Лучезарным, чтобы убивать. Дакиты пошли от даку, взяв от них силу и зубы. Конечно, дакиты лелеют собственные клыки именно не для того, чтобы убивать, но если уж выпадает схватка, то вырвать кусок плоти у врага, обладая клыками легче, чем без них.

– И как же ты, спилив клыки, сможешь вырвать кусок плоти у врага? – сонно пробормотала Кама, опускаясь в теплую воду.

– Никак, – прошептала в ответ Глеба, перебирая уже чуть отросшие волосы Камы. – Те, кого я чту врагами, не дадут вырвать из себя кусок плоти, меня к ним и близко не подпустят, а до остальных мне дела нет. И им до меня. Волосы у тебя чуть отросли, красила? Свои-то, судя по корням, с медным отливом?

– Да, – прошептала Кама. Теплая вода обволакивала тело. Ароматы опущенных в воду трав навевали сон и одновременно полнили грудь свежестью.

– Полежи так полчаса, – проговорила Глеба, втирая что-то в голову Каме. – Дакитка – не дакитка, а волосы лучше прокрасить до корня. Незачем обращать на себя внимание, хотя с твоей красотой... Но с этим проще, женщины часто прикрывают платком лицо, особенно когда дует ветер с Сухоты, несет пыль. А вот волосы... Волосы у дакиток должны слушать ветер... Отдыхай, я скоро приду. Надо приготовить постель.

Глеба исчезла, а Кама понемногу растворилась в тишине ванной комнаты. Чуть слышно потрескивал огонь на фитилях ламп, да узкое окно, выходящее в сад, свидетельствовало, что Даккита тонет в вечернем сумраке. Откуда-то запахло жасмином. Видно, пришло время его цветения. Точно так же пахло в Лаписе. Только окно в комнате Камы было шире. Да и ее комната, пожалуй, была с половину всего дома Эсоксы. Не то чтобы Каме было тесно в маленькой комнате, но в большой она могла прямо с утра взяться за меч и потанцевать с ним, прислушиваясь к запаху жасмина и пению птиц за окном. Игнис любил подкрасться к двери ее комнаты и застигнуть танцующую сестрицу врасплох, надеясь, что она отмахнется от него мечом, и он сможет достойно блокировать ее удар кинжалом или стальной подставкой для масляной лампы. Правда, случалось, что он забредал к сестрице и еще раньше для того, чтобы, оставаясь в недосыгаемости, нашептать ей какой-нибудь страшный сон. Ни разу у него это не получилось. Обычно он начинал как-то так...

– Я успел соскучиться по тебе, сестрица. Что за глупые отлучки? Или ты провела время с пользой? Хвала Пресветлому, никак ты сумела поправиться? Кажется, теперь я буду любить тебя еще чаще и жарче! Надеюсь, теперь ты бросишь тщетные попытки отделаться от меня? Ну-ка?

Голос Игниса странно изменился. А уж положить руку сестре на грудь он не мог даже помыслить!

Кама пробудилась мгновенно. Рубанула назад локтем, едва не разбив его о кожаный доспех, и через мгновение стояла уже на ногах за чаном, сжимая в руках стальную подставку от масляной лампы, не думая ни о наготы, ни о чем. За чаном, округлив глаза, замер Фамес Гиббер, принц Даккиты и старший брат Эсоксы.

– Не Эсокса, – с досадой облизнул клыки Фамес, которого в Ардуусе все считали красавчиком, но с которым никто не водил близкую дружбу из-за его нескрываемого высокомерия. – Вовсе не Эсокса! Это плохо.

Кама почувствовала, как дрожь пробивает ее тело. Вода стекала с нее и собиралась в лужу. Где же Глеба? Где Эсокса?

– Не Эсокса, – повторил Фамес и снова облизнул клыки. – Но лучше, чем Эсокса. Это хорошо. И, кажется, я тебя знаю, – принц Даккиты нахмурился, но почти сразу расплылся в улыбке. – Ты ведь четвертый ребенок несчастного короля Лаписа? Как тебя там зовут? Ка... Камаена Тотум? Наслышан о твоей красоте, но, признаюсь, не ожидал, что твое тело настолько соответствует твоему лицу. Что ты тут делаешь? А, ну конечно... В Ардуусе объявлено, что ты убила принца Кирума, так что теперь тебе... Теперь тебе только сюда. Хочешь со мной дружить?

Он сделал шаг вперед. Сделал шаг вперед, положив руку на рукоять меча. А меч Камы остался в другой комнате.

– Не подходи!

Она сделала шаг назад, обернулась. Все-таки домик был маловат. Таких шагов у нее осталось с пяток, но если она их сделает, то даже взмахнуть тем нехитрым оружием, что попало ей под руку, не сможет.

– Не делай глупостей, – Фамес медленно потянул из ножен даккитский клинок. – У тебя нет выхода. После того что ты узнала, твоя жизнь ничего не стоит. Одно лишь способно спасти ее, дружба со мной.

– Нет, – прошептала Кама.

– Не торопись отказываться, – он сделал еще один шаг, подхватил носком сапога чадящую лампу, которую Кама сшибла с подставки, и отправил ее шипеть в чан. – Не торопись. Ты надоешь мне очень не скоро. К тому же избавишь мою сестру от моих домогательств, на время. И дальше... Дальше все будет в твоей власти. Во власти твоего искусства.

– Все и сейчас в моей власти! – угрожающе взмахнула подставкой Кама.

– Я не об этом искусстве говорю, – рассмеялся Фамес. – Меня интересует только искусство любви. Или ты все еще девственница?

– Не твое дело, – зашипела Кама.

– Уже мое, – сделал еще шаг Фамес. – Оставь эту железку. Она не спасет тебя. Тем более что я видел твое умение на арене Ардууса. Да, ты произвела впечатление, но не более того. Рубидус был самонадеянным выскочкой. Против настоящего мастера он не устоял бы и секунды. И ты тоже.

Фамес сделал выпад на последнем слове. Кама подставила под удар подставку, но вслед за проблеском клинка та распалась у нее в руках на две части.

– Вот видишь? – расплылся в улыбке принц, но глухой удар заставил его замереть и повалиться на пол без чувств. У ног Камы зазвенел, закружился маленький даккитский щит.

Кама подняла глаза. В дверях стояла бледная как снег Эсокса. Хмурая Глеба, половину лица которой затягивал свежий синяк, бросилась к упавшему принцу.

– Ты... – посмотрела на Каму Эсокса и все поняла. – Никто не должен об этом знать.

– Жив, – выпрямилась Глеба. – Но придет в себя не сразу. Думаю, что час или два у нашей гостьи есть.

– У нее и у тебя, – отрезала Эсокса. – Фамес не прощает никого и никогда.

– Кто я и кто он? – пожала плечами Глеба.

– Не важно, – поморщилась от досады Эсокса. – Надо дать ему остыть. Отправишься вместе с Камой, отведишь ее к тому, к кому скажу, а потом переждешь месяц-другой в укромном месте. Не мне тебя учить.

– Кто знает об этом? – спросила Кама, торопливо вытираясь поданным полотенцем.

– Кто знает? – Эсокса присела возле Фамеса, провела ладонью по его лицу, зажмурилась словно от боли. – Теперь ты, раньше Глеба. Она и сама...

Кама повернулась к женщине, та с горьким лицом кивнула.

- Может быть, моя мать, – продолжила Эсокса, – догадывалась, но...
- И давно? – прошептала Кама.
- Давно, – кивнула Эсокса. – Но сегодня он не должен был беспокоить меня. Наверное, кто-то из стражей ворот донес, что я прибыла.
- И ты... – Кама не знала, что ей сказать.
- Я могла бы только убить его, – прошептала, поднимаясь, Эсокса. – Но убить его я не могу. И тебе не дам этого сделать. Собирайся. И вот еще, на всякий случай. Если все-таки доберешься до Баба, найди там не только своего дядюшку, но и старика Хаустуса. Они дружны, кстати. Он тебе поможет. Или советом, или еще чем. Скажи ему обо мне, и добавь еще вот что – скажи, что оберегать тебя попросил сам Бенефециум.
- Кто это и что это значит? – не поняла Кама.
- Хаустус знает, – только и сказала Эсокса.

Через несколько минут Кама, уже одетая и собранная, села на одну из поданных ей и Глебе лошадей. Вспомнив о важном, она сняла с пояса кошель.

- Вот, тут пять золотых.
- Оставь себе, – впервые за весь вечер, уже ставший ночью, улыбнулась Эсокса. Конечно, если ее улыбка не пригрезилась Каме в трепещущем свете лампы. – То, что я делаю для тебя, стоит столько, сколько монет у тебя не будет никогда, даже если все монеты мира будут твоими.
- Хорошие слова, – прошептала Кама.
- Дерьмовые, – не согласилась Эсокса. – Болтовня не самая сильная моя сторона. В дорогу!

Глава 2

Моллис

Корабль назывался «Белый» по цвету палубы и бортов, а управлял кораблем черный человек по имени Моллис. Так считалось, на самом деле Моллис управлял моряками, большею частью такими же черными, как он сам, а с кораблем разбирался мальчишка лет двенадцати – ханей по имени Шупа, зеленоглазый, смуглый, со впалыми щеками, взрослыми складками у рта, копной выгоревших до белизны волос, гибкий и широкоплечий. Кажется, только он знал, как назывались многочисленные паруса корабля, какие канаты, которые оплетали судно словно сеть, куда вели и как нужно с ними обходиться, чтобы судно двигалось именно в ту сторону, в которую вздумалось двигаться его капитану. За Шупой, словно тень, следовал уже знакомый Игнису здоровяк Шиару, пресекая ропот моряков, которым приходилось теперь не сидеть на веслах, а тянуть за веревки и даже порой карабкаться по плетеным лестницам. Впрочем, два десятка тяжелых весел на корабле тоже имелись, но за те две недели, что Игнис пролежал под навесом на палубе, приходя в себя после многодневного рабского существования, они не пригодились ни разу. Хотя капитан Моллис с самого первого дня пообещал лаписскому принцу, что покорячиться с веслом ему необходимо. И то ведь чуть живого, бесчувственного приволокли с невольничьего рынка, думали, что так и придется за борт сбрасывать, не выживет, а он не только открыл глаза, но и в ответ на невинную шутку едва не свернул шею самому капитану! Тогда Игнис и получил от Моллиса оплеуху и теперь залечивал под навесом не только шрамы на спине, бедрах и плечах, но и синяк в половину лица. Точно такой же кровоподтек имелся и у Моллиса, охватывая левое плечо до левого уха, но цветом он на темной коже не выделялся и давал о себе знать лишь припухлостью и перекошенной физиономией ее носителя. К тому же черный капитан все две недели двигался по палубе боком, побряхтывал и поминал всех морских демонов поочередно и скопом, причисляя к их числу и недолгого знакомого, и самого себя за то, что вздумалось этого полудохлого бедолагу выкупить за десять серебряных монет у остервеневшего и едва не забившего его степняка.

Понемногу приходя в себя, Игнис узнал о том, что необычный корабль этот Моллис захватил у пиратов через неделю после того, как ссадил на берег в Тире доброго приятеля Сина с его подопечным, который, вернувшись в виде истерзанного раба, пока что ничего, кроме убытка и увечья, самому капитану не принес. Сначала Моллис хотел сбыть это странное и как будто несуразное судно в первом же порту, но оставшийся на корабле еще от его первоначальных хозяев-ханеев Шупа показал, как пользоваться диковинными парусами, и сделанные в первый же час при хорошем ветре тридцать лиг вдоль тиренского берега убедили Моллиса, что расстаться следует с предыдущей посудинкой. В порту Миноа так и было сделано. А где бы еще, как не на острове, если все порты от Самсума до Этеллиша и Шадаллу были закрыты из-за страха белой смерти? Только на островах сохранялась хоть какая-то торговля, но что толку с тех островов, поэтому быстроход «Белый» шел под всеми парусами на юго-запад, к океанским просторам.

– Не боишься, что близ ханейского Эшмуна отыщутся собратья бывшего хозяина корабля? – спросил как-то Игнис, который уже понял, что быстрое возвращение в Лапис ему не грозит; порты и в самом деле были на замке, а отправляться пешим ходом через всю Анкиду, и особенно через просторы земли Саквиут, никак не стоило. Шалили на равнинах степные разбойники манны, жестоко шалили, на собственной шкуре Игнис испытал их шалости.

– Не боюсь, – мотнул головой и тут же скривился от боли в шее Моллис. – И расходился уже с ханеями, у них, кстати, похожих корабликов пока не замечал, вот у корабелов из Кемы что-то подобное мелькало, но где Кема и где мы? Да и не осталось родных у бывшего владельца. Считай, что Шупа был хозяином корабля. Во всяком случае, имя на его ярлыке и гравировка

на рулевом колесе совпадают. А я этот кораблик у Шупы купил. Все честь по чести, оформил купчую. И нанял его парусным мастером. Пираты, которые убили его дядю, знатного купца, вырезали всю семью, ханеи ведь живут на кораблях, только Шупу и оставили. Да и то на продажу приберегали, а потом выяснили, что сами с парусами не управятся. Год он так и мыкался под парусами и плетью, пока не пришел разбойникам конец. С нашей помощью, – расплылся в улыбке Моллис.

– Ты так говоришь, как будто сам не пират? – спросил Игнис и, видно, обидел великана, потому что тот и о шее больной забыл, повернулся к принцу так, словно собирался украсить синяком и вторую половину его лица.

– Ну, наверное, не обычный пират, а правильный, – пожал плечами Игнис. – Син говорил, что ты как раз только на пиратов и нападаешь...

– Син говорил... – пробормотал Игнис. – Тогда ладно. Если Син, то ладно. Жалко мне его. Не могу поверить, что изрубили его степняки. Никогда я не встречал никого похожего. И ведь говорил он мне, говорил, что сберегает его судьба, не дает ему убиться. Что ж теперь, выходит, он ошибался?

– Он был великим воином, – вздохнул Игнис. – Но я видел несколько стрел, пробивших его грудь, и удар меча, который раскроил его почти пополам. Внутренности выпали к ногам. Кровь вытекла вся. Дыхание покинуло его. Сердце остановилось. Что еще нужно, чтобы увериться в смерти?

– Я не пират, – глухо пробормотал Моллис. – И не был им. И даже на пиратские суда сам не нападаю. Никогда. Какой флаг на мачте? Ты видишь?

– Желтый, – пожал плечами Игнис. – Желтый с синей полосой. Но разве пираты не вешают на свои мачты любые флаги? Или у тебя нет черной тряпки для устрашения встречных судов.

– Нет, – отрезал Моллис. – Это флаг Нилотты. Или того, чем она была или могла бы стать. Или чем будет.

– Твоя родина, – понял Игнис.

– Да, – кивнул Моллис. – Желтое – это солнце, которое покинуло мою землю, если верить древним преданиям, тысячи лет назад. Синяя полоса – великая река Элену. И никакой другой «тряпки» у меня нет.

– Тогда что ты делаешь в море? – не понял Игнис. – Торгуешь?

– Никогда, – гордо выпрямился Моллис. – Нет, торгуюсь, бывает, когда нужно сбыть захваченную у разбойников добычу, если хозяев ее не находится, но не торгую. Всякий человек продает что-то, но лишь каждый сотый из них торговец.

– Понял, – устало откинулся на палубу Игнис. – Ты просто любишь море. А все прочее случается само собой.

Волны негромко шелестели, разрезаемые килем судна. Над головой гудели паруса. Соленый ветер обдувал лицо. Синее небо накрывало все: от бескрайней и такой же синей глади вплоть до едва различимой полоски лигуррского берега на севере.

– Люблю, – присел на палубу Моллис. – И все прочее действительно случается само собой. Всегда так. Но начиналось все не так. До нашей деревеньки добрались свеи. Много лет назад уже, тогда еще их не было так много. В диковинку они были, иначе бы не пропустили врага воины нашей деревни. К тому же свеи напали ночью. В схватке перебили мужчин, женщин, кроме молодых. Молодые черные женщины дорого стоят. Перекупщики из Эрсет хорошо платят за черных рабынь. Хотя, конечно, немногие добираются до Эрсет живыми, все-таки дорога в тысячи и тысячи лиг трудна. Черные подростки, кстати, тоже стоят немало. Поэтому я жив. Мне тогда было двенадцать, как Шупе. И я глотал слезы, видя, как догорают избы в моей деревне. Но в Эрсет не попал. Та ладья, на которой везли меня, отстала от прочих. Две дюжины свеев сидели на веслах, но густой туман лег на воды моря Апсу, а колдуна-провидца в

ладье не было. Плохо у свеев с колдунами. Когда туман рассеялся, оказалось, что прочие ладьи скрылись из вида. Зато на горизонте показался данайский торговец. Он был больше нашей ладьи и, наверное, быстрее, но над морем стоял штиль. Да и кто может остановить свея, если он почувствовал запах добычи?

– И ты впервые увидел, как в море грабят? – предположил Игнис.

– Я впервые увидел, что жизнь человека подобна осеннему листу на ветке дерева, – говорил Моллис. – Достаточно порыва ветра, чтобы она улетела. На данайском корабле имелось не более десятка охранников, но среди них был угодник, и его звали Син. Когда свеи приблизились, купец с семейством и приказчиками заперся в рубке. На палубе остался вот этот десяток. Син крикнул по-свейски разбойникам, что лучше бы им не посягать на чужое добро, поскольку он сомневается, что души погибших свеев находят успокоение за пиршественным столом в доме их бога. Скорее всего их там топят в отхожем месте.

– Он хотел схватки с ними? – не понял Игнис. – Син мне не показался легкомысленным.

– Он и не был легкомысленным, – хмыкнул Моллис. – Я потом спрашивал его. Он сказал мне, что увидел в лодке женщин и детей. И некоторые женщины... были истерзаны. Свеи забавлялись с ними без перерыва. Но после его слов они забыли о женщинах и полезли через борта торговца, как тараканы. И все остались там.

– Он убил их? – не понял Игнис.

– Ну, не он один, – пожал плечами Моллис. – У купца были неплохие охранники, из которых после схватки осталась половина. Но, думаю, из каждой троиц свеев двое на счету Сина. Никогда я больше не видел такого умения обращаться с мечом. Хотя как раз тогда-то я видел мало, лежал на дне лодки. Да и если слышал что-то, то мало что понимал. А сам Син не любил рассказывать. Так или иначе, но со свеями было покончено, и тут из рубки выбрался купец и предъявил права на ладью свеев и на черных рабов.

– И Син? – сдвинул брови Игнис.

– Ты видишь меня? – расплылся в улыбке Моллис. – Я жив и здоров, значит, Син все сделал правильно. Он оставил заваленный трупами данайский корабль, перешел на ладью, развязал женщин и детей, посадил их на весла и взял курс к северному берегу. И никто не посмел его остановить.

– А дальше? – спросил Игнис.

– Дальше было всякое, – пожал плечами, снова поморщившись, Моллис. – Мы дошли до Шкианы, там Син продал свейскую ладью, выправил всем пленникам ярлыки и разделил между нами вырученные деньги. Уж не знаю, как сложилась судьба прочих моих односельчан, но я, как самый младший, увязался за Сином. Год бродил за ним. Дошел сначала до Кари, потом до Лариссы, там мы провели зиму. Син пропадал в городском хранилище рукописей, я, конечно, ходил за ним, как собачка. Заодно и читать научился. Затем мы переправились на Хааки, отдали месяц времени гиппофойскому книгохранилищу, а потом сели на чекерский корабль до Самсума. Хозяин корабля оказался добрейшим стариком, у которого не было семьи. Или я ему глянулся, или сил у него было уже немного, но они сговорились с Сином, и старик предложил мне стать его помощником. Море мне понравилось, и я согласился. С Сином, конечно, было интересно, но он не знал отдыха, все шел куда-то, а на корабле можно было лежать и смотреть на волны. Я вырос, старик усыновил меня, а потом умер. И я стал моряком...

– Моряком? – удивился Игнис.

– Приятель, – усмехнулся Моллис, – я, конечно, не божий посланник и не розочка с обрезанными шипами, но и не пират. И если ты этого еще не понял, то скоро поймешь. Хотя Син, с которым мы потом еще не раз встречались, иначе как пиратом меня не называл. Но с улыбкой, если ты заметил. Да, я схватываюсь частенько с пиратами, больше того, считай, что живу с этого. Но никогда не нападаю сам. Плыву себе под нилоттским флагом, вроде как за

товаром или даже с ним. Видишь три десятка бочек на палубе? Они пусты, но кто об этом знает, кроме меня? А пираты лезут сами. Вот тут-то и приходит время моей работы. Ты видел мою команду? Думаешь, я набирал ее в нилоттских портах? Нет. Все мои моряки – бывшие рабы, освобожденные мною. Те из них, кто решился заняться вместе со мной благородным промыслом, остались в команде. Многие, поплавав с год-другой, сошли на берег с кое-каким прибытком. А некоторые ушли на дно. Мы тут все не самые плохие воины, но Сина среди нас нет. Так что порой приходится трудновато.

– А меч у тебя найдется? – спросил Игнис.

– Зачем тебе? – удивился Моллис. – Ты же, судя по всему, из знати? С белыми ручками и нежной кожей?

– Ты думаешь, что моя кожа все еще нежна? – поднял брови Игнис.

– Да, – хмыкнул Моллис, потирая шею. – Ручки тоже не слишком белы. Ладно, приходи в себя, поговорим еще. А меч у меня найдется. Этого добра у нас всегда полно. А кончится, еще принесут. Сейчас разбойников больше, чем честных торговцев. Тем более что последние уже и не ходят в одиночку, охрану нанимают да собираются караванами. Так что скоро уже. Ты бы выздоравливал, парень. У меня за четыре десятка моряков, но если меч в руках держать умеешь, лишним не будешь.

Капитан легко поднялся, словно и не весил столько же, сколько потянули бы два таких здоровяка, как Шиару.

– А как встанешь на ноги, будет тебе меч.

Игнис встал на ноги в тот же день. Перехватывая канаты, опираясь о пересохшие на солнце бочки, морщась и сплевывая на ладонь, потому как вкус крови чувствовался на языке, проковылял до капитанского мостика, благо качки почти не было. Кораблик резал бирюзовую гладь, вздымая паруса под средним ветром, летел по бескрайнему простору словно играючи, и даже моряки, которые уже поняли, что мозоли от канатов ничем не хуже мозолей от весел, а боли в плечах и спине от последних гораздо больше, были благодны и спокойны. Капитан с насмешкой смотрел на ковыляющего к нему калеку, но когда Игнис добрался до мостика, сменил насмешку на досаду, однако дал знак Шиару, чтобы тот отвел Игниса в кладовую. Кладовой оказался отгороженный и затянутый паутиной угол трюма, путь до которого занял у лаписского принца еще минут десять. Шупа, следовавший за своим покровителем, подвесил на стальной крюк масляную лампу, Шиару поднял крышки рассохшихся сундуков, и принц очутился в царстве оружейного беспорядка и безобразия. Впрочем, относительный порядок все же имелся. В одном ящике змеились кожаные ремни, в другом поблескивали поножи, в третьем наручи. В четвертом и пятом – они же, но из железа, или кожаные, но с наклепанными стальными или еще какими вставками. В бочках обнаружили шлемы, жилеты, диковинные порты, сапоги, даже щиты. Пару ящиков занимали только ножи и кинжалы. Одна бочка была наполнена стрелами, да так плотно, что выдернуть из снопа хоть одну из них оказалось нелегкой задачей. А уж в центре хранилища на порядком подгнившей холстине лежала куча копий и мечей, которые, как все прочее, большею частью были дурны, стары и сломаны и отсвечивали бронзой и железом, годясь на первый взгляд лишь для отправки в переплавку и перековку. Голова у Игниса от утомления закружилась, и он опустился на колени. Да уж, никогда он не был белоручкой, но кто бы ему сказал полгода назад, что в конце первого летнего месяца он чуть живым будем копать в оружейной помойке?

– Здесь только грязь, – словно извиняясь, прогудел Шиару. – У каждого моряка оружие в исправности и чистоте. От него жизнь зависит.

– А доспехи? – оперся спиной о ящик с наручами Игнис. – Доспехи моряки надевают, когда отбивают нападения пиратов?

– Обязательно, – кивнул Шиару. – Только кожаные. И чем легче, тем лучше. Упадешь за борт, кольчужница сразу на дно утащит. Да и тяжело в кольчужнице, не попрыгаешь с борта на борт. А вот щиты обязательны у всех. И чем больше щит – тем лучше. Хотя стрелы опасны только до того, как противники сойдутся бортами. Потом уж не до стрел.

Игнис покосился на Шупу, у которого тоже висел меч на поясе, судя по ножнам, – дакитский или подделка под него, и, стиснув зубы, чтобы не застонать, наклонился вперед. Едва ли не вся Анкида отметилась в оружейной Моллиса, но выбрать что-то приличное было непросто – и выбирали уж до принца, и видно было плохо – лампа светила слабо. Порядок все же в оружейной имелся. Во всяком случае, мечи лежали рукоятями в одну сторону. Игнис закрыл глаза и начал ощупывать наверхия; мечи лаписских оружейников, которые ценились во всей Анкиде, имели наверхия круглые, так же как тиренские и араманские клинки, но в плоскости клинка каждое отмечалось с двух сторон круглым же углублением с выпуклым, а не выбитым именем мастера. Секрет изготовления такого клейма был прост: лаписские кузнецы отливали наверхия, что явно не делало их изделия дешевле, хотя главное достоинство лаписского оружия было, конечно, не в наверхиях. Сталь превосходила все подобные образцы, разве только мечи даку из рудников и кузниц Униглага могли сравниться с лаписскими клинками, но где они – клинки даку? А лаписские клинки... Пальцы нащупали три знакомых «яблока». Правда, в самом низу кучи. Игнис попытался их вытащить, два вытянул без особого труда, поскольку клинки были обломаны на две трети. А вот последний... Шиару осторожно отстранил принца, схватился за рукоять и, едва не сдвинув всю кучу, выдернул покрытый ржавчиной клинок.

– Этот не пойдет, – поморщился он, вытирая тряпицей руки.

– Это меч из моего дома, – не согласился Игнис, ощупывая гарду, клинок, снимая лохмотья, которые, скорее всего, были останками кожаных ножен. – И эта ржа не от клинка. Засохшая кровь, грязь... Я приведу его в порядок.

– Полуторный, – щелкнул пальцами Шиару. – Рукоять на полтора хвата! Куда такой на корабле? Если и не посечешь канаты, когда махать будешь, так зацепишься, тут тебе живот и вспорют.

– Значит, такая судьба, – поджал губы Игнис, вспомнив умирающего Сина.

– Как знаешь, – зевнул Шиару. – Доспех выбирать будешь?

– Не теперь, – постарался улыбнуться Игнис. – Примерить не смогу.

В тот же день он отмачивал клинок морской водой, отчего у всей команды вытянулись лица, но когда из-под грязи блеснула светлая, с синеватым отливом сталь, лица вытянулись во второй раз. Меч был из старых. Мастер, который его делал, умер еще до рождения Игниса, но канон выдержал строго. Эфес был простым и гладким, с небольшим утолщением от ладони к полутора. Гарда с небольшим скосом к клинку. Сам клинок – идеально ровный, с едва приметной гранью, проще некуда, но именно эта простота и согревала сердце принца. Игнис положил клинок на руку, проверил балансировку меча и стал распускать принесенными Шупой опять же лаписскими кинжалами старый ремень на шнуры, чтобы оплести рукоять.

– Что ж, – с удивлением протянул подошедший Моллис. – Солнце еще садится, а меч уже почти готов. Осталось найти мечника.

– Разыщу, – процедил сквозь стиснутые зубы Игнис. – Дай несколько дней.

– Я-то дам, – с сомнением произнес Моллис. – Но даст ли море? Да и выкарабкаться тебе еще не один месяц. Но главное – море.

Игнис оглянулся. «Белый» продолжал резать водную гладь, берег уже исчез, и солнце опускалось, почти тонуло в воде, но ни единого корабля, ни огонька не было видно на горизонте.

– Тебе ли тревожиться? – спросил принц.

– Ну я же не деревянный истукан, которыми украшают свои ладьи свеи, – позволил себе смешок капитан. – Хотя дело не в этом. Ветер что-то приносит. Что-то горькое.

Игнис понял. Ничего не приносил ветер, кроме соленых брызг и едва уловимого запаха рыбы, но горечь прочно поселилась на языке. Что-то творилось или за горизонтом, или над ним. Принц поднял глаза; солнце уже наполовину утонуло в волнах, и над головой начали проступать звезды. Знакомые созвездия указывали путь домой. Корабль плыл в противоположную сторону.

– Вот, – Шупа принес точильные камни, натертую пеплом морских водорослей кожанку, надул губы. – Хочешь – я научу тебя управляться с парусами, находить на карте место, где наш корабль, в любом тумане указывать север или юг?

– Кто же отказывается от знаний? – удивился Игнис. – Я, правда, думаю о том лишь, как вернуться домой, но без морского умения, чувствую, не обойтись. А с чего такой разговор? Сам-то чего хочешь?

– Научи сражаться! – воскликнул Шупа и одним движением выдернул из ножен меч, который оказался простым клинком, выкованным в Ардуусе в подражание даккитскому оружию. – А то как какая заварушка, меня Моллис в рубке запирает.

– Правильно делает, – нахмурился Игнис. – Ты же ребенок еще!

– Понятно, – скривился парень. – Как парусами командовать, так парусный мастер. Как вставать против разбойников – так ребенок.

– Паруса не машут мечами и не выпускают стрелы, – возразил Игнис. – Но даже если бы я захотел обучить тебя, с чего ты взял, что я что-то умею?

– Шиару сказал! – прошептал Шупа. – Он был воином в первой тысяче данайских мечников. И еще служил лучником на башнях Лариссы! И он сказал, что мастеру не обязательно показывать умение. Достаточно подержать в руках меч и положить его. Тот, кто понимает, уже по хвату узнает мастера. Ты – мастер.

– Ну что же, – задумался Игнис. – Никогда не думал, что я мастер, но кое-чему пришлось поучиться в свое время. Тот, кто учил меня, мастер. А я его тень. Уже немало. Стань моей тенью, сможешь – научишься.

Шупа стал тенью Игниса через минуту после того, как тот выбрался на палубу позади рубки и мостика. Утро только занималось, на мостике переминался с ноги на ногу рулевой, да смотрящий крутился в люльке на средней мачте, а принц встал на ноги и, морщась от боли во всем теле, стал вспоминать танцы, которые часами повторяла Кама во дворе лаписского замка. Шаг вперед, шаг назад, два шага вперед. Перенос тяжести с ноги на ногу. Поворот. Взмах, новый взмах, снова перенос тяжести с ноги на ногу, выпад, уклон, еще шаг. Боль накапливалась, но как будто слабела в каждое капле. Становилась привычной. Угасала.

Рядом послышались шаги. Заспанный Шупа старательно повторял у задней мачты движения Игниса. «Ждал, – подумал Игнис. – Пусть. Под его меч танец должен быть чуть иным, но подбирать краски следует тогда, когда глаз начнет различать цвета».

Игнис танцевал не менее трех часов, если, конечно, его ковыляние можно было назвать танцем. Через три часа он от утомления лишился чувств и, придя в себя на палубе, понял, что и его падение Шупа старательно скопировал.

– Все в порядке, – прошептал он подскочившему парню, – но падать все-таки не следует. Мечник, который падает, должен тут же вскочить на ноги, даже если его учитель продолжает лежать. Хватит пока, следует отдышаться. Да и голод дает о себе знать.

– Голод – это хорошо, – буркнул подошедший Моллис. – Значит, ты идешь на поправку. Одно не пойму, какой будет прок от твоих танцев, когда пираты появятся на горизонте.

– Пока никакого, – ответил Игнис. – Однако строитель, который закладывает фундамент дома, тоже никого не может укрыть от дождя.

– Пусть строитель поспешит, – сплюнул за борт Моллис. – Опасность может заклубиться со дня на день.

Опасность заклубилась ровно через две недели. За эти две недели Игнис если и не вернул прежние силы, то хотя бы перестал морщиться от боли при каждом движении и все-таки смог подобрать легкий доспех и даже выбрал небольшой щит. Шупа бойко повторял танцы со внешними Игнисом уточнениями, хотя и пытался найти в трюме что-то, похожее на меч наставника. Но уж что он делал особенно хорошо, так это растолковывал принцу, какие паруса для чего служат, почему парус на главной мачте большой, а на первой – малый. Зачем малый парус на косой мачте на носу и косой парус на задней мачте. Как с ними обходиться, и как можно одновременно управлять кораблем парусами и рулевым колесом. С величайшим почтением из украшенного бронзовыми узорами ларца было извлечено диковинное устройство, которое надлежало наводить на солнце или на звезды, чтобы узнать, где находится корабль, когда не видны берега, или берега незнакомы. Игнис, который после каждого занятия хотел только одного – упасть на палубу и забыться, с уважением вглядывался в карты и какие-то, выполненные на старых пергаментных таблицах, и вместе с Шиару удивлялся, когда вместо обычного масляного корабельного светильника, закрепленного в подвесе из двух бронзовых колец, Шупа притащил плоскую с белым маслом, в которой плавал разлинованный кружок с приклеенной к нему иглой. Шупа с гордым видом покрутил плоской, но игла упорно показывала куда-то на правый угол кормы судна.

– Это компас, – объяснил паренек. – Этот конец иглы всегда показывает на север, этот на юг. А твой дом, Игнис, если верить компасу и картам, вон там.

Так и было. Дом принца оказался точно посередине кормы. Игнис вспомнил карту, которую рассматривал днем раньше. Вернуться домой можно было двумя способами – развернуть корабль и плыть в обратную сторону, или сделать крюк длиной в несколько тысяч лиг – выйти из моря Тамту в океан Тиамату, уйти на север, сунуть нос в негостеприимное и опасное море Апсу и держать путь до ледяного и еще более опасного моря Хал. И уже там сходить на берег и добираться через Валу, Аббуту и Ардуус – домой. Как там близкие? Что думают об его исчезновении?

В груди у Игниса защемило, словно неведомая боль пыталась проникнуть в его сердце, он стиснул зубы и поднялся.

– Опять? – удивился Шиару. – И получаса не прошло, как ты взмок от пота с головы до ног!

– Умывайся по€том, если не хочешь умываться кровью, – ответил Игнис и взмахнул мечом.

Первый корабль, который они встретили, появился на горизонте через две недели после того, как Игнис поднялся на ноги. К тому времени «Белый» уже миновал скалы Астарты и вышел в океан. Игнис еще не успел привыкнуть к ветру и небу, которые переменились неуловимо, как Моллис взлетел на мостик, приложил к глазу медную трубу со стеклами, выругался так, что даже ветер как будто стих на мгновение, и раздраженно покачал головой:

– Галера, побольше нашего кораблика. В хороший ветер скорость, конечно, у нее не наша, но она под ветром, да и ветер слабоват... И гребцы ее гребут так, словно им разрешили издохнуть нынешним вечером. А у нас только два десятка весел... Но когда мы убегали? Редко мы убегали. И все-таки гребцов не менее сотни, а может, и больше, еще и воины на палубе. Не могу понять. Кораблик вроде не пиратский... Флага нет... А ну, молодцы! Быстро по местам!

– Вроде не пиратский? – не понял Игнис, который тоже поднялся на мостик.

– Галера аккадская, но Аккады нет, – отрезал Моллис. – Те аккадские города-порты, что еще десять лет назад торговали сами по себе, теперь все под степными танами. И аккады в них или вырезаны, или стали как все – маннами. Так что, уверяю тебя, можешь смеяться, но

это галера степняков. И на палубе степняки. На, смотри. И заметь! Никакой магии! Ханейская штучка!

Игнис приложил к глазу трубу. Сначала он не увидел ничего, кроме неожиданно близких, но нечетких, расплывающихся в месиво волн, потом вдруг поймал трубой корабль и вскрикнул от неожиданности. Галера была как на ладони. Единственный ее большой парус был подобран, но длинный ряд весел ожесточенно месил волны. Корабль шел наперерез «Белому».

– Приглядишься, – заметил Моллис, – товара на палубе нет. У мачты что-то вроде груды оружия. Борта побиты, словно галера билась о скалы в тесных проливах. И мечи. Мечи обнажены у воинов на палубе. И их там не менее полусотни. Видишь? У них швартовочные крючья!

Игнис отдал трубу капитану, посмотрел на палубу «Белого». Моряки торопливо забирались в бочки. У каждого был небольшой лук, короткий меч. С десяток моряков с копьями скрылись за рубкой.

– Шупа! – рявкнул Моллис.

– Я здесь! – высунулся из крайней бочки парень.

– Быстро в рубку! – зарычал Моллис.

– Но капитан! – заныл парусный мастер.

– Или я забью эту бочку крышкой! – пригрозил Моллис.

Шупа с обреченным видом побрел в рубку.

– Что-то не так, – пробормотал, вновь приложив трубу к глазу, Моллис. – Обычно эти отбросы скачут по палубе, орут, словно пытаются убедить сами себя, что они смелы, как львы, а эти стоят, будто истуканы. И, мне кажется, у них трупы на палубе, не менее десятка. Что? Лень до борта дотащить?

– Можем уйти? – спросил Игнис.

– Ветра бы... – почти заныл капитан и вдруг широко улыбнулся, показав два ряда белоснежных зубов. – Хорошая драчка будет! Очень хорошая! Иди к копейщикам, пока они не пойдут в дело, не высовывайся, а то всю службу испортишь.

На палубе галеры и в самом деле стояли степняки, но чем ближе становилась галера, которая теперь уже нагоняла «Белого», идя почти борт о борт, тем больший ужас охватывал Игниса. Степняки, которых было на палубе более полусотни, напоминали вставших на ноги мертвецов. Многие из них были ранены, у одного, как показалось Игнису, не было руки, но он стоял вместе со всеми, хотя обрубок его даже не был затянут тряпицей, разве что опален огнем. Игнис не мог рассмотреть трупы на палубе, поскольку галера была выше «Белого», но другое отчего-то поразило его, заставило задрожать; из борта галеры в два ряда торчали весла. Их было много, но едва ли не треть из этого множества была сломана, и короткие обломки точно так же шевелились и двигались в лад с целыми, словно гребцы их потеряли разум.

– Ужас, – прошептал уже не черный, а почему-то серый Шиару, который стоял рядом с Игнисом. – Ужасом веет от этого корабля. Смотри! Смотри на борта! Они что, подбирали такие кривые доски? Видишь? Или корабельщик разума лишился?

Она и в самом деле была страшна. Только разума лишился не корабельщик, а сама галера. Оплела ветвями нос и борта, пустила толстые змеи-корни по всей палубе, одела мачту черными острыми сучьями. Магией дышало судно. Черной магией, непроглядной, безумием и мраком!

Вот до галеры остались две сотни локтей, вот уже полторы... Шумел ветер, шелестела вода, скрипели весла. Два корабля постепенно сходились. На одном готовились к схватке со смертью, а на другом застыла в ожидании пиршества сама смерть.

– Моллис! – крикнул Игнис. – Не жди обычного нападения! Это не пираты! Это магия и безумство! Меняй план!

– Ребята! – понял и тут же взревел капитан. – Сто локтей по правому борту! Залп!

Появление из бочек чернокожих лучников не извлекло из глоток воинов на борту галеры ни звука. И стрелы, ушедшие в плотный строй врага, не дали повода ни для стоны, ни для ругани. С десятков человек упали, но многие так и остались стоять с пронзившими их тела стрелами.

– Залп! – продолжал орать Моллис. – И еще!

Лучники успели выбить два десятка из полусотни. На палубе осталось чуть больше, чем упало и билось в конвульсиях там же. Но уже трещали и ломались о борт «Белого» весла. Вот, до борта галеры осталось десять локтей, пять. Полетели крючья на канатах, вонзаясь в тиковую палубу «Белого». Раздался глухой удар, и выжившие под стрелами разбойники без единого возгласа ринулись на палубу. А вслед за этим раздался топот и звериный вой – из недр галеры выбирались гребцы.

Бой был жарким и страшным, потому что ни звука не раздавалось со стороны странных пиратов кроме скрежета стали о сталь и шума от падения тел. Нападавшие сражались, не чувствуя боли, и если бы не смерть от потери крови или не перебитые ноги и руки, они смяли бы команду Моллиса, ибо, кроме бесстрашия, несли на своих клинках ужас. Но все-таки их было не так много, и бой закончился там, где и начался, – на палубе «Белого», которая из белой стала красной и липкой. Игнис с трудом разогнулся, хотел вытереть клинок, но не нашел ни на себе, ни вокруг и клочка сухой ткани. Вымазанные в крови, так же, как он, рядом стояли только моряки Моллиса. Их осталось два десятка. Неплохо для битвы, в которой им противостоял такой противник. И даже маленький, перепуганный Шупа тоже стоял с мечом и тоже был весь перемазан кровью. Точно кто-то снес дверь с рубки. И Моллис медленно вытирал огромный тесак о порты, не замечая, что тот продолжает оставаться красным. Весь капитан был теперь не черным, а красным. Как вся уцелевшая двадцатка. И ни единого воина в живых с галеры. Хотя ужас все еще стоял над заколдованной, искореженной палубой.

– Да, ребята, – наконец сипло вымолвил Моллис. – Жить стоило уже для того, чтобы пережить вот такую драчку. Вы как хотите, а мне нужна стоянка в тихой бухточке хотя бы на пару недель. Сколько наших ребят полегло?

– Двадцать пять человек, – подал голос, зажимающий рану в плече, Шиару.

– Значит, осталось двадцать два... – опустил голову Моллис. – Со мной, с мальчишкой и принцем... А ну-ка, ребята. Складывайте наших на корме, а всех чужих бросайте в воду. И поганую кровь нужно смыть с нашей палубы. Шупа, чтоб тебе до конца твоих дней вздрагивать на мой голос! Чего ты вылез?

– Я троих срубил, – хрипло ответил парень.

– Троих... – сплюнул Моллис, глядя, как его выжившие моряки высматривают среди трупов тела своих братьев. – Осмотри каждого из чужаков. Чтобы ни монеты не ушло на дно из их поясов... Если кто-то из ребят нахлебался крови выше горла, надо собрать отпускные... А там... – капитан посмотрел на галеру, которая все еще возвышалась на четыре локтя над палубой «Белого», – а там, мне кажется, вовсе ничего нужного нам нет. А если есть, я в эту мерзость не ходок.

– Я посмотрю, – попробовал шагнуть вперед Игнис, но едва не упал, потому что тела вокруг него лежали в два слоя.

– Смотри, но не медли, – скривил губы Моллис. – Ты, парень, конечно, не Син, но столь же полезен. Как выяснилось. Будь осторожнее.

– Я с ним пойду, – вызвался Шиару.

– Руку сначала перетяни, дурень! – вздохнул Моллис.

На палубе галеры не было ни единой живой души. Валялось с полсотни трупов, большая часть которых успела вздуться, а значит, лежала так уже с неделю. Шиару выворотило

наизнанку почти сразу, а когда Игнис шагнул к палубной надстройке, чернокожий воин опустился на колени.

– Что это? – испуганно прошептал он.

– Даку, – ответил Игнис.

У одного из вздувшихся трупов была почти собачья морда.

– Так они не выдумка? – стал бледным, как пепел, Шиару.

– Как видишь, – отозвался Игнис, которому каждый шаг к галерной рубке давался с трудом. – Возьми у него меч. Все лучше, чем поделка в ножнах Шупы.

– Не могу дальше, – вовсе скрутило Шиару, когда он сорвал меч с трупа. – Что это?

– Магия, – прошептал Игнис, которому приходилось закрываться изо всех сил. Глухая ненависть рождалась в груди, ужас хватал за колени. Столь сильный ужас, что даже мысль развернуться, поднять меч, пойти на остатки команды «Белого» и рубить без передыха казалась спасительной.

Игнис перешагнул через один труп, через другой. Обошел рубку и приблизился ко входу в трюм. Широкая лестница, уходящая в полумрак, как будто была не сколочена из жердей и досок, а выращена. Бугрились узловатые корни-перила. Ветвились доски ступеней. Зеленели листьями на выстреливших сучьях резные столбы. Магия стояла в воздухе, но здесь, ближе к сумраку, она уже не возбуждала ненависть и ужас. Она сама была ненавистью и ужасом.

Трюм был пуст. Игнис постоял несколько секунд, ожидая, когда глаза его привыкнут к сумраку, а потом разглядел пустоту впереди и цепи, которые тянулись через нее.

В середине трюма на цепи была подвешена клетка размером четыре локтя на три. Еще одна цепь крепила клетку ко дну галеры. Остальные цепи тянулись к бортам. Все они были оплетены черными погаными корнями, которые, впрочем, тянулись не от клетки, а к ней и не достигли ее лишь на несколько локтей. Игнис с гримасой вдохнул запах гнили и испражнений и медленно пошел по дощатому настилу вперед. Изогнутые корнями доски были и здесь, и, кажется, кое-где в их узлах угадывались человеческие останки. Что же за чудовище содержалось в этой клетке, если его магия все еще не рассеялась? Что за тряпье лежит на ее дне?

– Кто ты? – раздался едва слышный голосок.

Игнис замер. Тряпье шевельнулось, из него блеснули два глаза, затем проявилось худое девичье лицо в копне грязных волос.

– Я принц Лаписа, – нашелся Игнис. – Сын короля Тотуса Тотума. Ваш корабль напал на наш. Но нам удалось отбиться. А ты кто?

– Что у тебя в груди? – последовал другой вопрос.

– В груди? – Игнис прижал ладонь к груди, посмотрел на себя. – Сердце, я полагаю?

– Не только сердце, – был ответ. – А какое сегодня число?

– Середина лета, – ответил Игнис. – Самая середина.

– Много времени, – донеслось чуть слышно. – Прошло много времени. Месяц? Два месяца? Или меньше? Не помню... Есть хочу. Очень хочу есть...

– Надеюсь... – Игнис кашлянул. – Надеюсь, ты питаешься не человечесиной?

– Нет, – в ее голосе как будто послышались слезы. – Я хочу молока... Боги, какое может быть молоко в море? Хочу слабого вина. Или просто воды. Воды хочу. Пить. И есть. Все, что угодно. Хлеб, сыр, мясо, овощи. Все.

– Ты можешь снять эту магию? – махнул рукой Игнис, как будто попытался развеять охватившую его пелену.

– Уже нет, – призналась она. – Этот корабль придется сжечь. Я хочу есть. Там, на палубе, должен быть даку. Это человек с головой пса или гиены, не знаю. У него на поясе ключи от моей клетки. Открой ее, я не могу так больше. Я уже два месяца хожу под себя! Я уже два месяца ем отбросы и помои, которые льют на меня с палубы.

Так и было. Из отверстия в палубе на пленницу падал рассеянный свет.

– Что ты сделала с ними? – спросил Игнис. – Что это за магия? Ты лишила их разума?

– Нет, – она уже шептала. – Они все сделали сами. Я только пролила свою кровь и разрешила дереву слушать и впитывать. Корабль сам извлек из них их ненависть и их ужас и напитался им от киля до кончика мачты... Больше он не слышит меня. Теперь он стал страшнее, чем были они. Корабль лишил их разума. Он сам безумен. Его нужно сжечь...

Глава 3

Вермис

К середине лета Шуманза выгорела полностью, но запах мертвечины не стал слабее. Отряд в сотню пригнанных из Иевуса иури прочесывал развалины и окрестности, выгребал останки несчастных и сбрасывал их в реку. Та сопротивлялась всеми силами; прибывала мертвых к берегам, накапливала горы гниющей плоти на отмелях, пока, наконец, не заполнила трупами русло севернее Шуманзы, близ древних развалин, и не разлилась болотом разложения и смерти. А потом подул северный ветер, забил ноздри тленом и сделал пребывание в лагере на холмах близ дымящихся руин вовсе невыносимым. Иури вскоре от непосильной работы перемерли, а со стороны руин полетели толстые и жирные могильные мухи. Только тогда войско свеев, вентов и антов зашевелилось. Начали сниматься шатры, выучиться лошади. Одно было непонятно: куда идти дальше? Или настала пора распустить с таким трудом взнузданные орды? Тогда зачем так тщательно делилась добыча и отправлялась со специальными обозами на север в свейские деревни, на восток в антские, на запад – в вентские? Значит, война должна была продолжиться, несмотря на щедрую добычу из Иевуса и Шуманзы? Когда еще морские разбойники умудрялись взять хоть одну анкидскую столицу? И вот, пожалуйста, Иевус разграблен, Шуманза сожжена, великаны рефаимы взмолились о пощаде, попрятались в горных пещерах, недостойные прайды, подчиняющиеся женщинам, перегораживают горные перевалы, Касаду спешно собирает войско, трясется от страха, жаждет союза с вечным соперником – Махру. Аббуту замерла от ужаса, жмет к Тимору и Обстинару, ведь последние вроде бы стали частью Великого Ардууса? Что это за величие такое, не подтвержденное ни былой, ни настоящей славой, если только не о богатствах Ардууса и Эбаббара идет речь? Тогда да, войска под управлением твердого, словно камень, выбритого наголо вента Слагсмала и веселого и страшного свея Джофала готовы признать это величие и покуситься на него, потому что именно свеи, венты и анты заслужили право называться великими, сначала под стенами Иевуса, а потом и под стенами Шуманзы! Отчего же тогда молчат вожди? Отчего хмурятся тысячники и сотники? Или мало почти трехсот тысяч северных воинов, чтобы сковырнуть вирские крепости, все эти атерские бастионы? Разве хоть одна из их крепостей сравнится с древним Иевусом?

Протестов не было, но шепот понемногу обращался ропотом. Советы вождей не собирались, ведь не считать же советами вечерние застолья у бочонка крепкого питья? Но не собирались не потому, что вожди перестали управлять собственными ордами, нет. Их было слишком много, ведь давно известно, что каждая свейская деревня в пять-десять больших домов давала не одного вождя, а нескольких. И если бы не войны, драки, вино и свирепое море, то вождей в тех деревнях было бы больше, чем простых воинов. Но и тех, что оставались, хватало, да только почти все они стали сотниками, мало кто мог набрать воинов для личной тысячи. Но и из тех, кто набрал, – вначале не каждый был готов подчиниться требованиям мастеров, правивших войсками по десять тысяч клинков. Однако как-то так вышло, что уже за первые месяцы строптивцы погибли. Кто получил стрелу в спину, верно, повернулся к врагу не той стороной, кто отравился грязной водой или кислым вином, кто сгорел от неизвестной болезни. А те, кто не был строптивцем, неожиданно для себя познали и хмель победы, и блеск добычи.

И все же на вторую неделю простоя, когда и бочонки с питьем опустели, и вонь с севера стала нестерпимой, пошли разговоры, что надо сниматься и уходить домой. Середина лета, по свейским меркам – начало осени, пора бить морского зверя, рыбу, пластовать и вялить добычу на бечеве, если иным прибытком судьба не отвечает, нечего задарма чужую землю топтать. Вот из этих-то разговоров и поднялся гул над разбойничьими становищами, когда начали свертываться шатры, но команды уходить на восток или запад к близкой добыче не последовало. Сам лагерь перемещался на десяток лиг к югу, подальше от вони, но одновременно с ним

сотни разведчиков были отправлены намного южнее. Значит, ожидалось продолжение удачной войны, которая неудачной и быть не могла, хотя бы уж до течения Азу? А там-то... кто его знает? Тысячи свеев не так давно служили за звонкую монету в окрестностях Светлой Пустоши королю Ардууса, теперь они стали возвращаться, так по всем их рассказам, не было силы у Ардууса, сравнимой со свейской. К тому же не все королевства стали герцогствами Ардууса с великой радостью. А те, которые стали, не с радостью побежали под чужое крыло, а с ужасом от набегов со стороны южных кочевников, что не первый месяц терзали древнюю Тирену. Так не с ними ли пытались сговориться Слагсма и Джофал? Не оттого ли задержка вышла? А ведь принимали правители посланников с дальнего юга, хотя и пришли те на кораблях с севера. Опять же и волчьи головы из дальней Эрсет прибывали через антские земли. И теперь стоят их корабли у северного берега, щедрую монету платят за добытых рабов. Особенно за мальчишек от двенадцати лет. Великие воины – эти волчьи головы, равных нет. Было бы их побольше, всю бы Анкиду под себя подгребли. Ведут корабли с рабами через антские земли, самые разбойничьи места, даже свеи туда не суются, а эти и дрожи в коленях не знают. Великие! Сами анты, из тех, что посягали на их добро, да сумели после быстрого отпора отползти или отплыть, о том рассказывали. Выходит, и волчьи головы со свеями, и южные кочевые с ними, и даже воины из дальних земель, что ходят под волчьими головами? Так, значит, есть какие-то намерения у мудрейших насчет южных богатств? Тогда отчего гудеть, ждать нужно да силу в руках копить, как жажда копится в глотке. Одно дело – ходить на ладьях на юг, чтобы ограбить несколько деревень, да парочку-другую попавшихся по дороге судов, и совсем другое – занять места разжиревшей вирской знати да испробовать вязкость хлыста на крестьянских и ремесленных спинах. Королевств много, всякому роду найдется где жирный кусок отсечь. Теперь только раны подлечить тем, кто шкурку под Шуманзой повредил, и можно новую кровь лить. Чужую кровь.

Лекарское становище где стояло, там и стояло. И в самом деле не до трупной вони было, если месяцы гнилью из ран дышать приходилось. К счастью, те, кого боги призывали от тяжелых ран к себе, к середине лета к богам и отправились. А те, кого судьба побаловала, уже почти оправились от ран. Мало того что оправились, так и веселиться начали – присмотря, как под сотниками, нет, кровь молодая играет, а тут рабынь, что тряпицы кровавые отстирывают, в достатке. Эх, жаль, что главная лекарка на рожу страшна и на походку уродлива. Ничего, с великого бабского недостатка и страшнее приходилось оприходовать, да и не только женского пола, одно плохо – седой дядька вент, мастер из дружины самого Слагсмала, друг его детства, по слухам, при лагере остановился. За подлеченными не особо смотрит, а за главными лекарями – тщедушным лаэтом, да руфкой-уродкой – присматривает. Вроде бы прибыл подлечить старые раны, залатать новые да охранить врачей, уж больно ловки, стольких воинов из божьих объятий выдержали, что не одну сотню можно составить!

Так ли оно было, ни лекарю, ни лекарке не докладывали. Когда ветер сдувал вонь к востоку или западу, коренастый седой вент, которого звали Вермис, выбирался из шатра, опускался в плетенное из ивового прута кресло, принимал из рук слуги кубок молодого вина и подзывал к себе лекарку-хромоножку Аксиллу, если следовало поменять повязки да втереть в раны целебное снадобье, или лекаря Алиуса, если хотелось размять спину на топчане или поговорить о разном. Алиус болтливостью не отличался, но лекарем был первостатейным, хотя, конечно, не имел в пальцах столько нежности, как эта рыжая уродка Аксилла, зато слушать умел так, что охоту поговорить не перебивал. А уж если с высокого изволения и спрашивал о чем-то, то так, что и сам Вермис осекался отвечать, не подумавши. Вот еще в полдень спросил о том, о чем и Вермис разумение имел странное, о правлении великим войском. И верно ведь, есть Слагсма – вент, сын того племени, что обитает на северо-западе близ древних храмов за рекой Элену, нашедший свою славу и там, и в землях антов на северо-востоке. Есть славный свей Джофал, сын славного разбойника, внук и правнук славных разбойников из земли Дуггае. Их слава и их сила равны, как равны их войска. Как же они умудряются править вместе, не

выступая один против другого, не деля славу, не оспаривая первенство? И в самом деле, как? Что было ответить этому худому лаэту, на ноге которого болталась на цепи тяжелая каменная чушка? Что было сказать лекарю с жесткими, но умелыми пальцами, если хотелось вместо ответа взять нож и полоснуть по его жилистой шее? Но уж больно хорошо он вправлял Вермису спину. Да и о чем говорила злость Вермиса? Уж не о том ли, что он и сам мучился тем же вопросом? Хотя мучился ли? Нет. Задавался – это да. Но не говорить же рабу-лекарю, что нельзя убирать Джофала, и не только потому, что не так легко его убрать, а и потому, что уж больно горды swei. Или глупы, кому как угодно. Не каждый согласится воевать под началом вента, как бы ни был велик Слагсмал. Но дело-то было и еще глубже, настолько глубоко, что и себе говорить об этом не следовало. С детских лет Вермис знал Слагсмала. Еще с тех лет, когда он и другие вентские мальчишки в короткое северное лето седлали каменного льва с человеческой головой, который не сводит безглазого взгляда с не такого уж и далекого ледяного севера. Или когда они на спор забирались на верхушку одного из трех великих мертвых храмов, равных которым нет во всей Ки? Никогда Слагсмал не проявлял той мудрости, которая добавилась к его бесстрашию и жестокости в последние годы. Так что же такое стряслось, если некогда угнанный теми же swei в рабство в земли антов Слагсмал вернулся вожаком разбойничьей шайки и за короткое время стал и вождем своего племени, и правителем огромного войска? Что с ним стало?

Вот и теперь Вермис, кряхтя, вытянул руки вдоль туловища, но отвечать на смелый вопрос раба не торопился. Слишком тот умен, слишком. А был бы дурень, вряд ли бы мог так легко разогревать провяленную спину да так ловко вщелкивать на место позвонки и ублажать мазями суставы. Сказать ему что-нибудь или нет? Бросить семя, чтобы посмотреть на всходы? Так уж брошено, и не раз. Где всходы-то? Или лекарь настолько мудр, что и всходы способен скрыть? О чем попросила сестра Слагсмала, когда узнала, что Вермис отправляется подлечиться, благо слава лекарей не просто облетела оба войска, а вселила надежду во многих, кто не слишком доверял привычным шаманьим пляскам? Точно – присмотреться к лучшим лекарям, потому как нужны колдуны войску. Шесть магических башен на стороне Великого Ардууса, значит, колдуны нужны и Слагсмалу. И великие колдуны. По слухам, южные кочевники подгребают под себя всех, кого найдут, значит, и северянам следует заботиться о том же. На то и дозоры отправлены во все стороны. Не только клинки и отвага воинов будут важны в грядущей войне, но и колдуны. Конечно, и за самой сестрой Слагсмала великая сила, тот же Джофал, пред которым всякий swei, как лист, трясется, словно камнеет перед ней, да и сам Вермес то и дело сам себя огородным чучелом чувствует, но магия лишней не бывает. Или не колдовство помогло взять Иевус? Да, разум, воля и расчет, но и колдовство тоже. Иначе бы не рухнули ворота вечного города сами собой, не осыпались бы пылью камни! Только чьим было то колдовство, чьим? Отчего сестра Слагсмала, прекрасная Ути, схватила за лицо под великими стенами, пальцами кровь ловила, хлынувшую из носа? Или шаманьи пляски помогли против древнего города, отчего же у Шуманзы они не сработали, отчего пришлось выламывать из головы хитрость? Или и вправду говорят, что валская королева была великой колдуньей и противостояла swei шаманам? Жаль, что не удалось ее взять живой, жаль... Однако на хитрость не на хитрость, а лекари эти явно были годны на великие чудеса! Неужели сестра Слагсмала права? Как же без колдовства тут? Ведь словно полтора десятка лет сбрасывает с его спины этот умелец?

Подумал так Вермис, снова попытался представить кроху – сестру Слагсмала, которая вечно таскалась за своим братом в его мальчишеских похождениях, копалась в грязи и хламе, и вдруг вспомнил, ясно вспомнил ее лицо! Надо же, так давно хотел вспомнить и все не мог, словно что-то мешало. А тут, под пальцами Алиуса, голова прояснилась так, что хоть на самое дно памяти заглядывай. А ведь более тридцати лет прошло, как налетели swei, убили мужчин, сожгли деревню, угнали детей и женщин. И Слагсмала, и его чернявую кроху сестричку. Сам

Вермис едва успел схорониться, стрелу в спину получил, оттого и искать его не стали, оттого и спина у него болит столько лет, сколько он себя помнит. А тут еще одна стрела пробила предплечье, все-таки жаль, что не удалось захватить живой королеву валов, на копья бросилась со стены, когда пала последняя цитадель. Тоже красавица, но сестра Слагсмала – куда красивее. Так бы и...

Подумал и замер. А ведь не сестра она ему. Та, что была, и та, что есть, – разные. Совсем разные. Чего уж говорить о годах, ведь Ути меньше сорока лет, много меньше. Сестре-то Слагсмала под сорок уже должно быть. А Ути? Сколько ей? Тридцать? Да меньше! Так что же?..

Застыл Вермис то ли от ясности в голове, то ли от ужаса. И лаэт застыл, почувствовал окаменевшую спину. Застыл сначала, а потом принялся медленно, нежно разглаживать внезапную твердость. Ну как тут угадаешь, колдовство ли это или великое умение?

– Я сделал больно? – осторожно спросил лаэт по-вентски. Вот ведь подлец. Как только все успевает? И по-свейски говорит, и по-вентски, и по-антски, и по-валски. Наверно, и еще как-то балакает... А был бы умен, таил бы свое знание про себя, может быть, дольше бы прожил. Кем он там был в прошлом? Угодником? Приходилось встречать, кого и порубить при случае, что с бродяг брать, а может, и раньше поговорить с ними следовало?

– Ничего, – закрихтел Вермис. – Мни дальше.

Закрихтел да подумал, а не в том ли секрет? И раньше ему казалось, что без Ути Слагсмал словно и не полон. Нет, когда драка наступала, лез вперед сам, и сталь в голосе и глазах у него была собственная, но когда нужно было подумать, как сделать так, чтобы три сотни тысяч строптивых воинов не перегрызли друг другу глотки да были сыты, а если пьяны, то пьяны умеренно, то всякий раз Слагсмал сначала заходил в шатер. Да и эти советы, где собирались все три десятка мастеров, советы, на которых за спиной Слагсмала всегда сидела Ути? Ведь никогда ни слова не молвила, молчала только, но и от этого молчания Вермису становилось то холодно, то жарко, а Джофал, ужасный Джофал, которого Вермис и сам боялся, словно именно он или, скорее, его отец когда-то пустил стрелу в спину вентскому мальчишке, Джофал только глаза пучил при виде Ути! Не из-за нее ли гасло в маленьких злобных глазах великого свей дикое пламя? Как же это началось? Тому ведь уже лет десять? Или пятнадцать? Вернулся Слагсмал, которого мало кто помнил, а девчонку-тростинку, которую он привел с собой и назвал сестрой, так и никто не помнил. И она ничего не помнила, бродила вокруг древних храмов, вокруг поросших кустарником огромных пирамид, искала что-то, словно забыла все свои детские тайники. Пока не нашла на обычной помойке, где все копано-перекопано, осколок одной из семи звезд. Видел Вермис этот осколок, не был он похож на кусок звезды, хотя кто его знает, как должен выглядеть кусок звезды? Да и кто сказал, что именно у трех храмов и каменного льва упала одна из семи звезд? Вот у Иевуса упала одна звезда, по преданиям, другая тут рядом, у камней, которые и по сей день штабелем высятся, там, где теперь трупы копятя и вонь издают, так и там и там – следы видны от падения! Камень оплавленный, земля, если яму копать, чернее пепла, шарики от спекшегося песка, а у трех храмов что? Да ничего. Только осколок, ни на что не похожий. Руны на нем непонятные. С чего только Ути взяла, что это осколок звезды? Однако возвестила о том громко, даже кое-какие легкие хвори стала лечить тем осколком, не прошло и года, как потянулись венты со всей округи, чтобы посмотреть на него, над тем и Слагсмал подниматься стал. Затем собрал воинов, чтобы обороняться от свеев. Года три прошло, так начал грабить и данайские городишки, которых по юго-восточному берегу моря Апсу вдосталь, а какие-то полгода назад вдруг в месяц объединил все вентские орды, отправил посольных на восток, сговорился со свейми – давними врагами и осадил Иевус. И вот, что ты будешь делать, откуда что берется? Под Слагсмом и Джофалом триста сотен тысяч воинов, Касаду и Махру трепещут, Ардуус замер. Неужели все сделала Ути? Кто она?

Вермис закричал, полез за пояс, выудил амулет, погладил его пальцами. Когда Ути передавала безделушку, сказала, что если учует амулет колдовство какое, то теплым станет. Однако холодным пока был камень. Или чуть теплым? Так он мог и о брюхо нагреться! Да и солнце-то как палит! Верно сейчас к горелым камням вниз по течению и близко не подойдешь... Река тленом забила... Эх, забыл спросить у самозваной сестрички Слагсмала – на колдовство ли только амулет просыпается или и на колдуна тоже, пусть даже и не колдует он вовсе.

– Перевернуться надо, – тихо произнес Алиус.

«Надо, значит, надо, – подумал Вермис. – Однако грудь да брюхо лучше бы бабе какой доверить. Да той же хромоножке? Заодно и повязку сменит, и ублажит. А ему-то что ее уродство? Неудобство есть, камень на цепи за собой таскает, а уродство? Да пусть у нее хоть вовсе головы не будет, лишь бы руки на месте остались да плоть ее мягкая. Когда повязку меняла да наклонялась, почувствовал. Хороша. И запах у нее особенный. Сладкий! А поначалу луком да чесноком от нее несло. Сразу же запретил эту дрянь жрать. Надо будет послать за ней стражника ввечеру. Пусть предупредит, чтобы не убегала далеко. Мало уже больных в шатрах лекарственных, потерпят, если что».

– Повязка в порядке, – проговорил Алиус. – До завтрашнего дня можно не менять.

– Тебя забыл спросить, – пробурчал и поднялся Вермис. – Передай Аксилле, что ночью жду ее со снадобьями. Перевязаться хочу. А пока иди прочь.

Лаэт опустил голову, кивнул. Потянул за цепь, подхватил тяжелый камень, побрел к своей драной палатке. Вот ведь рабское племя, сам Вермис скорее бы зарезался, чем в цепях жил. Хотя что он знает о прошлом Слагсмала? Тот ведь языком не трепал никогда, так и не рассказал, что хлебнул в неволе, как вырвался, откуда «сестрицу» сыскал? Да что с настоящей сестрицей стало?

– А оно нужно тебе знать? – сам себя вполголоса спросил Вермис. Спросил и замер. Подумал или спросил? Отчего будто на языке все и прежде подуманное повисло? – Эй!

Закричал, как подрезанный, задохнулся от ненависти, забыл имя стражника Вермис, но тот уже тут как тут вытянулся. Да, приятель, бояться можешь и Джофала, и Слагсмала, и Ути, но рядом с собственным мастером бойся мастера.

– Значит, так, – потянул на плечи рубаху Вермис. – Глаз с этого лаэта и с лекарки хромоногой – не спускать. По четыре глаза на каждого. Два издали, два вблизи. И ночью тоже! А как стемнеет, тащи лекарку ко мне в шатер. Но без увечий, ласково. И снадобья ее прихвати. Все понял?

– Понял, – шепнули обветренные губы. Воин развернулся и побежал к шатрам стражи.

– Не суетись! – рявкнул ему вслед Вермис.

Стражник перешел на шаг.

«Вентский увалень из глухой деревни», – определил Вермис и подбросил на ладони амулет:

– Вот и посмотрим!

Фламма, на которую молились раненые и недужные на лекарском стойбище и которую ласково окликали Аксиллой, возилась с ногой молодого свея. Рана давно бы зажила, но юнец все никак не мог дожидаться, когда сможет прыгать не на одной, а на двух, и то и дело срывал повязки раньше времени, упрашивая Аксиллу не тратить на него снадобий, а применить наговор; не может быть, чтобы она не заколдовывала раны, таких вытаскивала из-за смертного полога, что с этим нагноением, как с занозой, должна справиться. Фламма шипела в ответ свейские ругательства, заматывала с нужной травкой ногу и косилась на полог; в шатре было жарко, пахло гноем, а помощница ее подвязала полог плохо – привязь ослабла и ткань перегородила спасительный сквозняк. Ну, точно, постанывает за подрагивающей перегородкой со

стражником; кому и насилие в радость или и не насилие уже? За месяцы вроде как и сроднились с разбойниками?

Затянула последний узел, потрепала свея по белобрысой шевелюре, скорчила еще сильнее и так уже перекосившую лицо гримасу, подхватила тяжелый камень и захромала наружу. Столкнулась с Алиусом и тут же осветилась улыбкой и о гримасе забыла. И он в ответ не сдержался от улыбки, хотя и тревога плескалась в глазах. Только бросил быстрый взгляд в шатровый сумрак, мало что разглядел, но блеск глаз молодого хромоногого заметил.

– Ну что там еще? – вернула на всякий случай на лицо гримасу Фламма, присела на деревянный чурбан, поставила ногу на прикованный к цепи камень.

– Уходим, – прошелестел Алиус, – сегодня же.

Вздохнула, но кивнула, словно и не собиралась спорить.

– Что это? – не понял лаэт. – А поспорить со мной? А еще два неотомщенных мерзавца?

– Все тут мерзавцы, – еле слышно ответила Фламма, пытаясь удержать все ту же рвущуюся с губ улыбку. – И армия Ардууса пойдет против свеев, доберется до их стойбищ, тоже почти поголовно в мерзавцев обратится. А эти... Главных, кто убивал моего отца, я уже прикончила. А двое, что остались... С ними смерть и без меня обойдется... Да и в войске они теперь. Что же получается, сила эта на мои земли пойдет, а я их лечить продолжу?

– И все-таки не понимаю, – удивился Алиус.

– Паренька с гнойником видел? – поинтересовалась Фламма. – Под утро я прикорнула, как обычно, носом в тряпье, чтобы лицо не показывать, так он подобрался с лампой, выглядывал что-то. Боюсь, что видел меня без гримасы. С самого утра глаза таращит, с лица моего глаз не сводит. Да и нога его...

– Зажить уже должна... – заметил Алиус.

– Расковыривает, – объяснила Фламма. – И наговор выпрашивает. Ну, я ему сделала наговор... Не колдовской... Травку другую подвязала. Через час уснет. Если и проснется, то к утру только и кричать будет громко. Дуть станет на ногу, забудет, что такое ковырять ее. Впрочем, я уже сказала помощнице, что наложить потом на рану, чтобы он ногу не потерял. У тебя что?

– Не удержался, – скривил губы Алиус. – Навел легкую ворожбу. Да не наговором, пальцами выстроил на спине Вермиса.

– Почувствовал? – встревожилась Фламма.

– Ворожбу нет, – покачал головой Алиус. – Да что с той ворожбы? У него на поясе ловушка наговоров висела, она и не нагрелась даже. Другое тут. Я ему язык развязал, вот это он и почувствовал на последних словах. И насторожился, думаю. Так что уходим сегодня. То, что хотел, я узнал.

– И что же? – сдвинула брови Фламма.

– Рядом камень... – прошептал Алиус, перстень извлек из-за пазухи, спрятал его чуть ослабевший блеск в пригоршню. – Рядом со Слагсмалом. В девке одной, что за него зацепилась. Как действует, не знаю. Но воинство скрепляет чуть ли не крепче извести в крепостных стенах. И с камнем что-то такое делает. Она вскрыла Иевус. Хотя здесь, в Шуманзе, ее умение не взялось. Но не ты ли говорила, что была какая-то магия в городе, противостояла шаманам? Хотя уж и не уверен я в шаманах. И магия эта город не спасла в итоге...

– Убить ее надо? – спросила Фламма, понизив голос. – Ведь на Ардуус пойдет эта орава.

– Убить? – заинтересовался Алиус, прищурился, спрятал перстень. – Убить можно. И самим погибнуть. Только разве можно яд лить в реку, не зная, кто из нее пить будет ниже по течению?

– А с перстнями такими убийцы, вроде тех, что были посланы к принцу Лаписа, приходили к Слагсмалу или к Джофалу? – поинтересовалась Фламма.

– Нет пока, – пробормотал Алиус. – Я не слышал о таком. И если не придет неведомый хозяин убийц сюда, значит, смерть, которую сеет это воинство, его устраивает.

– Тот, кто их посылает... – начала Фламма.

– Тому нужна кровь, много крови, – продолжил Алиус. – Или что-то такое, о чем мы пока не подозреваем. Собирайся. У меня все готово.

– У меня тоже, – ответила Фламма. – Уйдем в сумерках, тихо.

Тихо уйти не удалось. И не потому, что двое вентов следили за лекарями от шатра Вермиса, а еще двое так и сели у входа в лекарский шатер. Сразу после полудня появился отряд взмысленных от скачки дозорных, которые принялись спешно перетаскивать больных и увечных в соседние шатры, освобождая самый большой и крепкий под прибытие какой-то важной персоны. Во всяком случае, все лишнее было тут же завязано в узлы и вынесено прочь, а на утопанную землю внутри шатра были положены ковры, да и Вермис забыл о больной спине, бегал, словно ошпаренный, вдобавок приказал и Аксилле, и Алиусу быть наготове, а значит, разворачивать снадобья и кипятить воду. Когда через час на дороге показался отряд всадников, двигавшихся споро, но осторожно, Алиус понял, о ком шла речь. В окружении стражников, с трудом удерживая равновесие в седле, ехал Слагсмал. Во всяком случае гладко обритый череп мог принадлежать только ему. Рядом с ним держалась женщина, которую до сего дня вблизи Алиусу видеть не приходилось. Ее рука лежала у Слагсмала на плече, и, кажется, именно она не только не давала упасть воителю с лошади, но и удерживала его в царстве живых. Грудь и живот Слагсмала перехватывали побуревшие полосы ткани.

– Его магия держит, – прошептала, прищурившись, Фламма еще за четверть лиги до процессии. – И нам без магии не обойтись.

– Оставь это мне, – прошептал Алиус. – Я буду вести, ты помогай да смотри вокруг. Если что буду делать не так, подправишь. Кажется, что-то подобное я вылечил на самом себе. И о гримасе не забудь. Но этой ночью уходим в любом случае. Да, – Алиус оглянулся на помощниц, которые с испуганными лицами замерли в десятке шагов за их спинами, понизил голос. – Что случилось-то? Ты, когда накладывала повязку этому любопытному свею, словно светилась!

– Ты заметил? – прошелестела Фламма.

– Еще бы не заметить, – улыбнулся Алиус. – Как дневная звезда сияла!

– У нас будет ребенок, – шевельнула губами Фламма, заставив Алиуса окаменеть. – Ничего, – добавила она еще тише. – Мы все сможем. Выдержим любые испытания. Теперь во всем этом есть смысл.

– Он был и раньше, – прошептал Алиус.

Сестрица Слагсмала оказалась красива, как бывают красивы только валки из северных башен. Во всяком случае, она показалась Фламме красавицей. Светлые волосы кольцами обрамляли ее чуть полноватое, но изящное лицо. Нос не обнаруживал ни малейшего изъяна, какие бы оттенки очарования они ни сулили. Лоб был высоким и чистым, будто отшлифованная морская кость, а губы мягкими и нежными, хотя кроме властности и силы от Ути исходило еще и пугающее и одновременно манящее ощущение глубины. Но ее красота развеялась, едва Ути посмотрела на Фламму. Глаза сестрицы Слагсмала обожгли лекарку ненавистью и высокомерием.

– Уродка, – коротко бросила Ути Фламме, после чего перевела взгляд на Алиуса. – И ты, лаэт. Если Слагсмал умрет, вы умрете через минуту после него. Понятно?

– Понятно, – проговорил деревянным, напряженным голосом Алиус. – Я вижу, что ты, почтенная Ути, держишь нашего повелителя хваткой ледяного сна? Не снимай заклятье, пока мы не начнем вытаскивать его из-за полога. Не отпускай руки с его плеча. Стол и все необходимое ожидает повелителя в шатре.

– Я не отпущу его, пока он не откроет глаза и не сможет дышать сам, – процедила сквозь зубы Ути и почти зарычала на дозорных: – Быстро и осторожно! Снимаете с лошадей одновременно и меня, и его. И так, чтобы я не отпустила его. Чтобы я не разжала руку!

– Алиус! – прошептала Фламма, но лаэт уже поймал и стиснул ее ладонь. На безымянном пальце Ути, на руке, которой она стискивала плечо Слагсмала, сиял точно такой же перстень, как тот, что хранил сам Алиус Алитер.

Глава 4

Кагал

От Абуллу до Кагала всей дороги – полсотни лиг. Полсотни лиг по улицам, потому что города эти, обращаясь в огромные, протяженные даккитские села, смыкались друг с другом. Полсотни лиг – значит множество дозоров, множество глаз и ушей. Не пролетают просто так всадники по тихим ночным улицам, если ни войны, ни разбоя не происходит и не ожидается. Тем более что беженцы иссякли уже почти как месяц назад, покой вернулся в даккитские дома. Правда, не чувствовалось этого покоя на лице Глебы, но так и паники на нем не было тоже. Едва тронули лошадей, едва отъехали от дома Эсоксы, оставили за спиной замерших в недоумении охранников Фамеса, как Глеба остановилась, попросила Каму показать ярлык, взглянула, покачала головой да велела спрятать эту деревяшку, и пока девчонка рядом с бывшей няней Эсоксы, ни показывать ничего, ни языком не шевелить ни просто так, ни по чьей-либо просьбе. Кама поняла и замолчала накрепко, хотя о многом хотелось спросить; и почему тревога билась в глазах Глебы еще до происшествия с Фамесом, и отчего так тихи вечерние улицы Абуллу, и почему Эсокса живет не в замке, а на обычной улице? Однако улицы Абуллу уже закончились, погружаясь в вечерний сумрак, над головой Камы вознеслась великая восточная стена, построенная еще до того, как Лучезарный направил свои орды на запад. Внешние ворота в стене уже были закрыты, но Глеба переговорила со старшиной стражи, тот окликнул кого-то во мгле древних отдушин и колодцев, и Глеба, а вслед за ней и Кама спешили и вошли в проездной тоннель. За их спинами загремела решетка, только после этого где-то впереди замелькали факелы, а затем и показалась между тяжелыми створами вертикальная полоса звездного неба. Кама хотела спросить суровую спутницу, почему такая строгость внутри маленькой страны, сжатой скалами Хурсану и Митуту до узкой долины Истен-Баба, но вспомнила о предупреждении Глебы и промолчала. Проездной тоннель сменился площадкой перед рвом, Кама вслед за Глебой взлетела в седло, копыта лошадей простучали по подъемному мосту, гулко отдаваясь в глубоком рву, и в лицо дохнула летняя ночь. Кама еще успела оглянуться, подивиться на черную стену и на ее зубчатую кромку, словно перегородившую небо на звездную и беззвездную часть, и подумать о том, что где-то все-таки Лучезарный эту самую стену пробил, как кроны деревьев опустились над дорогой, и сквозь не успевшую развеяться от дождливого месяца сырость спутницы помчались на бодрых животных в темноту.

Они добрались до Кагала затемно. Миновали с десятков темных, с редкими огнями сел, которые вполне могли оказаться и маленькими городами, объехали по неразличимым в ночной траве проселкам дозорные посты, попали под короткий дождь и вымокли до нитки, отчего Кама еще не успела отвыкнуть, перешли на шаг, чтобы не загнать лошадей, но еще под утро пересекли такой же, как в Абуллу подъемный мост, неподнятость которого навела Каму на мысль, что все-таки не все так плохо и тревожно в Дакките, как могло показаться по глазам Глебы или Эсоксы. Хозяйка даккитской принцессы пару раз громыхнула колотушкой у ночных ворот, откуда-то сверху послышался сонный рык стражника, за ним последовали ругательства Глебы, которые Кама вовсе не поняла, но так или иначе ворота заскрипели, и вместе с первыми лучами летнего солнца вымокшая и слегка утомленная парочка оказалась на улицах Кагала.

Удивление Камы на заставило себя ждать. Кагал ничем не походил на Абуллу. Во-первых, в нем не было замка, во-вторых, не было и храма или был, но разглядеть его не имелось никакой возможности, потому как дома в Кагале, построенные еще беженцами из некогда благословенной долины Иккибу, оказались высокими, достигая не только двух, а кое-где и трех этажей. Пустынные в раннее утро улицы с такими высокими домами, которые стояли плотно один к другому, напоминали ущелья, и стук копыт по гранитной мостовой гулко разносился от одной их стены до другой.

Глеба сразу забрала к югу, повела Каму по узким улочкам, которые карабкались на склоны гор Митуту, но зачем она это сделала, принцесса поняла только тогда, когда всадницы оказались вовсе над городом. Именно сверху Кама разглядела все сразу; и центральную площадь древнего даккитского города, и стоящие на центральной площади четыре высокие магические башни, и расходящиеся во все стороны лучами улицы, и сразу две стены – высокую на востоке и низкую на западе, между которыми Кагал был зажат, словно каменная диадема между двумя поясами, и мутные просторы Сухоты, зеленые леса и поля Даккиты, и даккитские села за окраиной Кагала, уходящие жилой лентой к еще более мутным отрогам Хурсану.

– Здесь почти вся Даккита, – впервые с вечера заговорила со спутницей Глеба. – Нет, за восточной стеной еще много сел и городков, есть и крепости, и город Баб, который лишь немногим уступает и Абуллу, и Кагалу, но половина всего населения, лучшие ремесленники, большая часть воинов обитает в этой полосе между двумя стенами. И ширина этой полосы где-то две лиги, где три, а длина чуть более пятидесяти. Даккита – маленькая страна.

– Даккита – маленькая страна? – удивилась Кама. – Больше пятисот тысяч населения! Пять тысяч постоянных стражников! Пять тысяч гвардейцев на службе у короля! Войско в шестьдесят тысяч клинков, которое король Даккиты способен собрать за три дня! Это мой Лапис маленький! Я уж не говорю об армии, всего населения меньше семидесяти тысяч!

– Я тоже когда-то жила в маленьком королевстве, – улыбнулась Глеба. – Еще меньшим, чем Лапис. Карма оно называлось. Слышала?

– Конечно, – гордо выпрямилась Кама. – Но почему называлось? Восточнее Даккиты есть три маленьких королевства – Карма, Лулкис и Гросб. Самое маленькое из них – Гросб, самое большое – Лулкис. Карма примерно посередине. В городке и крепости около пятнадцати тысяч жителей, считая и атерского короля. И еще тысяч десять поселенцев в ближайших селах. Вся Карма со всеми землями, большая часть которых предгорные пастбища – шириной и длиной в полусотню лиг.

– Тебя хорошо учили, – согласилась Глеба. – Карма – это моя родина. И я была одной из этих десяти тысяч, которые жили в ближайших селах. Каждый год, вплоть до последнего времени, навещала своих родных там. И теперь туда отправлюсь, но с тяжелым сердцем. Среди тех, кто шел на запад, многие были и из моей деревни. Да и родных моих уже нет в живых...

– Что их гнало на запад? – тихо спросила Кама. – Поэтому «называлось»? Разве твоего королевства больше нет?

Глеба покосилась на спутницу, но не ответила ей. Замерла, словно раздумывала, по какой из улочек спуститься к площади четырех башен, чтобы передать Каму тому, кому следовало передать.

– А где башня угодников? – вдруг вспомнила Кама. – В Абуллу Эсокса показала мне башню угодников.

– За спиной у тебя, – ответила Глеба, и едва Кама успела оглянуться, чтобы выхватить взглядом на ближайшем утесе неказистую башню, как хозяйка Эсокса неспешно направила лошадь по узкой улочке вверх. – Пустует она уже многие годы. Иногда останавливаются угодники, но уж очень редко они забредают в Даккиту в последние годы, или забредают так, что никто не знает об их визитах. Мы переждем в башне несколько часов, нельзя маячить на улицах в одиночестве.

– Так в Дакките нет своих угодников? – наморщила лоб Кама, подавая лошадь за Глебой. – Я слышала, что в каждом королевстве должен быть хотя бы один угодник.

– Враки, – отозвалась Глеба. – И кто их распределяет? Говорят, что раньше так и было, но в Карме никогда не было угодника. Да и вообще их не было восточнее Баба. А в Дакките всего один угодник, да и тот не может уйти куда подальше, потому что уже стар и слаб. Да ты его, скорее всего, увидишь еще.

– Увижу? – не поняла Кама.

– Его зовут Хаустус, – ответила Глеба, придержав коня. – Ладно, не до него теперь. Пойдешь к сестре своего наставника, прикроешь лицо до глаз тем платком, что у тебя на плечах. И, если придется добираться до Баба, тоже закрывай лицо. А уж если тебя судьба забросит куда восточнее, закрывай непременно.

– Так принято? – сдвинула брови Кама.

– Так безопаснее, – ответила Глеба. – Если приходится выбирать – радовать ли красотой приличных людей или как бы не искусить мерзавцев, задумываться следует о последнем. И вот еще, возьми.

Она сняла с пояса короткий, парный к ее основному клинку меч.

– Зачем мне? – не поняла Кама.

– Ты же отдашь свой меч сестре наставника? – напомнила Глеба. – Эсокса сказала мне так. А без меча в эти времена нельзя.

– Как же я смогу тебе его вернуть? – сдвинула брови Кама.

– Пока я еще с тобой, – ответила Глеба. – А потом... Как встретишь меня, так и вернешь. Я оставлю тебя ближе к полудню у магических башен. Они одинаковые, но у башни Ордена Воздуха лиловые двери, в цвет их балахонов. Но потом... Буду ждать тебя два дня за восточными воротами. В трех лигах. В первой же деревне.

– Почему? – не поняла Кама.

– Я не знаю ту жрицу, к которой ты идешь, но не думаю, что ты у нее останешься, – только и сказала Глеба.

– Она не оставит меня? – спросила Кама.

– Она жрица, – отрезала Глеба. – Значит, живет в башне. Если захочешь присягнуть Ордену, место для тебя найдется.

– Ну, уж нет, – твердо сказала Кама.

– Ну вот, – улыбнулась Глеба. – Так что держаться нам вместе еще до Баба. Там меч мне и вернешь, если что. А пока придется ждать. Не следует бродить по безлюдным улицам. Дадим горожанам проснуться.

Вблизи башня угодников казалась больше, чем снизу. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с огромными башнями Бэдгалдингира, каждая из которых напоминала вознесенный к небу гранитный замок и, по слухам, даже превосходила разрушенные Лучезарным магические башни Барагала, но в чем нельзя было умалить четырехгранное сооружение на утесе над Кагалом, так это в древности. Одни ступени, стесанные ногами до округлых валов, ведущие ко входу в башню, чего стоили. Правда, древней магии, которая когда-то противостояла лазутчикам Лучезарного, Кама не почувствовала, но дрожь почтения коснулась ее коленей. К тому же на гребне утеса, в двух десятках шагов от темной арки входа в башню, вдруг налетел холодный ветер и заставил зябко передернуть плечами.

– В башне кто-то есть, – придержала лошадь Глеба, неожиданно ловко наклонилась, свесилась из седла, подняла камень и, выпрямившись, метнула его. Камень ударился в стену возле окна третьего яруса, вслед за этим раздался шум, словно штукатурка посыпалась со стен внутри башни, в верхнем окне мелькнула тень, захлопали крылья и что-то вроде огромного крылатого пса взвилось в небо и с визгом понеслось в мгlistую даль Сухоты.

– Сэнмурв, – в ужасе прошептала Кама.

– Он самый, – кивнула Глеба. – Плохая примета, если он отдыхает в заброшенном здании. А так-то... Так-то он здесь не редкость. Ночью раз пять подобная тварь мелькала у нас над головами.

– Он не опасен? – спросила, ежась, Кама.

– Все опасно, – прыгнула с лошади Глеба. – Но сэнмурв не многим опаснее бродячего пса. Но если бродячие псы собираются в стаю да голодны... Тогда плохие наступают времена. Прихвати лошадей у коновязи, я взгляну, что внутри...

Она позвала Каму через минуту. Та уже успела прихватить уздцы лошадей на потрескавшейся жердине, закрепленной у каменного корыта с водой, когда Глеба появилась у выхода из башни с охапкой дров и закопченным котелком.

– Загляни, – мрачно бросила спутница принцессе. – Только близко не подходи. Разожжем огонь снаружи. Внутри находиться нельзя.

Кама вошла внутрь, разглядела тень у дальней стены, почувствовала запах разложения, подождала, пока глаза привыкнут к сумраку. Только после этого она прошла вперед, остановилась у старой полусгнившей лестницы, ведущей на верхние ярусы. У стены, напротив еще теплого, исходящего дымком очага, сидел мертвец. Его одежда – потертая даккитская куртка, порты, сапоги – еще поддерживала очертания тела, но глаза мертвеца уже провалились, челюсть опустилась и, издавая зловоние, черная слизь сочилась из носа и ушей, пропитывая одежду. Но самым страшным было не это. Одной рукой мертвец опирался на прошлогоднее сено, а другой стискивал пук полевых цветов, которые только-только начинали вянуть.

Когда Кама вышла наружу, Глеба уже развела огонь и водрузила на него, связав три жерди, котелок с водой.

– В Кагале неплохие трактиры, но мы перекусим до того, как в них войдут первые посетители, – улыбнулась женщина.

– Кто-то подшутил над мертвецом? – спросила Кама.

– Подшутил? – не поняла Глеба.

– Он мертв уже несколько дней, – сказала Кама. – Очень много дней. Не знаю, может быть, его одежда и могла сохраниться в чистоте, но свежая трава в кулаке...

– Да, – кивнула Глеба. – Это точно. Свежая трава в кулаке. Сонная трава, кстати. Навевает забытие, избавляет от боли... И мертвец в самом деле мертв. К счастью, мертв. Давно мертв, хотя и кострище еще дымится у его ног. Но я очень сомневаюсь насчет шуток над мертвым телом.

– Тогда что это? – повысила голос Кама.

– Улицы в Абуллу пустынные, не так ли? – продолжила возиться с костром Глеба. – Да и здесь, в Кагале, они не слишком многолюдны. Да, еще раннее утро, но не видно ни водоносов, ни пирожников, никого.

– Да, – продолжила Кама. – А моя единственная спутница мрачна, словно потеряла всех своих близких.

– То, что моя воспитанница осталась вместе с Фамесом, не объясняет мою тревогу? – спросила с холодной усмешкой Глеба. – А ведь других близких у меня нет...

– Объясняет, – присела у костра Кама. – Но только ту ее часть, которая случилась после поступка даккитского принца. Что тут происходит?

– Происходит... – медленно повторила Глеба, бросая в котелок горсть какой-то крупы.

Кама пригляделась к рукам спутницы. Они дрожали. И губы ее тряслись. И мурашки покрывали запястья. И ужас стоял в глазах.

– Происходит, – тускло прошептала Глеба. – Но не здесь... Или не только здесь... Во всей Ки. Всюду. Это как болезнь. Скверна. Старики говорили, что скверна спрятана за воротами Донасдогама, а она всюду. Скверну нельзя спрятать. Если гниет палец, то гниет все тело. Палец – это лишь выход для гноя...

– Что это за мертвец? – спросила Кама. – О чем ты? Какая скверна?

– Ты слышала о том, как люди теряют свои тела? – медленно проговорила Глеба.

– Мурсы иногда захватывают их, – нахмурилась Кама. – Но мурсов мало, они не все-
сильны, порой достаточно обычного амулета, чтобы отпугнуть их. Но тела, захваченные мур-
сами, не сгнивают. Я слышала, что они даже обретают долголетие.

– Да, – согласилась Глеба. – Мурсов после битвы у Бараггала почти не осталось. Так, во
всяком случае, говорят мудрецы... Тот же Хаустас. Но есть еще одно предание. Я не слышала о
нем раньше, его принесли беженцы. Они шептали это, когда я пыталась выведать, отчего ужас
полнит их сердца. Они говорили, что после битвы у Бараггала, но до того, как Сухота захватила
земли за нашей западной, тогда еще не построенной стеной, тень Лучезарного, который сгинул
в Светлой Пустоши, иногда падала на людей.

– Лучезарный изгнан из нашего мира, – прошептала Кама.

– Я и говорю о его тени, а не о нем, – пожала плечами Глеба. – Или ты думаешь, что,
проваливаясь по воле Энки сквозь твердь этого мира полторы тысячи лет назад, он не успел
ничего сделать, чтобы вернуться? Или он не был готов? Зло не всеильно, но оно всеведуще!

– Он оставил... семь камней, – наморщила лоб Кама. – Шесть из них назвали через пять-
сот лет после ухода Лучезарного камнями Митуту. И, кажется, огненный шнур, на котором эти
камни висели. Если он только не рассеялся в воздухе, как меч и щит Лучезарного. Во всяком
случае, о нем больше ничего и нигде не говорилось. Еще Лучезарный успел отравить огром-
ный кусок земли вокруг места своей гибели. Ты же сама вспомнила о Светлой Пустоши. Да и
Сухота тоже вроде бы случилась из-за того, что мерзость Лучезарного вырвалась из подзем-
ный Донасдогама. Но при чем тут какая-то тень?

– Они ведь где-то под нами, – медленно произнесла, помешивая ложкой варево, Глеба и
посмотрела внимательно на Каму. – Подземелья Донасдогама тут недалеко. Вход в них, правда,
со стороны Эрсет... Странно ведь, не так ли? Лучезарного уже давно нет, а его тлен никак не
выветрится. Ни в междуречье Азу и Му, ни здесь, в долине Иккибу?

Кама промолчала.

– Так вот, – продолжила Глеба. – Когда-то, когда я была маленькой, я любила зада-
вать вопросы. И ходила в храм Энки, который высился даже в нашем маленьком королевстве.
Тамошний храмовник был мудрым человеком. Он сажал маленькую дакитку рядом и честно
пытался отвечать мне. Так вот он сказал как-то, что земля наша после жертвы Энки, который
сжег себя на поле Бараггала, стала слишком тонка для того, чтобы выдержать поступь губителя.
Но если долго поливать ее кровью, то она упрочится, поскольку кровь засыхает, и нет прочнее
этой корки. И тогда губитель, а Лучезарного он называл только так, вернется.

– Ты что-то говорила о тени, – напонила Кама.

– Ты слышала, что камни Митуту вернулись? – спросила Глеба.

– Они вернулись? – постаралась скрыть дрожь в голосе Кама.

– В Эрсетлатари об этом только и говорят, – сказала Глеба. – А еще о том, что тень Луче-
зарного гуляет среди людей. Гуляла до образования Сухоты, а как вернулись камни, вернулась
и она. Нет, это не сам Лучезарный. Это его запах, отблеск, намек. Не более того. И падает она
не на каждого. Не каждого может поглотить. Но если она находит того, в ком мерзости больше,
чем добродетели, то завладевает им полностью. И с того момента несчастный перестает быть
самим собой. Он теряет себя. Находится словно в забытьи. И если что-то говорит, это звучит
словно эхо губителя. И если что-то человеческое в нем остается, то ужас преследует его. Он
становится живым мертвецом. Но никто не замечает этого, пока мерзость в нем не растратится.
А потом он начинает разлагаться на ходу. Муки одолевают его, и только смерть может дать ему
облегчение, но смерть все не наступает. Поэтому тот, кого настигла тень Лучезарного, ищет
того, кому можно ее передать. И уж помогают ли от этой тени амулеты, никто не знает.

– Зачем? – только и спросила Кама. – Зачем она бродит по земле?

– Чтобы узнать, когда Лучезарный может вернуться, – сказала Глеба.

– А когда он сможет вернуться? – спросила Кама.

– Когда тлен не будет иметь власти над затененным, – ответила Глеба.

– И это все? – нахмурилась Кама.

– Не знаю, – пожала плечами Глеба. – Говорят, что когда придет время, мертвецы не будут сгнивать, а будут рассыпаться, как башни, вылепленные из сырого песка, рассыпаются на солнце и на ветру. Но к тому времени тень Лучезарного должна отыскать человека, который состоит только из одной мерзости. В него Лучезарный и воплотится.

– Во всяком случае, такое время еще не настало, – поймала плечами дрожь Кама. – Этот несчастный в башне, конечно, если это человек, на которого упала тень... Он воняет... Да и на сказку это все похоже.

– Все похоже на сказку, – стала раскладывать загустевшее варево на извлеченные из сумы блюда Глеба. – На страшную сказку. Добрые истории сказками и остаются. Народ в Дакките напуган. И этот мертвец с пучком свежей целебной травы у теплого кострища намекает на то, что у испуга есть причины.

– Поэтому беженцы шли из Эрсет на запад? – спросила Кама.

– Нет, не только, – задумалась Глеба. – Что-то другое. Там что-то другое. Что-то в воздухе. Нечем дышать стало. Многим нечем стало дышать.

– Но беженцев больше нет? – удивилась Кама. – Значит, теперь все хорошо? Или ворота в крепости Баб закрыты для тех, кто идет с востока?

– Ворота открыты, – ответила Глеба. – Король Даккиты принимает всех. Беженцев больше нет. Или почти нет. Но не потому, что ужас, который гонит людей на запад, развеялся. Нет. Те, кто не успел уйти, принялись.

– Привыкли? – уточнила Кама.

– Опьянели, – отрезала Глеба.

– Не получается, – встала на ноги Кама. – Не сходится. Даже если этот несчастный один из тех, на кого пала тень Лучезарного, не сходится. Если он умер в одиночестве, кому же он передал тень?

Спросила и замерла. Обернулась и посмотрела туда, куда улетел сэнмурв. И Глеба тоже посмотрела туда же, затем перевела взгляд на Каму и понизила голос:

– А может быть, ты права, и все это сказки. И этот бродяга умер, а траву сунул ему в руку какой-то шутник. И костер развел у его ног. Мальчишки и не на такое способны.

– И девчонки, – неуверенно добавила Кама.

Неожиданно над городом зазвучал колокол. Звон доносился со стороны здания, которое было чуть выше прочих. На один этаж и невысокую башенку.

– На ратуше звонят, – поморщилась Глеба. – Или какой-то сбор, или юбилей уважаемого горожанина, или умер кто. Ешь. Нам-то что за дело?

И Кама, которая принялась, обжигаясь, глотать неожиданно вкусное варево, подумала, что не бывает совпадений. И этот звон, который отражался от скал за ее спиной и улетал в сторону Абуллу, странно совпадал с мертвецом, что сидел, привалившись к стене, внутри башни.

Город не заполнился народом и к полудню. Колокол давно стих, солнце сияло, обещая к вечеру удушающую жару, горожан на улицах почти не было.

– Середина лета, – бормотала Глеба, правя лошадь по безлюдной улице. – Обычно в это время в Кагале шумно. Оружейники устраивают торжище, хвалятся клинками, умельцы упражняются во владении ими. Даккитская сталь одна из лучших. Разве только лаписская может сравниться с нею, а перещеголять так только сталь из Дакки. Но где та сталь? Уже несколько лет нет торговли с Даккой.

– Что-то случилось, – прошептала, приблизившись к Глебе, Кама, когда разглядела на лице первого же встречного водоноса ужас.

– Вижу, – кивнула Глеба. – Давай разделяемся с одним делом, а потом обернемся к другому. И вот еще что, пока я не узнаю, что случилось, я тебя не оставляю.

– А что могло случиться? – спросила Кама.

– Все, – ответила Глеба. – Могла начаться война, мор, нечисть полезла из Сухоты, Эсокса убила Фамеса, все могло случиться.

– Эсокса Фамеса... – поморщилась Кама. – Тогда почему она не убила его раньше? Или у нее не было для этого причин? А может быть, после нашего бегства, Фамес убил Эсоксу?

– Фамес? – презрительно усмехнулась Глеба. – Фамес неплохой мечник, но против Эсоксы он словно первогодок против умудренного наставника.

– Почему же тогда... – начала Кама.

– Молчи, – оборвала ее Глеба, придержала лошадь, чтобы пропустить пересекающий улицу отряд стражи, покосилась на двух женщин, что пробежали мимо спутниц со слезами на глазах, и тут же поклонилась с горькой усмешкой Кама. – Молчите, Ваше Высочество. Случись что-то подобное в вашей семье, ты бы побежала к матушке или к отцу?

– В моей семье подобное не могло случиться, – уверенно возразила Кама.

– Конечно, – кивнула Глеба. – Зато, как я поняла, случилось кое-что пострашнее.

Ярость заклокотала в груди Камы. Она даже придержала лошадь, чтобы не выпалить какое-либо оскорбление в спину бывшей няни Эсоксы, закрыла глаза и стиснула зубы, а когда открыла, увидела встревоженное лицо Глебы, которая держала ее лошадь под уздцы.

– Успокойся, – прошептала хозяйка Эсоксы. – Я все еще не знаю, почему звонит колокол, но что-то случилось у магических башен. Видишь?

Посередине площади, как раз у основания четырех башен, собиралась толпа. Немногочисленные горожане, которых почти не было на улицах, понемногу, поодиночке сходились к центру площади, словно горошины скатывались с краев огромного блюда. Среди толпы сверкали секиры и шлемы стражников, мелькали балахоны послушников всех четырех магических орденов. Больше всего лиловых – Ордена Воздуха.

– Ярлык твой в порядке, иди, – продолжала говорить Глеба. – Я буду ждать здесь. Если стражники потребуют у тебя ярлык, захотят с тобой говорить, соглашайся на все безропотно. Не вздумай откупаться, будет только хуже. Но лучше не ввязывайся в разговоры. Зевак достаточно, это и к лучшему. Поняла?

– Поняла.

Кама спрыгнула с лошади, взглянула в глаза Глебы, увидела там подлинную тревогу, и это ее почему-то успокоило. Успокоило настолько, что она даже поправила на поясе поданный ей малый меч, сдвинула на бок тот меч, что собиралась передать сестре Сора Сойга, и двинулась к башням. И чем ближе она к ним подходила, тем сильнее холод охватывал ее. Сначала онемели ноги, потом холод схватил ее за лопатки, окатил спину, стиснул ледяными пальцами шею, начал раздирать стальными когтями виски. Кама уже собиралась рвануться, скинуть паутину наговора, но вовремя заметила балахонников, что разошлись к краям площади и замерли, подняв над головами посохи. Нет, следовало идти, не выдавая себя, что было непросто, поскольку заклинание действовало как будто только на нее одну. Кама зажмурилась, смахнула рукавом пот со лба, выступивший никак не от жары, подошла к толпе, окинула взглядом встревоженные лица. Почти на каждом блестели слезы. Кама протиснулась поближе к тому месту, где стражников было особенно много, приподнялась на носках, чтобы разглядеть, что происходит на ступенях башни с лиловыми воротами, и замерла.

Скурра Сойга была убита. Кама никогда не видела сестру своего наставника, но его профиль отпечатался в ее памяти навечно. И мертвая, с перерезанным горлом дакитка обладала тем же самым профилем. Кровью были забрызганы створки лиловых ворот, площадка перед ними, залиты ступени. Судя по всему, погибшая упала лицом вперед, потому как запекшаяся

кровь оставила подтеки на ее щеках и лбу, но теперь она лежала на спине рядом с кровавой лужей.

«Она была жива, – отстраненно подумала Кама. – Была жива, когда мы ели у башни угодников. Кровь свежая».

Кама прислушалась. Возле высокого стражника-дакита переминался с ноги на ногу округлый молодой послушник и жалобно повторял:

– Я недавно в ордене. Потому и на воротах. Третий день уже как. Настоятельница же в отъезде, вот Скурра ее и заменяла. А я недавно в ордене. Он постучал и... Ему была нужна жрица Сойга. А она и есть Сойга. И я ее позвал. А потом не знаю. Она вышла и велела мне убираться. Он тоже был в балахоне. Да. Вон, он лежит. Не тот, кто убил. Балахон. Я не знаю, где убийца. Я недавно в ордене...

Кама начала пятиться и выбираться из толпы. Опасность была рядом. Она оглянулась. Люди продолжали прибывать, но многие и расходились. Кама посмотрела туда, где оставила Глебу. Хозяйки Эсоксы не было на месте, но принцесса пошла именно туда, где рассталась со спутницей. Кама заметила ее, уже почти миновав площадь. Разглядела среди выстроившихся вдоль окраинных зданий, замкнувших кольцом площадь Кагала людей. Глеба, которая была уже без лошадей, поймав взгляд Камы, медленно пошла вверх по улице. Кама нагнала ее только через четверть лиги уже с лошадьми, которых Глеба оставляла в переулке.

– У тебя кровь на висках, – удивила Каму блеснувшими в глазах слезами Глеба.

– Маги накрыли площадь каким-то наговором, – прошептала Кама. – Я не слишком сильна в заклинаниях. Мне пришлось потерпеть, я не сплела разворот заранее.

– Это было больно, – заметила Глеба.

– Я умею терпеть, – качнулась от усталости Кама.

– Это нам пригодится, – скривила в странной усмешке губы Глеба. – Видишь? Лошадей можно оставлять. Я их привязала в переулке, и никто не покусился на них. В Ардуусе и десяти минут хватило бы, чтобы их лишиться. Я знаю. Здесь и двери можно не запирать. Ты в Дакките. Тут почти не воруют. И убивают очень редко.

Глеба походила на умалишенную.

– Скурра Сойга убита, – прошептала Кама.

– Я уже знаю, – тихо ответила Глеба. – Все плохо, принцесса.

– Все? – не поняла Кама.

– Скурра Сойга убита пару часов назад, – повторила Глеба. – Но на всех воротах Кагала уже вывешены твои и мои приметы, и мы объявлены ворами и убийцами. За наши головы назначена награда.

– Кого же мы убили? – почти закричала Кама, но тут же в ответ на гримасу Глебы понизила голос: – Кого мы убили, если я только что слышала, что Скурру Сойга убил мужчина? Энки, всеблагой! – тут же поняла, оторопела, скривилась в гримасе Кама. – Но ведь ее могли убить именно из-за меня! Кто-то хочет истребить все, связанное с Лаписом! Тогда следующим будет мой дядя. Я, конечно, и сама недавно узнала о нем, но я и о Скурре не знала. А они нашли ее...

– Поверь мне, – почему-то удивительно спокойно сказала Глеба, – я не всегда была хозяйкой Эсоксы. И не всегда была ее няней. И меч на поясе я ношу не просто так. Кстати, верни мне мой малый меч. Меч твоего наставника теперь с тобой будет столько, сколько ты сможешь его удержать. Эсокса сказала, что ты сражаешься не хуже дакитки... Не знаю, могу ли я в это верить. Надеюсь, мне не придется этого увидеть. Но поверь мне, если те, кто убил Скурру, ищут тебя, то они будут ждать тебя в доме твоего дяди.

– И что же нам делать? – прошептала Кама, с трудом сдерживая слезы. – Пробираться в Баб и ждать следующего удара колокола?

– Этот колокол звонил не по Скурре Сойга, – медленно проговорила Глеба.

– По кому же... – осеклась Кама.

– Мы объявлены убийцами короля Даккиты, королевы Даккиты и принцессы Эсоксы, – медленно и почти торжественно произнесла Глеба. – Ты замерла? Я не слышу обращения к Энки всеблагому.

– Но... – прохрипела в ужасе Кама.

– Королем Даккиты стал Фамес, – отчеканила Глеба. – И это худшее, что могло случиться с нашим королевством!

Кама потрясенно молчала. Слезы лились по ее щекам.

– А ведь я могла не единожды прикончить мерзавца, – словно сама себе сказала Глеба. – Но не сделала этого. Получается, что поставила свою жизнь выше всей Даккиты. Энки не простит мне этого... Но кто же убил короля и королеву? Фамес не мог этого сделать. Не потому, что не пошел бы на это. Не смог бы. Не сумел бы. Не осмелился. И Эсоксу. Значит, есть кто-то еще. И это значит, что все еще хуже, чем кажется. Но из Кагала надо выбирать. И мы выберемся.

– Как? – не выдержала Кама.

– Тебе не понравится, – вдруг нехорошо улыбнулась Глеба. – Ты будешь мертвой.

Глава 5

Бетула

Ее звали Бетулой. Правда, когда она назвала собственное имя, то хрипло захихикала, закашлялась, как показалось Игнису, кровью, добавила, что она определенно сумасшедшая Бетула, вроде бы все так говорят, но имя Игнис спутать не мог. Впрочем, имя не было поводом для удивления, удивляться пришлось другому. Сначала Игнис удивился ее худобе, потом, когда открыл клетку, ее легкости. Ему пришлось выносить ее на руках. Она упиралась тонкими руками ему в грудь, жмурилась от солнечных лучей и все скрипела на ломаном вирском:

– Морщись, морщись. Я не обижусь. Я знаю, что воняю, как куча дерьма. Зато я все еще девственница. Эти дураки думали, что моя сила зависит от этого.

На палубе «Белого» Бетула все-таки попросила поставить ее на ноги. И тут Игнису пришлось удивиться в третий раз. Она оказалась высокой, никак не ниже его ростом. Но стояла Бетула недолго. Или ноги подкосились, или она сама опустилась, присела, сложила углами локтей и коленей, почти легла, прижалась щекой к палубе, поползла, добралась до места, не так сильно залитого кровью, прошептала что-то по-прайдски, а потом подняла глаза на поседевшего от ужаса Моллиса, перевела взгляд на Игниса и сказала уже по-вирски:

– Тик. Я не люблю тик, но для морской воды ничего не может быть лучше. И поэтому я люблю тик. Скажи черному великану, чтобы не боялся меня. Я высокая, но еще маленькая. Я никому не хочу зла.

– Он понимает твои слова, – сказал Игнис.

– Я понимаю, – проговорил Моллис, как будто выдавил это из себя под пыткой. – Что делать с тем поганым кораблем? Может быть, пробить ему днище и пусть тонет?

– А что, найдется кто-нибудь смелее этого самодовольного вельможи, чтобы спуститься в поганный трюм и пробить в нем дыру? – как будто с презрением закашлялась Бетула и, уже засыпая там, где упала, повторила: – Она затянется тут же. Сжечь.

Палубу пришлось отмывать от крови, не тревожа девчонку, которая и в самом деле воняла, как куча дерьма. Вокруг нее палубу оттирали тряпками, так и вышло, что кровавое пятно осталось только под нею. На страшный корабль никто больше не сунулся. И выбравшегося с него Шиару выворотило наизнанку тут же, после чего он свалился с головной болью и одышкой, да и зрелище мертвого собакоголового на палубе никому не добавило любопытства. К тому же ни единой шутки не прозвучало на «Белом» из тех, что случаются после самой тяжелой схватки. Двадцать пять мертвых моряков, двадцать пять мертвых друзей не могли быть оправданы никакой добычей. И добычи не было тоже. Не считать же добычей пару десятков никуда не годных степных клинков и одного приличного, который вручили Шупе? Выжившая половина команды смотрела на спящую девчонку с ужасом и ненавистью, словно именно она была не только причиной страшной убыли в команде «Белого», но и сулила еще большие потери.

Моллис бросил на палубу страшного корабля, туда, куда были переброшены и трупы врагов, несколько горшков масла, приказал рубить абордажные канаты, а когда «Белый» отдался на полсотни локтей, бросил на ужасное судно факел. Огонь побежал по искривленным доскам сразу же, затем пламя встало стеной, но гибели судна никто не увидел. «Белый» поймал ветер и пошел к северо-востоку, но и через пять часов за кормой стоял столб дыма, словно огнедышащая гора поднялась из глубин и следовала за кораблем по пятам. Бетула зашевелилась раньше. Не открывая глаз, повернула лицо в сторону Шупы, словно выделила его среди оставшихся в живых по дыханию, сказала коротко:

– Воды мне, – и начала стягивать, соскребать с себя одежду или то, что было ею когда-то.

Моллис тут же приказал всем лишним убратся с палубы, но Бетула словно и не думала о том, что на нее могут смотреть. Или считала, что если ее закрытые глаза не видят никого, то и ее никто не видит. Она разделась догола, вытянула перед скорчившимся в гримасу лицом ладони и держала их так, пока Моллис не положил в них шарик данайского мыла, а Игнис не плеснул ей на руки воды. Не говоря больше ни слова, она намыливалась и скреблась, намыливалась и скреблась, подставляла худое, страшно худое тело под воду и снова намыливалась. Шупа поднимал из-за борта морскую воду, Игнис, с трудом сглатывая тошноту, лил, отдавал раскрасневшемуся до цвета вареной моркови парусному мастеру пустое ведро, и снова лил воду на худые плечи, думая о том, что не так давно он прибыл на этот же корабль в еще худшем виде. Когда Бетула наконец отмылась, то оказалось, что и палуба под нею стала такой чистой, какой не была никогда. Девчонка сжалась в комок, выставила наружу локти, колени, тетику узкой спины, спрятала под тонкими пальцами маленькую грудь, но глаза открыла только тогда, когда бормочущий какие-то ругательства Моллис притащил из своей каюты чистую рубаху, в которую таких, как Бетула, можно было бы завернуть десяток.

– Руки, – буркнул он недовольно.

Обсохшая и согревшаяся на солнце девчонка послушно подняла руки, Моллис накинул на нее великанское одеяние, и только после того, как рубаха скрыла ее почти полностью, Бетула открыла глаза. Девчонка осмотрела по очереди Игниса, все еще краснолицего Шупу, раздосадованного Моллиса и для каждого нашла пару слов:

– Принеси чего-нибудь поесть, – сказала Шупе.

– Не бойся меня, черный человек, я сама тебя боюсь, – сказала Моллису.

– Все будет хорошо, я не дам тебя в обиду, – успокоила Игниса, – но если тебя все еще тошнит от меня, сунь палец в рот и надави на гортань, тебя вырвет, и сразу полегчает.

– Надеюсь, мой корабль не покорежит от того, что ты стала его грузом, – недовольно пробурчал Моллис.

– Если ты не будешь сажать меня в клетку, – улыбнулась Бетула.

– Я бы посадил для твоей же сохранности, – огрызнулся Моллис и отправился на мостик.

– Для сохранности – можно, – улыбнулась Бетула. – Но не нужно. Я и так сохраняюсь.

«За ее сохранность можно не беспокоиться, – подумал Игнис. – Если кто-нибудь из оставшейся части команды и сходит с ума от долгого мужского воздержания, то скорее посягнет на трюмовую лестницу. Эту девчонку даже съесть нельзя, не то что надругаться над ней. Зубы обломает о кости. Худая и тонкая, как скелет. На лицо – конопатый атерский мальчишка из захудалой деревни, в которой не знают, что такое есть досыта. Шупа – красавец рядом с нею. И на голове неизвестно что – короткая белая пакля, то ли подрезанная ножом, то ли вырванная клоками. Выгоревший мшаник на валуне. К тому же и руки, и ноги в кровавых ссадинах».

Шупа принес хлеб, бутыл легкого вина, моток сырных волокон и половину вяленой рыбы. Бетула поклонилась мальчишке, едва не ударившись лбом о палубу, с трудом выпрямилась и стала есть, но ела очень медленно, понемногу, отчего Игнис понял, что уж чего-чего, но выдержки и разума превратности судьбы девчонку не лишили. Поев, Бетула заткнула бутыл, завернула остатки трапезы в тряпицу и свернулась кошачьим клубком там, где и мылась, и одевалась, и ела.

– Буду спать, потом мне понадобятся ножницы, – произнесла она неизвестно кому и в самом деле заснула.

Игнис отправился на мостик к Моллису, и уже оттуда увидел, что Шупа подсовывает спящей девчонке под голову войлочный валик и накрывает ее льняным полотном.

– Жарко еще, – словно оправдываясь, развел руками Моллис. – Ночью подует прохладный ветер, дам одеяло. А сейчас-то что ее парить?

– Что собираешься делать? – спросил Игнис капитана.

– А ты что собираешься делать? – прищурился Моллис.

– Мои планы зависят от твоих, – пожал плечами Игнис.

– Мои планы... – зло сплюнул Моллис. – Ты видел, чего стоят мои планы. Еще утром я радовался бы, если бы увидел направляющуюся к нам свейскую ладью. Даже двум ладьям радовался бы. А теперь я думаю, что надо убегать от любого паруса на горизонте. Двадцать пять ребят опустил в волны. И ради чего?

– Ради жизни оставшихся, – ответил Игнис. – Ведь не ради девчонки? Ты же не собирался освобождать ее? Ты ничего не знал о ней. Ты даже не пытался предстать торговцем, просто хотел уйти от этого корабля...

– Ты только не утешай меня! – топнул ногой Моллис. – Может, еще платок принесешь, чтобы сопли утереть? Да! Я не спасал ее, хотя и спас. Но если бы не ее магия, этот корабль не стал бы подобной мерзостью. А если бы не стал, то и его команда не сошла бы с ума. А значит, и не бросалась бы на каждое встречное судно. Или ты думаешь, будто я не знаю, что это было? Я уже года два слышу, что степняки пытаются подобрать под себя всех свободных магов. Кому сулят барыши, кого крадут, кого выкупают. А с весны стали попадаться и вот такие корабли. Они ни на кого не нападают, потому что колдуны, которых они добывают, для степных танов почему-то дороже золота. Но я никогда не слышал, чтобы обычную прайдку-древесницу сажали в клетку и растягивали на цепях!

– А я никогда не видел безумного корабля, который правит командой, – добавил Игнис. – И все-таки, что тебя беспокоит кроме потерь, которые я готов оплакивать вместе с тобой?

– Вот уж избавь меня от своих слез, – отмахнулся Моллис. – А вот от самого себя, уж прошу, не избавляй пока. Половину не половину, а четверть команды ты мне точно заменишь. Так что мои планы – не отпускать тебя как можно дольше. Во всяком случае, до тех пор, пока я не наберу полную команду. Домой, наверное, рвешься?

– Да, – твердо ответил Игнис. – Не знаю, куда ты правишь, но если на север, тогда я был бы с тобой до Иевуса или Шуманзы. А оттуда бы направился на юг, в сторону дома. Боюсь, что меня там уже похоронили, не хотел бы я, чтобы они лили слезы напрасно.

– Счастливчик, – вздохнул Моллис. – О тебе есть кому лить слезы. Ничего, дай срок, я тоже еще кого-нибудь разжалоблю. Но на север далеко не пойду. Севернее Шкианы, где некогда Син спас меня, теперь от свейских ладей, да и вентских, не протолкнуться. Но есть одно место, где я мог бы тебя посадить. Если все срастется, то как раз к концу лета или к началу осени. Есть одна бухточка точно напротив Шкианы...

– Что там? – заинтересовался Игнис.

– Там кончается чекерский безлюдный берег и начинается королевство Монтанус, – ответил Моллис. – Так-то ты через прайдов легко не пройдешь, а по границе можно. Перевалишь через горы, каких-то полтысячи лиг – и вот тебе Самарра. А еще столько же – и Самсум. И ты почти дома.

– Но сначала нужно набрать команду, – понял Игнис.

– Само собой, – шумно высморкался Моллис. – И услышать совет, что делать с этой девчонкой, которая больше похожа не на девчонку, а на треногу для котелка. Или двуногу.

– Ну что же? – задумался Игнис. – Есть о чем поговорить. Конечно, насчет девчонки еще надо подумать, потому как я и сам ее расспросил бы сначала, а что касается меня... я все понял. Мы где теперь?

– На полпути между Пилеем и Гиппофоем, – буркнул Моллис. – Или ты еще не пригляделся к волнам? Океан вокруг. Цвет у него чуть другой. И справа, и слева, и сзади, и впереди.

– Опасные места? – уточнил Игнис.

– Сейчас безопасных мест нет, – ответил Моллис. – Но эти не из самых опасных. Свечи на своих ладьях, особенно когда они поодиночке, все больше держатся берегов. Данаи и чекеры тоже вольны шалить в море, но теперь все меньше. Сберегаются. Хотя я бы не зарекался.

– Где лучше пополнять команду? – спросил Игнис. – Ведь не пойдешь в какой-нибудь порт, не станешь выкликивать смельчаков?

– Да уж и не пробовал пока, – признался Моллис. – Да и кто набежит-то? Та же мерзость, что я в море рублю? Нет, такого добра мне не нужно. Все мои моряки из тех, кого я лично из пут вынимал. И живые, и те, кого не уберег.

– Значит, опять нужно вынимать из пут, – заключил Игнис. – Рабами торгуют здесь свеи. Выходит, нужно идти туда, где их больше. И прятаться у берега, где свеи вольны ходить в одиночку.

– Риск, – нахмурился Моллис. – Риск велик. У берега «Белый» может не уйти. И с ветром всякое случается, и свеи тоже не девочки в длинных платьях.

– Сколько пленников в каждой ладье свеев? – спросил Игнис.

– По-разному, – почесал затылок Моллис. – Если дети, то до полусотни. А взрослых два-три десятка. Но может быть и меньше. Опять же, баб всегда больше. А зачем мне на корабле бабы?

– А пленники бывают только в лодках? – поинтересовался Игнис.

– Это ты точно подметил, – гыкнул Моллис. – Не только. Есть ладьи, которые разбойничают, есть те, что отвозят. Да и перекупщики из Эрсет нередки в море Апсу. Но это, скорее, на юго-восточном берегу. На северо-западном своих разбойников хватает. И венты шалят, да и мои собраты, случается, выходят к берегу, режут всех подряд. Причин-то много.

– Если я помню рассказы своих наставников о море, то берег к северу от Пилея – обрывистый и изрезанный, – наморщил лоб Игнис. – Деревень там мало, потому как берег еще и крутой, места, где можно спуститься к воде, немного. И почти везде понатыканы данайские крепости. Но чуть севернее, у начала моря Апсу, все иначе.

– Там прайды, вроде вот этой девчонки, – буркнул Моллис. – Берег чекерский, но живут прайды. Хотя к воде они не спускаются. Дикие. Раньше они бились на берегу со свеями в кровь. Но теперь, чаще всего, уходят в горы. Так что, севернее данайских границ у свеев и стоянки, и отдых, и разное непотребство. Хотя есть и чекерский порт. Но он далеко и всего один.

– А если девчонка оттуда? – прищурился Игнис. – Говор-то у нее прайдский. Может быть, подскажет что? Мы, конечно же, еще переговорим с нею, но команду твою пополним только в тех краях. Там, где кончается данайский берег и начинается чекерский. Если, конечно, не напоремся на пиратский корабль раньше.

– Тут уж не угадаешь, – согласился Моллис. – Ладно. Я еще подумаю. Хотя далековата та граница... Под тысячу лиг до нее. При хорошем ветре и без неприятностей – до месяца можно идти... Но за девчонку ты отвечаешь. Завтра об этом говорить будем, а пока что поворачиваем на север. Другого пути все равно нет. Шупа! – заорал Моллис что было силы. – Где ты, морской еж тебе в спину? А ну-ка, шевелись! Три румба вправо!

– И все-таки, – окликнул капитана Игнис, – сколько ты там заплатил за меня на рабском рынке? Десять монет серебра? Да, дешево нынче идут принцы... Взаимные оплеухи в зачет пускаем. Как с остальным? Отработал я твои десять монет в последней схватке?

– Семь монет отработал, – хмыкнул после паузы Моллис. – Пока за тобой еще три. Но долг растет! Я ж не просто так катаю тебя на своем кораблике? Оглянись! Смотри, какая красота. А еда? А постель? А развлечения? А меч какой я тебе одолжил? Даже девчонка на борту имеется! Правда, подкормить бы ее сначала да приручить. Но это уж, парень, твоя забота! – загоготал Моллис во всю глотку. – А пока, самодовольный вельможа, как тебя называли, помойся и сам. Воняет от тебя. Пока тащил на себе свою красавицу, вымазался в дерьме. Давай уже, а то меня прямо на мостике стошнит...

...Бетула проснулась затемно. Игнис, во всяком случае, в утренних сумерках не нашел ее на прежнем месте, оглянулся на рулевого, и тот мотнул головой в сторону носа корабля. Девчонка почти лежала на передней косой мачте, жмурилась морским брызгам, долетающим до ее

лица, гладила высушенное временем и ветром дерево. Волосы ее были обстрижены коротко, но ровно. Она и в самом деле была седой или белой, как снег.

– Хороший корабль, хорошее дерево, – произнесла Бетула, не поворачиваясь к Игнису, словно слышала его шаги и узнала. – Даже еще чуть-чуть живое. Только эта мачта была больна. Наверное, приняла удар. Следы его зашлифованы, но я чувствую. Могла сломаться в первую же бурю. Уже не сломается. Я залечила ее. Самую малость. Она подсохнет за два дня.

Бетула отняла ладони, и Игнис неожиданно разглядел пятно свежей древесины на нижней стороны мачты. И тонкую веточку с зеленым листом.

– Не говори ничего Моллису, – захихикала девчонка. – Это шалость. Не больше. А он испугается. Он боится. Меня все боятся.

– Я не боюсь, – твердо возразил Игнис.

– Просто ты не знаешь меня, – снова засмеялась Бетула, – поэтому не боишься. Не бойся. Я сама себя иногда боюсь и буду бояться за тебя тоже.

– Что будет через два дня? – спросил Игнис.

– Ураган, – ответила Бетула. – Он уже идет нам навстречу.

– Через два дня? – усомнился Игнис, глядя на чистое небо. – Идет навстречу? Ветер южный. Как может ураган идти против ветра?

– Все переменится, – ответила она, приподнялась, потянулась, неожиданно показавшись гибкой и стройной, а не худой и неуклюжей. – Я хочу платье.

– Вряд ли ты найдешь его на корабле, – пожал плечами Игнис.

– Я не хочу найти его на корабле, – Бетула снова потянулась, затем сложила, опустилась на палубу, положила голову на острые колени. – Я просто хочу платье. Я знаю, что его нет здесь. Но мне нравится хотеть. Это...

– Это? – спросил Игнис, потому что девчонка замерла, обернувшись к солнцу, только язык ее словно искал нужное слово, блуждал по краешку тонких губ.

– Хотеть – сладко, – наконец нашлась она. – Спроси черного капитана, есть ли у него хороший лучник?

– Зачем тебе лучник? – не понял Игнис.

– Мне нужен хороший лучник, который может выпустить стрелу на три сотни шагов, – захихикала Бетула. – В штиль. Но только одну стрелу. И он не может промахнуться. И эту стрелу нужно принести мне. Сегодня же. И еще я хочу есть.

– Зачем? – почувствовал досаду Игнис.

– Нужно, – сделалась озабоченной Бетула. – Очень нужно. Завтра мы встретимся с большим кораблем свеев. На две сотни гребцов.

– У свеев нет таких ладей, – покачал головой Игнис.

– Слушай меня, – снова захихикала Бетула. – Завтра мы встретимся с большим кораблем свеев. На две сотни гребцов. Будет почти штиль. Нам не уйти от него просто так. Но если у меня будет стрела сегодня, а завтра эта стрела найдет свою цель на свейском корабле, то мы спасемся.

– Одной стрелой? – не понял Игнис. – Ты хочешь, чтобы их ладья стала таким же чудовищем, как корабль степняков?

– Нет, – она надула губы. – Я не умею делать чудовищем. Тот корабль чудовищем сделали чудовища, что плыли на нем. Я только отдала дереву свою боль. Проливала свою кровь на его днище. Грызла свои руки и ноги. Все прочее произошло само собой. Я ведь сама боялась того дерева. Веришь мне?

– Верю, – как зачарованный, прошептал Игнис.

– Веришь, – согласилась с улыбкой Бетула. – А ведь ты и сам колдун. Неумелый, но сильный. И не только. Огонь горит у тебя в груди, – она вдруг побледнела и прошептала тихо:

– Ты его прячешь, но я вижу. Я все вижу. Я всегда все вижу. Это хороший огонь. Он был в черных руках, в страшных руках. Страшнее которых нет, но он хороший.

– Что значит «хороший»? – едва смог вымолвить от изумления Игнис.

– Значит, не плохой, – прошептала Бетула. – Нет, не добрый. Просто не плохой. Как твой меч. У тебя хороший меч?

– Да, – ударил по замотанному в тряпицу клинку Игнис. – Этот меч сделан на моей родине.

– Но ведь он может делать плохое? – сдвинула белесые брови Бетула.

– Может, – кивнул Игнис. – Если попадет в плохие руки. Или если хорошими руками будет управлять пустая голова. Да и по случайности тоже.

– Так и твой огонь, – расширила она глаза. – Великий огонь. Древний огонь. Я хочу есть. И стрелу.

Игнис нашел Моллиса на корме. Тот сладко посапывал, лежа на старом парусе. От прикосновения капитан сначала нащупал рукоять широкого нилотского меча, более напоминающего огромный разделочный нож, и только потом открыл глаза.

– Что на горизонте? – спросил он, жмурясь.

– На горизонте только горизонт, – ответил Игнис.

– И это правильно, – ухмыльнулся Моллис. – Еще пара недель, и мы пойдем к берегу. Может быть, нам повезет. Меня разбудили бы, если бы что-то было на горизонте. Чего ты хочешь? Завтрак уже скоро! Ветер стойкий, будет дуть еще неделю. Не сомневайся.

– Завтра будет почти штиль, – покачал головой Игнис. – И в этом штиле нас разыщет большой корабль свеев. На две сотни гребцов. А еще через день случится ураган. Он идет как раз с севера. Да, точно нам навстречу. Как я понял, против ветра.

– Кто тебе сказал эту чушь? – нахмурился Моллис.

– Бетула, – пожал плечами Игнис. – Ты сталкивался носом с другим судном? Ударился основанием передней косой мачты?

– Полгода назад, – насторожился Моллис. – Но не я. По словам Шупы, тогдашние хозяева этого кораблика тыкались в очередного бедолагу купца носом. Тогда и ободрали немного деревяшку, скрипеть стала в сильный ветер, но мои умельцы зашлифовали дерево. От скрипа, правда, не избавили, но тут уж... Ты представляешь, такую игрушку портить? Они и меня так пытались взять на abordаж, неумехи. На свою голову пытались! А кто тебе сказал? Шупа?

– Бетула, – ответил Игнис. – Но она уже залечила дерево. Сказала, что в ураган бы эта мачта сломалась.

– Да что это за ураган такой? – скрипнул зубами Моллис.

– А еще она хочет есть, – продолжил Игнис. – И просит одну стрелу от лучшего лучника. Если у тебя есть лучник, и он поразит этот свейский корабль за три сотни шагов, то мы будем спасены.

– Это тебе тоже наша ведьма сказала? – поморщился, словно от зубной боли, Моллис.

– Разве она ведьма? – удивился Игнис.

– Все они ведьмы, – поднялся на ноги Моллис. – Но некоторые думают, что они воспитанные и учтивые девочки. Если тебе такая попадется, не разубеждай ее. Шупа! Где ты, морской еж тебе в штаны? А ну-ка, брось свои паруса и сооруди что-нибудь съестное для нашей гостии!

– Вот, – Моллис протянул Бетуле длинную стрелу со стальным даккитским наконечником и тройным оперением, подтолкнул вперед испуганного Шиару, который сжимал в руках извлеченный из недр кубрика длинный тиренский лук. – Это пойдет?

– Пойдет, – Бетула забрасывала в рот горстями сушеные фрукты, закусывая их лепешкой и запивая легким вином. – А этот умелец попадет в свейский корабль за триста шагов?

– Куда нужно попасть? – хрипло спросил Шиару, озираясь, словно упомянутый корабль уже был в трехстах шагах или даже ближе.

– Куда угодно, – она наморщила лоб, почесала нос. – В борт, в мачту, в палубу. В дерево. Если попадешь в свея, будет хуже, но тоже ничего. Главное, чтобы стрела не упала в воду.

– Может быть, тебе дать две стрелы? – сдвинул брови Моллис.

– Не успею, – Бетула расплылась в улыбке. – Даже одну стрелу я буду готовить весь этот день, всю ночь и завтра до полудня. Если твой воин промахнется, мы все умрем.

– Он не промахнется! – грозно рыкнул Моллис, разворачивая Шиару и пинком отправляя его прочь. – А если промахнется, тогда умрет первым. Но не от мечей свеев.

– Пусть так, – кивнула Бетула. – И еще мне нужны два ведра пресной воды. И острый нож.

– Нож-то зачем? – обреченно поморщился Моллис.

– Резать, – объяснила Бетула и тут же надула губы. – Не стрелу, черный капитан, себя. Я могу грызть, но так больнее. Хотя если тебе меня не жалко...

– Послушай, – Моллис вздохнул, присел напротив прайдки и стал говорить с ней так, как говорят с ребенком. – Я дал тебе стрелу. Сейчас будет вода. И острый нож, который я сначала прокалю над огнем. И этот самодовольный вельможа не будет отходить от тебя. И Шупа будет бегать по любому твоему писку. Но я не верю в бурю, потому что хожу по морю не один год, и никогда не видел бури после такой погоды, в этом месте и в это время. Конечно, если не ты ее выдумала и закрутила.

– Я сумасшедшая, – точно в таком же тоне ответила Моллису Бетула. – Но не дура. Я хочу жить. Долго жить. И я не умею придумывать бури. Только цветы или деревья.

– Ладно, – хлопнул ладонями по коленям Моллис. – Тогда скажи мне, зачем нам это приключение? Да, не спорю, если эта самая буря случится, то я порублю платок со своей шеи, сварю его с вяленным мясом и съем. Но если она случится, нам ее не миновать. Но почему мы не можем миновать свеев? Если ты видишь будущее, почему не избежать его?

– Я не вижу будущее, – захихикала Бетула. – Я знаю его. Не все, не всегда, но то, что может меня убить, мне известно. Конечно, если я не пьяна или не ранена. Или не околдована. Сейчас я трезва, чиста и здорова. Почти здорова. И я знаю, что завтра корабль свеев столкнется с нами. Чтобы ты ни делал: опускал паруса, ставил дополнительные, менял курс, возносил молитвы своим черным богам – все это будет служить той самой встрече. Ты понял это?

– Нет! – рявкнул Моллис и затопал прочь.

– Не режь и не ешь платок, когда закончится буря! – крикнула ему вслед Бетула. – Он мне нравится. Отдашь его мне!

Девчонка просидела со стрелой весь день, всю ночь и следующее утро. Она опускала ее в воду, гладила, облизывала, только что не садилась на нее верхом, а может быть, и садилась, но Игнис, который бросил тюфяк возле нее прямо на палубу, часть этого времени проспал. Утром все еще бодро дул южный ветер, и Моллис, который пришел проведать ведунью, был явно весел, хотя Шиару продолжал упражняться с длинным луком, повесив крышку от бочки на главную мачту. За час до полудня Моллис уже оглашал громким хохотом всю палубу и даже приказал Шупе заложить два румба к востоку, пусть данайский берег еще только начал угадываться мглистыми пиками Абанаскуптату. Бетула продолжала жевать сушеные фрукты и продолжала натирать пальцами стрелу. Воды в ее ведре почти не осталось, хотя она не пила ее и не выплеснула наружу ни пригоршни, а свежих ран на руках и ногах – прибавилось.

Ровно в полдень ветер внезапно стих, паруса обвисли. И именно тогда моряк из люльки проорал, что на востоке показался корабль свеев. Моллис приложил к глазу трубу, секунду-другую пялился в нее, затем долго протирал то стекло, то сам глаз, словно не верил ни тому ни другому, пока наконец здравый смысл не прорезался в черной голове и громовой рык не огласил палубу:

– По курсу данайский неф, набитый свеями под завязку! Шупа, кальмара тебе в глотку, разворачивай! Все, кто есть, кроме парусных, на весла! Хоть десяток жердей окунем в волны! Грести, поганцы! Грести! Игнис, не знаю уж, что там наколдовала твоя ведьма, но и твой меч нас не спасет, если что. Давай-ка, принц, зажигай дровишки под котлами с варом! Они на корме. Шиару, крокодилий потрох, проверь свой лук. Если тетива лопнет, кишки твои натяну! Попробуем оторваться!

Оторваться не удалось. Ветер едва дышал, паруса висели, как белье на высушке в тесном дворе. Корабль свеев приближался стремительно. Куда уж там было биться десятку гребцов против сотен ладно взрезающих океанскую гладь весел. «Белый» едва двигался. Уже можно было рассмотреть столпившихся на палубе орущих и размахивающих топорами северян.

– Плохие времена настали, плохие, – пробормотал Моллис, медленно проводя по своему тесаку точильным камнем. – Но если будут долбиться с кормы, еще порубимся. Но поджечь вряд ли сможем. У них палуба покрыта мокрым войлоком. Знаю я такие штучки.

– Не порубимся, – мрачно заметил Игнис. – Нос их корабля обит медью. Они вскроют нас, как скорлупу.

Тут-то и появилась Бетула. Встала возле Моллиса, напоминая огородное пугало, накрытое старой рубахой, зажала мокрую от воды стрелу тонкими коленями, потянула руку, пощупала на шее оторопевшего капитана платок.

– Не забудь, послезавтра мне отдашь. Если бурю выдержим. Еще платье хочу. Но это потом. Вот стрела.

Шиару был тут как тут. Принял трясущейся рукой стрелу из рук Бетулы, выронил ее в удивлении, Игнис подхватил и удивился тоже. Стрела стала тяжелее, будто была не только выполнена из сырого дерева, но и еще утяжелена. Вдобавок вместо оперенья на ее конце зеленели узкие и длинные листья.

– Ты чего? – рассвирепел Моллис. – Ты думаешь, что у него катапульта?

– Заткнись, капитан, – неожиданно твердо сказал Шиару. – Мой лук выдержит. Сколько сейчас до свеев?

– Пятьсот шагов! – зарычал Моллис. – Уже меньше, стрелок!

– А ближе нельзя подпустить? – поинтересовался Шиару так спокойно, словно торговался в оружейной мастерской.

– Триста шагов, – пожала плечами Бетула. – Дальше – не добьешь, ближе не успеет схватиться моя ворожба.

– Ну, как знаешь...

Шиару сунул другую стрелу в котел с варом, намотал на ее наконечник черный ком, вытащил, взвесил на ладонях, сравнил со стрелой Бетулы, опустил в чан с водой. Смола зашипела, и утяжеленная стрела легла на изгиб длинного лука.

– Четыреста! – предупредил стрелка Игнис.

– Смотрите! – крикнул Шиару, натягивая тетиву. Плечи здоровяка взбугрились мышцами, клееная древесина мощного лука заскрипела, пальцы разжались, стрела фыркнула, но полетела неровно и недалеко. Упала, не долетев до корабля свеев, вызвав на их палубе дружный гогот.

– Всего-то на двести пятьдесят отправил! – зарычал Моллис.

– Ничего, – прошептал Шиару, сдувая повисшие на щеках капли пота. – Сейчас...

– Подожди, – прошептала Бетула, взялась сразу за оба руга лука, зашевелила губами, покачнулась, захлопав кровью в ноздрах, зыркнула мутными глазами на Моллиса. – Платок и платье!

Снова заскрипела древесина. Одно мгновение Игнису казалось, что или лук сломается, или мышцы на плечах Шиару порвутся, но вот тетива фыркнула и тяжелая, влажная, украшенная живыми листьями стрела взвилась в синее небо.

– Не долетит, – прохрипел Моллис.

– Долетела уже, – в изнеможении опустил на палубу Шиару.

Стрела долетела. Игнис думал, что она канет в волнах или скользнет по укрытому медью носу, но стрела долетела и вонзилась в один из свейских щитов, которыми укрылся борт разбойничьего корабля еще и при первом выстреле. Снова раздался торжествующий гогот, один из свеев, ставший обладателем трофея, выдернул тяжелую стрелу из своего щита, заорал что-то, размахивая ею, заставив замереть и Моллиса, и Шиару, и Игниса, и Шупу, и всех, кто молил о спасении с палубы «Белого». Затем свей с размаха воткнул ее в палубу у своих ног.

– А теперь смотрите, – захихикала Бетула.

Ничего не происходило. Вот уже до корабля свеев осталось двести шагов, сто, еще меньше. Вот уже стали различимы не только рожи разбойников, но и рисунки на кованых застежках их жилетов. Вот уже и воткнутую стрелу в палубу кто-то сбил и затоптал, когда вдруг расстояние между «Белым» и свеями перестало сокращаться. Все так же вздымалась сотня весел, все так же прыгали на палубе свеи, но их корабль не приближался. А потом и стал отдаляться. А когда до него стали все те же триста шагов и вопли радости разбойников сменились воплями недоумения и злобы, ворожба проявилась. Затрещал, отстреливая сучья и ветви, срывая медную обшивку, нос корабля. Оделись листвой весла. Закудрявились густыми кронами мачты. Начал подниматься на палубе кустарник. И сквозь теперь уже испуганные, исполненные ужаса крики свеев над морем пополз пряный аромат.

– Миртия? – удивился, втягивая ноздрями запах, Шиару. – Разве стрелы бывают из миртии?

– Нет, – улыбнулась Бетула. – Твоя стрела была из клена. Но я люблю миртию. Запах ее освежает. Ну что, капитан? Ты все еще считаешь, что я зла? Со свеями ничего не произошло, не считать же за ущерб, если кто-то из них облегчился прямо в штаны? Хотя в бурю им придется нелегко. Боюсь...

– В бурю? – словно избавился от оцепенения Моллис и заорал что было сил: – Всем, кроме гребцов, наверх! Все крепить! Бочки в трюм! Все дыры задраить! Быстро!

– И чего это он? – удивилась Бетула. – Буря же только послезавтра?

Глава 6

Ути

– Он должен жить, – повторила Ути, когда Слагсма́л уже лежал на столе и Фламма осторожно срезала с его тела повязки. Над столом висело с полдюжины светильников, пологи шатра были закинута́ у двух его входов, на которые спешно водрузили сетки. Вода булькала в котле, все нужное лежало на соседнем столе под такими же светильниками. И десяток помощниц, включая и тех, к прелестям которых воины Слагсмала прикладывались время от времени, стояли за спиной Фламмы и Алиуса. Точно так же, как за спиной Ути замер вытиравший со лба пот Вермис и вытянулись с десяток стражников-вентов, готовых снести головы и Алиусу, и Фламме, и даже Вермису по одному движению брови Ути. Но тот, возможная гибель которого словно поставила его названую или настоящую сестру на край пропасти, лежал так же неподвижно, как лежали все тяжелораненные, которых приносили из-под стен Шуманзы и которых Фламма и Алиус спасали так же, как если бы они не были разбойниками и убийцами, а были бы их защитниками.

– Он должен жить, – повторила Ути, и Фламма вдруг слышала в ее голосе не только ненависть к тем, кто посягнул на жизнь ее брата, но и слезы, которые она пока что замечала ненавистью и злобой, но которые готовы были вырваться наружу. – Меня хотели убить, и убийцу смог остановить только он. Пусть и сам был ранен. Почти смертельно!

– Кто пытался убить его? – спросил Алиус, коснувшись запястья Фламмы, давая понять, что лечение ему уже ясно. Двумя пальцами, значит, без магии ему не обойтись точно.

– Это важно? – злобно прошипела Ути.

– Очень, – спокойно ответил Алиус, положив ладонь на лоб Слагсмала. – Лучше было бы увидеть оружие, но иногда достаточно описания самого злодея. Убийство, тем более попытка убийства столь великого воеводы – это ремесло. Ремесленники делятся на цеха. В каждом цеху свои секреты.

– И ты их знаешь? – растянула губы в зловещей ухмылке Ути.

– Не все, – ответил Алиус. – Но некоторые знаю. Я был угодником. Да и остаюсь им. За пятнадцать лет исходил всю Анкиду, кое-что повидал. Оружие бывает отравленным, но не все яды действуют сразу. Не все легко обнаружить.

– Покушалась женщина, – произнесла Ути после недолгой паузы, во время которой ее взгляд не отрывался от рук Фламмы, срезавшей одежду с тела Слагсмала. – Немолодая. Очень умелая. Очень. Она нанялась служанкой... Ее поставили служанкой, но она доказала, что может разбираться с блюдами. Работала на кухне. Но отравить не могла ни меня, ни Слагсмала. Со всех блюд снимаются пробы.

– Есть яды, которые неощутимы и действуют через неделю, – позволил себе заметить Алиус, опуская вторую ладонь под страшную рану, почти обнажившей Слагсмалу сердце.

– Она служила у нас месяц! – повысила голос Ути. – Начальник стражи уже начал ей верить, допустил в шатер и поплатился. Она выхватила у него меч и попыталась пробиться ко мне. Поразила и мастера стражи, и восемь стражников, и убила бы меня, если бы не Слагсма́л. Он ворвался в шатер первым, и хотя она успела ранить его, вонзил ей клинок в сердце. К несчастью, я не смогла допросить ее. Да и уцелевшие стражники секундами позже вонзили в нее мечи.

– Разрубили? – спросил Алиус.

– Что? – закипела Ути.

– Меня интересуют руки, – Алиус так же спокойно перенес ладонь со лба на рану, что зияла на животе Слагсмала. – Было ли что-то выколото у этой женщины на плече?

– Квадрат, – сдвинула брови Ути. – Черный квадрат, вроде того что когда-то был изображен на стягах инквизиции. Я видела... в свитках. Только линии, которые перекрещивают его, шли не из углов, а из середины сторон.

– Тогда все немного проще, – кивнул Алиус. – Эта убийца из Ордена Слуг Святого Пепла. Я сталкивался с подобным покушением. Оружие не было отравлено. Хотя если оружие было выхвачено у мастера стражи...

– И тогда тоже была женщина, и у нее было это? – повысила голос Ути и коснулась сияющего перстня на руке, которой она продолжала стискивать плечо Слагсмала.

– Кажется, да, – кивнул Алиус. – Но лучше, если мы обсудим это позже. Сейчас важнее вытащить из-за полога твоего брата, Ути. Я преклоняюсь перед твоей силой, ты удержала его на краю гибели, но теперь я буду держать его. Убирай руку. Я уже подхватил твою ворожбу. Он не уйдет от нас.

– Я останусь здесь! – твердо сказала Ути, но руку с плеча Слагсмала сняла и, верно, что-то ощутила при этом, потому что не удержалась и взглянула на Алиуса. И теперь в ее глазах уже были не только презрение и ненависть, но и уважение, и как будто надежда.

– Хорошо, – кивнул Алиус, зажмурился, и одна из помощниц тут же стерла тряпицей пот с его лица, заставив стражников загреметь мечами.

– Хорошо, – повторил Алиус. – Тем более что держать ворожбу ледяного сна трудно, но можно, а вот снять заклинание будет труднее. И тут уж, почтенная Ути, без тебя я могу и не обойтись.

– Я здесь, – повторила она и чуть подалась назад, уступая место Фламме, которая подошла к раненому с ее стороны. – Что вы собираетесь делать?

– Соединять, зашивать, оживлять и вплетать в нить его жизни дополнительные волокна, – ответил Алиус. – И как бы мы ни старались, считай, что спасла его ты, Ути. Твое заклинание его спасло. Иначе бы он уже умер от потери крови. Но он тяжел и так. Поврежден кишечник, чуть-чуть задето легкое, перебиты три ребра. Кроме всего прочего, возможно и заражение. Не от яда, а от обычной грязи. Без магии тут не обойтись.

– Я готова, – словно эхо из полумрака вымолвила Ути.

– Я обращусь, если мои силы иссякнут, – кивнул Алиус и посмотрел на Фламму. – Я держу его, Аксилла. Начинай с живота...

Им не удалось уйти ночью. Они чистили, соединяли, зашивали, оживляли и вплетали нити жизни в правителя вентов до рассвета. И Фламма, которая орудовала нитью, иглой и ножом почти рядом с живым, пусть и медленно, но бьющимся сердцем Слагсмала, вдруг почувствовала, что ее руки не дрожат, а уверенно делают свое дело. Но под утро, когда были зашиты раны и Слагсмал был переведен из ледяного сна в обычное беспамятство, когда осунувшаяся за ночь Ути обожгла взглядом лекарку с окровавленными руками и ушла из шатра, усталость догнала и Фламму. Она зашла за ширму, села на топчан и прошептала подошедшему Алиусу:

– Сегодня я никуда не побегу.

– Спи, – положил он ей руку на плечо, обернулся, нашел взглядом девчущку, которой позволил прикорнуть еще в полночь, поманил ее и наказал сидеть возле Слагсмала и, если что, звать Аксиллу.

– Я набросила наговор, – пошевелила пальцем, зевая, Фламма. – Проснусь, даже если у него дрогнут ресницы.

– Напрасно, – вздохнул Алиус. – Ути заметила. И то, что ты не уродка, – тоже. Ты так была погружена в свое дело, что забыла о гримасе. Ее и теперь нет у тебя на лице. Думаю, и Вермис это видел.

– Знаю, – чуть слышно вымолвила Фламма. – Хотя они ведь могли подумать, что мое лицо случайно исправляет гримаса усердия? Я смеюсь... Зато я хромала в этот раз по-настоящему. Правда, на обе ноги... Не волнуйся, пока Слагсма́л болен, нам ничто не грозит.

– Увидим, – погладил по плечу Фламму Алиус, удержался, чтобы не прикоснуться к ее животу, поднялся и шагнул к ожидающему его возле Слагсмала Вермису.

– Ути ждет тебя, – холодно произнес мастер.

Возле лекарского шатра уже стоял еще один богатый шатер. Охранники окружили его едва ли не кольцом, и даже вонь со стороны развалин Шуманзы словно ослабла, внутри же шатра, среди ковров, шелковых ширм, каких-то резных столиков, кресел, диванов и множества подушек вони не чувствовалась вовсе. И без магии тут явно не обошлось. Но в той комнате, в которой по кивку Ути Алиуса оставили с ней одного, не было ничего лишнего. Ути сидела на топчане, рядом, на бочонке, стояла бутылка вина, лежал хлеб и тушеное мясо. На такой же бочонок позволила сесть Алиусу и Ути. Алиус уронил на прикрытый ковром пол камень, который нес в руке, сел. Ути усмехнулась, щелкнула пальцем, Алиус услышал треск и с удивлением увидел, что камень, который он таскал на цепи, уменьшился на треть, осыпался пылью.

– Бойся меня, – уставилась на него Ути.

– И прежде боялся, – скривил губы Алиус. – Тем более что теперь я, кажется, знаю, как Слагсма́лу удалось взять Иевус. И вызванные из войска Джофала свейские шаманы кружились близ его ворот ради услаждения взгляда. Ты вскрыла крепость!

– Еще что ты знаешь? – прищурилась Ути.

– Ты великая колдунья, – развел руками Алиус. – Хотя и напрасно пытаешься внушить мне покорность и обожание к себе. Я не Джофал и ничем не угрожаю ни тебе, ни Слагсма́лу. Наоборот. К тому же я и так покорен и уж во всяком случае отдаю должное твоей красоте.

– Ты сведущ в магии? – спросила Ути.

– Не настолько, чтобы удерживать магические удары, которые ты обрушивала на Шуманзу, – признался Алиус. – В отличие от королевы валов я всего лишь лекарь. Но не могу не признать, что ты или Слагсма́л вышли из трудной ситуации, затея с речкой была удачна. Не для валов, конечно.

– Ты знаешь, что я могу убить тебя? – спросила Ути Алиуса.

– Не в ближайшие два дня, – качнулся Алиус. – Твой брат должен открыть глаза, уснуть и снова открыть их. Только после этого можно быть уверенным, что он выберется.

– Но ты уверен, что он выберется, – прищурилась Ути.

– Да, – снова качнулся Алиус. – И более тяжелых вытаскивали. Я и сам был более тяжелым. Правда, и вытаскивался полгода.

– Я все узнала про тебя, – проговорила Ути. – Ты и в самом деле угодник. Тебя продала своим колдунья. Еле живого.

– Да, – пожал плечами Алиус. – Зачем мне было лгать? Почти мертвого.

– Почему она не убила тебя? – прищурилась Ути. – Ты ведь, кажется, ей изрядно досадил?

– Ей сказали, что убийство угодника – плохая примета, – объяснил Алиус. – К тому же она решила, что я и так сдохну. А я не сдох. И Слагсма́л будет жить. Только и отличие, что я выбирался из-за полога сам. И очень медленно. До сих пор все еще частью там.

– И это так, – продолжила Ути. – И об Ордене Слуг Святого Пепла за ночь для меня узнали все, что могли узнать. То есть почти ничего. Когда-то, давно, он был. Потом прекратился. Сейчас опять появился. В нем одни женщины-убийцы. Кажется, их мало. Где располагается орден – не знает никто. Кто ему покровительствует – не знает никто. Зачем он – не знает никто. Когда-то он был тонким инструментом, чтобы удалять те опухоли, до которых не могла добраться инквизиция. Но и тогда о нем почти ничего не было известно, а теперь и инквизиции как будто нет!

– Не слышал об опухолях, которые удаляла инквизиция, – проговорил Алиус. – О тысячах несчастных, замученных без причины – сколько угодно.

– В том числе и угодников, – усмехнулась Ути. – Расскажи мне о том, на кого покушался этот орден.

– Рассказывать особо и нечего, – вздохнул Алиус. – Орден покушался на одного из сыновей короля Лаписа, при котором я был воспитателем. Недолго. Принц недостойно повел себя в состязании на Ардуусской ярмарке, и отец нанял меня. Наверное, за мой спокойный нрав. На этого принца и было покушение. Но его смогла спасти его собственная мать, которая была чуть удачливее, чем Слагсмаг. Или убийца, подосланный к принцу, был чуть слабее.

– И этот перстень... – подняла ладонь Ути.

– Служил для того, чтобы найти того, кого нужно убить, – закончил Алиус. – Он ведь светится.

– А потом этот принц... – начала Ути.

– Мне неизвестна его судьба, – вздохнул Алиус. – При следующем нападении я был почти убит. И оказался у свеев.

– Но ты знаешь... – сузила взгляд Ути.

– Я знаю, – кивнул Алиус. – Я – угодник. Это – камень Митуту. И в тебе тоже.

– Зачем? – наполнила болью глаза Ути. Или постаралась наполнить.

– Мне это неизвестно... – вздохнул Алиус. – Я бы такого груза не желал. Хотя тот, кто его получает, получает и иное.

– Что же? – нахмурилась Ути.

– Думаю, разное, – пожал плечами Алиус. – Силу, удачу, что-то еще. Мне не выпадал такой камень. Поэтому я могу только предполагать. Думаю, что твою силу он лишь упрочил.

– Но чего хочет этот Орден Слуг Святого Пепла? – спросила Ути, разглядывая светящийся перстень на пальце. – Зачем ему моя смерть?

– Не знаю, – ответил Алиус. – Камень Митуту нельзя извлечь, вырезать, забрать себе. Если тебя убьют, Ути, он сам найдет себе хозяина. И так будет до тех пор, пока Лучезарный не вернется.

– Лучезарный? – Ути выпрямилась, безжизненно произнесла: – И скоро это произойдет?

– Это будет зависеть от количества крови, вылитой на землю Анкиды, – произнес Алиус. – И, может быть, от того, сколько будет убито хозяев камней, пока он не окажется в груди того, кто будет делать то, что угодно Лучезарному. Может быть, Слуги Святого Пепла хотят подправить волю Лучезарного? Помочь ему? Правда, тогда выходит, что они ему служат, но не Энки? Хотя кто ему служит, кроме угодников? Я и в них не во всех уверен...

– Но почему я? – в мгновение скривилась в жалобной гримасе Ути. – Почему я?

– Что-то приманило его, – предположил Алиус и вдруг увидел едва приметный жест. Ладонь, которой Ути что-то прижала к груди через платье. Алиус выпрямился и вдруг почувствовал сквозь брезгливость и неприязнь к властной красавице жалость к ней же. И это не было результатом ее воровства.

– А ведь тебе приходится нелегко, Ути. Со всей твоей силой. Береги себя.

– Уж не сомневайся, – жестко ответила она. – Иди. Я еще буду говорить с тобой.

– Надеюсь на это, – поднялся и поклонился правительнице Алиус.

– Эта... – Ути окликнула его в спину. – Эта Аксилла – твоя женщина?

– Да, – обернулся и склонил голову Алиус.

– И она корчит гримасы, чтобы уберечь себя? – усмехнулась Ути.

– А что ей еще делать? – спросил Алиус.

– Женщина должна полагаться не на гримасы, а на своего мужчину, – отчеканила Ути. – Иди.

Когда лаэт вышел наружу, он увидел, что рядом с шатром Ути ставится еще один шатер и сотни свеев развертывают лагерь. А из лекарского шатра вышел высокий и, что удивительно, черноволосый широколицый свей. Он на мгновение задержался напротив Алиуса, окинул его взглядом, потянулся за мечом, чтобы срубить голову наглецу рабу, посмевавшему не склонить ее, но услышал за спиной шипение Вермиса:

– Это тот самый лекарь, властитель Джофал! – и оставил меч в ножнах. Только ударил Алиуса ладонью в лицо так, что тот не вошел в шатер, а почти вкатился в него, хлюпая кровью из сломанного носа. Взгляд правителя, который без обиняков говорил лаэту, что ему не жить, Алиус, подтягивая к стертой в кровь ноге камень, поймать успел.

У ложа Слагсмала уже стояли не только свейские, но и вентские стражники. Из-за ширмы появилась Фламма, едва не бросилась к Алиусу со слезами, но споткнулась, упала, заковыляла, волоча за собой собственную тяжесть.

– Успокойся, – принялся вытирать кровь платком Алиус. – Не первый раз, может, и не последний. Заживет. И зачем здесь нос? Носом тут невозможно дышать, вонь одна!

– Ты радуешься? – удивилась Фламма.

– Я не поклонился ему, – гордо прошептал Алиус. – Отец нашего ребенка не поклонился разбойнику.

– Герой, – укоризненно покачала головой Фламма и добавила тише: – Ты лучше подумай, как сделать, чтобы не перебили наших лекарок после того, как мы уйдем!

– Им всего лишь следует оставаться возле больного, – прохрипел Алиус. – Эти разбойники злы, но не настолько глупы. Этих лекарок мы уже натащали, а других еще поищи!

...Слагсма́л открыл глаза следующим утром. Прохрипел что-то, но Алиус уже был наготове, влил ему в рот воду, смешанную со снадобьем, разложил целебные травы, раскинул заранее приготовленное заклинание бодрости. Плеснул в него столько силы, что, будь Ути не просто одаренной камнем Митуту, а еще и показавшейся Алиусу колдуньей, она бы вздрогнула от яркости этого заклинания и за несколько лиг. Зато глаза Слагсмала прояснились, и в них появилось то же самое, что и в глазах Джофала – ненависть, решимость и что-то непроглядное и черное.

– Ути, – шевельнулись губы.

Она вбежала в шатер через секунду. Замерла перед ложем, расплылась в улыбке, с этой же улыбкой обернулась к вошедшему за ней Джофалу, опустилась на колени, прижалась к щеке Слагсмала щекой. Вент медленно, с трудом согнул левую руку, обнял Ути, посмотрел на Джофала и очень тихо, но твердо сказал:

– Выступаем!

– Но... – запротестовала Ути.

– Выступаем через десять дней. Я встану. Мои Тимор и Обстинар. Твои, Джофал, как ты и хотел – Касаду и, если захочешь, Махру.

– Это хорошо, – расплылся в широкой улыбке Джофал. – Не люблю я эти горные крепостенки.

– Встретимся у Аббу́ту в начале осени, – в изнеможении закрыл глаза Слагсма́л и, прежде чем задыхаться тяжело, но ровно, добавил: – Или раньше. Но я встану через десять дней. Пусть лекари стараются.

Ути и Джофал повернулись к согнувшемуся в поклоне, зажавшему в руке истрепанный пергамент Алиусу.

– Я все сделаю, – зачастил лаэт. – Вот, тут я уже составил все снадобья... Но десять дней... Это мало. Мало, но можно, – еще быстрее начал говорить Алиус, словно испугался сдвинутых бровей Джофала, к тому же захлопал опухшим носом, из которого снова пошла кровь. – Можно. Тогда я... Аксилла! – словно в отчаянии он повернулся к застывшей среди лекарок Фламме. – Ты мне поможешь. Нужен пепел! Белый пепел с кровью и пылью тысячелистника.

Но без тлена. Я различу кровь, но пыльцу только ты. И охрану! Двоих крепких воинов. Или троих. И снять эти камни с ног. Надо бы еще мешки с гнилью отнести в развалины, чтобы не оскорблять обоняние правителя Слагсмала, правителя Джофала и правительницы Ути.

– Шестерых лучших воинов из моей охраны, – отрезал Джофал. – Камни – не снимать. Мешки они унесут. Но уж будь готов, лекарь, заплатить потом за все. Если не поднимешь моего друга и брата Слагсмала за полторы недели!

– Я понимаю, – склонился в низком поклоне Алиус.

...Они ковыляли вниз по склону, Фламма, опираясь на свою палку, тащила жестяное ведро, Алиус нес свой уменьшившийся, но все еще большой камень, и цепи звенели при каждом шаге. Перед ними в лиге вздымались обугленные развалины Шуманзы. За лекарями шли шестеро молодых свеев, каждый из которых был едва ли не на голову выше лаэта. Свеи тащили издающие смрад мешки, но, судя по их лицам, рассчитывали на то, что рано или поздно так же понесут мешки с порубленными телами рабов, ковыляющих перед ними.

– И все-таки ты склонился перед ним, – заметила Фламма.

– Считаю, что я склонился перед нашим ребенком, – ответил ей Алиус.

– Ты веришь, что Слагсмала можно поднять за десять дней? – спросила Фламма.

– Поднять – это же не посадить на лошадь, – вздохнул Алиус. – Но если они будут делать то, что я написал в пергаменте, так и получится. И он пойдет на Тимор и Обстинар. На мой родной Тимор, который одновременно и родной город твоего отца... Ты считаешь, что Слагсмала следовало убить?

– Я сейчас могу думать только о нашем ребенке, – призналась Фламма. – И еще о том, что нога стерта цепью в кровь. И об этой проклятой хромоте. И о гримасе. И о том, что за нами идут шестеро великанов, которые могут перебить нас щелчками.

– Не думаю, – не согласился Алиус. – Если бы ты знала, как за пятнадцать лет из неугожих юных лаэтов делают настоящих угодников, ты бы, наверное, пожалела этих молодцев. К счастью, твоя палка с тобой. Позволишь ею воспользоваться?

– Только потому, что живет у меня здесь, – прижала она ладонь к животу. – Слушай, а что ты за чушь нес насчет белого пепла с кровью и пылью тысячелистника? Такого состава нет ни в одном лечебнике. Откуда пыльца в пепле? И почему с кровью? Ты опять мне что-то не рассказал?

– Надо поспешить, – поморщился Алиус. – И не ломай себе голову. То, что я сказал, и есть чушь. Ты это уже начала понимать. Думаю, что минут через тридцать и Ути это поймет. Или заподозрит что-то. Конечно, если она не сошла с ума по своему брату. К тому же колдовство развееся.

– Колдовство? – едва не споткнулась и загремела ведром Фламма. – Еще какое-то колдовство? Я уж думала, что, накрывая Слагсмала наговором бодрости, ты потратил месячный запас силы. Почему я не почувствовала этого колдовства?

– Потому что я околдовывал сам себя, – прошептал Алиус. – Собственной кровью из платка, которым подтирал собственный сломанный нос. Конечно, тонкий маг бы различил мою ворожбу, но наговор бодрости перебил все. И, как мне показалось, восхитил даже Ути. А ведь она неплохая колдунья, мне даже казалось все время, что ее где-то учили. Есть в ее магии что-то... от Эрсет... К тому же она сильна выпавшим ей камнем и амулетом, который она ощупывает под платьем на груди. Но и только.

– Ты навел наговор правдивой речи на самого себя? – удивилась Фламма. – Разве так можно? Я думала, что в таком случае ты выкладываешь все, что думаешь?

– В общем-то, да, – замялся Алиус. – Но есть некоторые тонкости, которые можно использовать.

– И что же теперь нам делать? – надула губы Фламма. – Представь, ты возвращаешься поздно в наш маленький будущий домик, я спрашиваю, где ты был, накладываю на тебя наговор правдивых слов, а ты используешь эти «некоторые тонкости» и нагло врешь?

– Не так, – сдвинул брови Алиус. – Я живу в нашем большом доме и никуда не ухожу, потому что больные, которых мы с тобой лечим, сами приходят к нам. И у меня нет никакой причины тебе врать. Тем более что уж колдовской силы в тебе никак не меньше, чем во мне.

– О чем это вы там болтаете?! – рявкнул за спиной Алиуса и Фламмы один из свеев.

– Совок забыли, – послушно перешел на свейский язык Алиус. – Будем пепел собирать пригоршнями. Но вы не волнуйтесь, вам это делать не придется. Мы все сами.

– Я переломлю тебе хребет, – зашипел свей.

– Только после того, как встанет на ноги почтенный Слагсма, – поклонился на ходу Алиус. – Не стоит волноваться, мы уже почти на месте.

Шагая по обугленным бревнам, странная процессия перебралась через заваленный черными камнями ров, вошла в пролом в городской стене и двинулась по едва угадывающейся между руинами улице.

– Ты издеваешься?! – взревел через пару сотен шагов все тот же разговорчивый свей. – Чем тебя не устраивает этот пепел? А этот? А этот чем плох? Я уже слышу реку, а мы все идем и идем! Да еще тащим с собой эту гниль! Я не могу тебя убить, но отрезать уши или нос – сколько угодно! И Джофал меня поймет!

Воин отшвырнул мешок в сторону и положил руку на рукоять меча. Прочие мешки полетели туда же.

– В самом деле, – Алиус развернулся, пригляделся к рассыпающейся в пепел деревянной пристройке к некогда двухэтажному дому. – Хороший пепел! Где были мои глаза? Правителю Слагсма, он поможет непременно! Кровь в нем есть или будет. А вот есть ли пыльца... Аксила, надо посмотреть внимательнее. Иди сюда... Эти камни так затрудняют работу...

Лаэт ступил в сухой пепел так, что разбитые башмаки скрылись в нем вместе с цепью, наклонился, просеивая пепел между пальцами, даже попробовал его лизнуть, восторженно покачал головой, протянул руку и взял у спутницы посох, на который она опиралась. Свей остановились, зло ухмыляясь, а лаэт, оставив и камень, и цепь лежать в пепле, вдруг шагнул вперед, выдернул из посоха длинный и узкий даккский меч и одного за другим срубил троих разбойников. Оставшаяся троица успела выдернуть мечи, но и только. Их смерть запоздала всего лишь на пару секунд.

– Вот и все, – на мгновение замер Алиус, закрыв глаза. – Шесть крепких и здоровых парней, которые только начинали жить, мертвы...

– Отлично, – проговорила, освобождаясь от цепи, Фламма. – Тут уж или они, или мы. Меня устраивает как раз случившийся выбор. И твое мастерство – тоже. Я, конечно, не могу похвастаться таким же умением, но представляла себе примерно то же самое. Мой наставник учил меня сражаться именно так.

– Угрюмый дакит, который жил на неприметной улочке в Ардуусе и не любил никчемной болтовни? – спросил Алиус, споро обыскивая убитых.

– Откуда ты знаешь? – изумилась Фламма.

– Кажется, у нас был один наставник, – заметил Алиус, пристегивая на пояс один из захваченных мечей. – Его звали и зовут Йор. Но со мной он занимался дольше. И не со мной одним.

– Так он тоже угодник? – оторопела Фламма.

– Не совсем, – еще больше заторопился Алиус. – Все после. Думаю, что у нас не более получаса, чтобы убраться отсюда. Ты уже вытряхнула монету из башмака? Забывай о хромоте, гримасе и обо всем, кроме нашего ребенка. И спешим; в котором из этих мешков наша поклажа? Ты ведь должна была пометить его серой лентой?

– Вот она, – рассмеялась Фламма. – А ты взял снадобье, чтобы мы могли переносить ужасную вонь? Или забыл?

– Вот так начинается семейная жизнь, – с улыбкой покачал головой Алиус. – И она мне, раздери меня демоны, нравится.

Двое, еще минуту назад выглядевшие щедедушными рабами, подхватили загодя приготовленные мешки и побежали вниз по разоренной городской улице, даже не оглянувшись на оставшихся лежать в окровавленном пепле шестерых лучших воинов Джофала. Через пять минут Алиус выволок из-под низкого, заваленного тем же пеплом городского моста наскоро подлатанную лодчонку, а еще через двадцать минут быстрая, хоть и отравленная мертвечиной река вынесла лодчонку с парой беглецов прочь из города. Когда дружинные Джофара обнаружили убитых воинов и начали прочесывать развалины и окрестности, беглецы были уже далеко.

– Куда мы теперь? – спросила Фламма, глядя, как ловко Алиус Алитер с помощью длинного весла-шеста управляется с нехитрым суденышком.

– Туда, где нас не будут искать, – ответил Алиус. – На северо-восток. Почти в логово разбойников.

– А как же Ути с ее камнем? – сдвинула брови Фламма.

– Так же, как те swei, которым ты не успела отомстить, – ответил Алиус. – К тому же я не Слуга Святого Пепла. Я – угодник и...

Он поймал взгляд Фламмы, в котором было все – и усталость, и боль, и облегчение, и тревога, – и добавил:

– И уже не только угодник.

Глава 7

Истен-Баба

Вечером Глеба увела лошадей, а Кама спряталась за башней угодника, где на узкой тропе, ведущей к пустой дозорной будке и еще выше в скалы, стала выковыривать ножом камни из утопанной земли, чтобы похоронить мертвеца. К счастью, его самого Глеба наказала не трогать, хотя вряд ли это успокоило принцессу так уж сильно. Хозяйка Эсоксы изменилась сразу же, как только известия о гибели ее подопечной и правителей Даккиты дошли до Кагала. Она стала говорить тише и короче. И в ее движениях появилось что-то от дикого зверя, от старой, многое повидавшей кошки, зубы которой еще не выпали, а в мышцах имеется если и не свежесть, то сила. Выдолбив яму, Кама вытащила из ножен меч своего наставника, меч, которому теперь было суждено остаться с нею, и стала разминаться. Долгая дорога от Ардууса до Мануса, затем до крепости Ос, опять до Ардууса и вот теперь до Кагала и дальше, неизвестно куда, не оставляла времени для упражнений. А ведь они не только держали ее в готовности к любым испытаниям, они же и возвращали ей спокойствие. Или его видимость. Вот и теперь, хотя даже сюда, на узкую каменистую тропу, забирающуюся выше башни угодников, доносился отвратительный запах гниющей плоти, в голове и груди появлялась свежесть.

Город как будто замер. Кама видела сверху все те же улицы, площадь, опустевшую к полудню, четыре башни, в одну из которых из-за нее пришла смерть, улочки, уходящие в сторону Абуллу. Колокол больше не звонил, но ей казалось, что, если бы даже он надрывался, все равно никто бы не вышел из домов. Город спал или затаился в ожидании чего-то еще более страшного, чем то, что уже случилось. Разве только редкие водоносы катили свои тележки от дома к дому да немногие бродяги шныряли в поисках нехитрой добычи. Один из них уже с получаса волок двухколесную арбу чуть ли не к самому основанию башни угодников. Арба, как показалось Каме, была пустой, но давалась бродяге нелегко, хотя виной тому, наверное, была бутылка с вином, к которой он прикладывался через каждые десять шагов. Порты и куртка бродяги были грязны, волосы коротки и спутаны, как могут быть спутаны щетки для чистки войлока, лицо то ли покрыто коркой от ссадин, то ли грязью, а сапог не было вовсе. Сумрак уже опускался над городом, Кама приготовилась спрятаться за валуны, что лежали сразу за коновязью, когда до нее донесся голос Глебы.

– Где ты, принцесса? Как тебе мое новое платье? Похожа я на пьянчужку-могильщика?

– Никогда не встречала похожего, – призналась, выходя на дорогу, Кама. – Да и не знакома ни с одним. В Дакките я могу полагаться только на тебя.

– А я на тебя, – подперла колесо арбы камнем и устало присела Глеба. – Что, конечно, не может обещать нам спасения...

– Что там? – кивнула на тонуший в сумраке город Кама.

– Плохо, – пожала плечами Глеба. – Так же, как во всей Дакките. Насколько я поняла, в полдень была коронация Фамеса, но подробности все еще неизвестны. Ну, кроме объявленных. Мы с тобой убийцы. И кстати, Скурру Сойга тоже приписали нам. Точнее, наемным убийцам, которые проникли в замок и убили королевскую чету, Эсоксу, а потом и Скурру Сойга. Наняли их мы.

– Зачем нам это? – не выдержала Кама.

– Не знаю, – пробормотала Глеба. – Но кое-что настораживает. Эсоксы не могло быть в замке. Однажды она разлюбила его навсегда... Хотя...

– Побежала к матери или к отцу? – предположила Кама.

– Не знаю, – задумалась Глеба. – Открыть глаза на собственного сына отцу – обрушить его жизнь. Сказать то же самое матери – убить ее. Даже если и тот и другой внемлют происходящему. Нет, это не для Эсоксы. Она не хотела, чтобы о мерзости брата было объявлено от ее

имени. Надеюсь, что рано или поздно Фамес проявит себя, но в присутствии отца он всегда умел быть выдержанным, учтивым, даже доброжелательным.

– Я немного помню его... таким, – прошептала Кама.

– И это говорит о том, что он еще хуже, чем может казаться, – покачала головой Глеба. – И о том, что Эсокса могла решиться. И тогда... Значит, так. В городе все замерли, ждут известий. Готовы ко всему. От войны с кем угодно, до прихода в Даккиту белых.

– Белых? – не поняла Кама.

– Так здесь называют послушников Храма Света, – проговорила уже в полной темноте Глеба. – Они служат в белых балахонах. Без единого пятнышка. Олицетворяют этим чистоту своего покровителя. Храм Света – это Храм Лучезарного, и все это знают, но для успокоения взволнованных сами о своем храме храмовники говорят как о доме скорби убиенных губителем и о нем самом, как о нечаянной жертве. Ну и, конечно, молятся за искупление совершенного им.

– Я слышала, что Храм Света славит Лучезарного и предрекает его возвращение! – вспомнила Кама.

– Приближает его, – твердо сказала Глеба. – Уж не знаю как, но приближает. Покойный король Даккиты поддался давлению атерских королей востока и впустил в Абуллу магический Орден Тьмы. Якобы ради магической полноты. Хотя уже и Орден Луны всегда был темнее некуда... Но если Фамес впустит в Даккиту белых... Они наведут тут свои порядки. Нам нужно торопиться в Баб.

– Как мы выберемся? – спросила Кама.

– Ты еще не поняла? – спросила Глеба. – Я нашла выгонщика лошадей, точнее, его сына, передала наших лошадок в табун. Парнишка погнал их на южные предгорные луга. Думаю, что завтра они уже будут на месте, это недалеко. А вот нам покинуть город не так легко. Магию использовать нельзя. Пробиваться с боем – бессмысленно. До Баба четыреста лиг, ширина долины – где-то полсотни лиг, а в основной ее части – двадцать или того меньше. Ухоженные леса и рощи Даккиты прочесать гребнем стражи – нечего делать. Мы должны уходить тихо. И без магии.

– И как же? – сдвинула брови Кама. – Я должна притвориться мертвой?

– Я могильщик, ты мертвец, – объяснила Глеба. – Или ты думаешь, я зря волосы обрела? Вымазалась в грязи, надела на себя вонючее тряпье, позаимствовала тележку у настоящего могильщика? Пью вот теперь, чтобы от меня с утра за десять шагов било хмельным остатком? Настоящего могильщика пришлось хорошенько споить. Так что в себя он придет не ранее чем через пару дней. Радуйся, что среди кагалских могильщиков нашелся пьянчужка, – Глеба поморщилась, разглаживая тряпье на утянутой груди. – Зато расходы были только на вино и на выпас лошадей. Все прочее имелось в готовности, включая покойников, которые уже залежались у моего могильщика в его же сених. Кто-то ведь должен заниматься бродягами? Да, дорогая, бродяги случаются даже в Дакките. И иногда они умирают. К счастью, мертвец у нас свой.

– Да уж поняла, – покосилась на башню, от которой тянуло тленом, Кама. – Но разве я похожа на мертвеца?

– Будешь похожа, – заверила Глеба. – Дам тебе ночью сонной травы, уснешь до следующего вечера. Я тебя переодену в тряпье нашего собственного мертвеца, приложу к ладоням и лицу его гнилую шкуру. Никто не отличит и присматриваться не будет. А к тому времени, когда ты придешь в себя, успею ополоснуть тебя в придорожном ручье.

– А это что за дорога? – после долгой паузы, во время которой ей пришлось справиться с приступом тошноты, спросила принцесса. – За башней, где я приготовила яму для останков? Почему на ней заброшенный дозор?

– Этой дорогой мы не пройдем, – сказала Глеба. – Она ведет в мертвый город. Алу он называется. Три сотни лиг трудного пути через горы до того места, где и по сей день сияет бездна, сделавшая из цветущей страны – Сухоту. И сухотные твари. И еще четыре сотни лиг до ближайших араманских застав. Не пройдем. Нет ни припасов, ни смысла. Потому и дозор заброшен. Ни туда, ни оттуда ходок нет.

– Тогда я лягу без сонной травы, – отчеканила Кама. – Ведь меч будет у меня под рукой?

– Под тобой, – медленно произнесла Глеба. – И мои мечи, и твоя, и моя одежда – все под тобой.

Женщина чуть помолчала, снова хлебнула из бутылки, пожаловалась:

– Вторая уже. Никак не могу опьянеть. И слез нет, чтобы оплакать Эсоксу, – помолчала еще немного и добавила: – Меня не обидела твоей настороженность. Я бы поступила так же. Пусть боги пошлют тебе стойкость.

У мертвеца обнаружился ярлык паломника. Деревяшка была выкрашена охрой, с одной стороны теснящиеся руны обозначали название древнего вирского города с самых первых времен – Иалпиргах, с другой – не было ничего, как будто хозяин ярлыка не миновал ни единого дозора. Глеба встряхнула снятое с мертвеца верхнее тряпье, собрала горсть отлитых из бронзы, крохотных, на половину пальца, ключей.

– Ключи от Иалпиргаха, – проговорила она глухо, ссыпая добычу в кожаный кисет.

– Ключи от города? – не поняла Кама, которую тошнота уже выворачивала наизнанку.

– Как бы ключи от города, – объяснила Глеба, мрачно глядя в яму, в которую был сброшен мертвец. – Даже ключи от Храма. Это не бродяга, а проповедник. Проповедник Храма Света. Интересно, как он пробрался в Кагал, не отметив ярлык? Другого ярлыка у него нет.

– И что же он проповедовал? – спросила Кама.

– Вечный свет и блаженство, – захихикала Глеба. – Тот, кто поддается на его посулы, получает бронзовый ключик. И идет с ним в Иалпиргах. Тот, кто не поддается, умирает. Так говорят.

– И что там? – спросила Кама. – Что в Иалпиргахе?

– Не знаю, – отрезала Глеба и полезла в яму. – Может быть, их там сажают на золотой трон? А может быть, скармливают собакам. Я там не была и не жажду. Но придурков с такими ключами на шее встречала в детстве. Все они шли в сторону этого проклятого места, но никто не вернулся оттуда. Эх, лучше бы я закончила свою жизнь, нянча детишек Эсоксы. Я не знаю, как ты это понесешь на своем лице, но если у тебя это получится, считай, что самое страшное в твоей жизни уже позади.

– Нет, – не согласилась Кама. – Страшное не может быть позади. Только впереди.

Они отправлялись ранним утром, хотя собираться начали затемно. Пару раз Кама лишалась чувств, пока надевала на себя одеяние мертвеца. Потом, уже ложась на прикрытую соломой собственную одежду и мечи, Кама отказалась хлебнуть вина и просто закрыла глаза. Колдовать на бесчувствие, на оцепенение, на беспмятство было нельзя. Следовало перенести и это. Хотя бы для того, чтобы, выжив, понять, как близок тлен к каждому. Перед глазами встали лица матери, отца, братьев, сестры. Наставник, чей меч упирался ей в бок, мелькнул, чтобы погрозить воспитаннице пальцем. Фламма, Лава, даже Тела. Ее смертельный враг смотрела на нее внимательно и неотрывно.

– Увидимся, – прошептала Кама и в ту же секунду услышала голос Глебы:

– Пора.

Сначала гнилая плоть легла на ее руки. Арба и все вокруг, весь город тут же наполнился невыносимой вонью. Затем Глеба побрызгала на мертвецкое одеяние водой, чтобы освежить его. И после этого, прежде чем набросить на страшный груз кусок мешковины, опустила на

лицо Камы трупную личину. Вонь забила нос. Тягучая мерзость потекла по губам. Ресницы слиплись. Судорога схватила за грудь и скрутила в жгут все – лоно, нутро, грудь, глотку. Сердце словно замедлилось, но зато стало бить громко и больно. По вискам, в затылок, в лоб, в ключицы, в печень, в колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.